

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

2/2005

ПОСЛЕДНИЙ
КОНТРАКТ

ИСКАТЕЛЬ

2/2005

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Открыта досрочная подписка на 2-е полугодие на все наши издания. Оформить «досрочку» (она несколько дешевле) вы можете в феврале-марте.

Захватывающий роман Е. Глиниковой «Когда позовет смерть» читайте в первом номере журнала «Детективы «Искателя»; в «Мире «Искателя» — фантастический рассказ Б. Грея «Всемогущество» и остросюжетный детективный роман А. Ивахненко «Последний контракт».

ПОДПИСАТЬСЯ НА ВСЕ НАШИ ЖУРНАЛЫ МОЖНО С ЛЮБОГО МЕСЯЦА

Индексы:

«Искатель» — 70424, 42785 и 40940,
«Мир «Искателя» — 40920,
«Детективы «Искателя» — 38304,
детский журнал «Колокольчик» —
79035 («Пресса России»),
26089 («Роспечать»).

**Эти издания можно приобрести в редакции
или заказать по почте.**

127015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, офис 1607.
Телефоны: (095) 685-39-27, 285-39-27,
(095) 685-47-06, 285-47-06.

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

ежемесячный литературный журнал издается с 1961 года
2/2005

Андрей
ИВАХНЕНКО

3

**ПОСЛЕДНИЙ
КОНТРАКТ**

детективный роман

185

Василий
ВОРОНЦОВ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ИСКУССТВЕННОГО
С ЖИВЫМ**

*фантастический
рассказ*

2 (314) 2005

Главный редактор	Евгений КУЗЬМИН
Художник	Иван ЦЫГАНКОВ
Технолог	Екатерина ТРУХАНОВА
Верстка	Вячеслав КОЗЫРЕВ
Адрес редакции	127015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции	685-4706, 285-4706
Телефоны для размещения рекламы	685-4706, 285-4706, 685-39-27, 285-39-27
Служба распространения	685-59-01, 285-59-01, 685-66-87, 285-66-87
E-mail	iskatel@orc.ru mir-iskatel@mtu.ru

Учредитель журнала
ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ»
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета
Российской Федерации
по печати
о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах.

Подписка проводится с любого месяца

Подписные индексы:

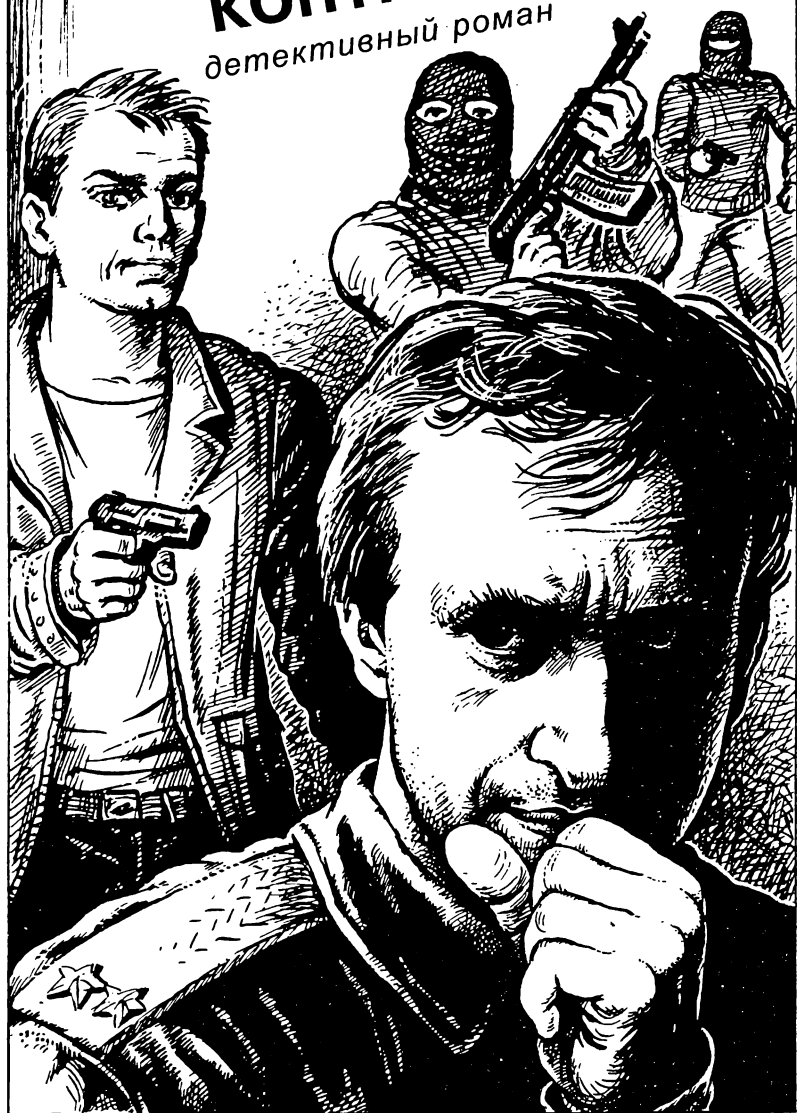
*по Объединенному каталогу
«Почта России»
(карточная система)*
70424 — на полгода
42785 — на год
40940 — комплект «Искатель»
и «Мир «Искателя»

*по каталогу
агентства «Роспечать»
(адресная система)*
на полгода — 79029

ИСКАТЕЛЬ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

Андрей ИВАХНЕНКО
**ПОСЛЕДНИЙ
КОНТРАКТ**
детективный роман

ПРОЛОГ

О том, что на дворе вторую неделю пирует сентябрь, можно было лишь догадываться, глядя на желто-зеленый окрас кленов, тополей, берез, на осыпающуюся акацию, украшавшую скверы и парки Ясновожска, да на многочисленные стайки ребятишек с ранцами за плечами и смиренным унынием на юных лицах. Лето, наперекор всем законам природы свалившееся на город в середине апреля, продолжало мучить безвинных жителей и в сентябре, и от жары, невыносимой и опостылевшей, негде было укрыться ни днем, ни после захода солнца: столбик термометра и в темное время суток не опускался ниже отметки «двадцать пять» по Цельсию.

В один из этих сентябрьских дней, горячих, душных и торопливых, часы на площади Тукая, бронзовой иглой устремившиеся к небу, недавно пробили полдень, и площадь являла собой бесконечные вереницы автомобилей и множество народа.

Привлекательная светловолосая женщина, выйдя из «Детского мира», остановилась и, оглянувшись с видом человека, начинающего терять терпение, стала поджидать сынишку, на вид которому было не больше десяти-одиннадцати лет. Тот же совершенно не обращал внимания на мать, так как его занимала обертка от мороженого: она никак не желала расставаться со своим содержимым. Наконец мальчугану удалось избавиться от куса разноцветной фольги, и он, на ходу поглощая шоколадную массу, со всех ног помчался к матери.

— Куда сейчас, мам? — спросил он, взяв ее за руку.

— Домой, Сережа. Ты, надеюсь, не забыл о грядущей контрольной.

— Ну, ма-ам! — заканючил мальчишка. — Ты же обещала дать мне сегодня за рулем прокатиться. Поехали на наше место...

Она посмотрела на сына сверху вниз. Посмотрела с напускной строгостью.

— Так, так, так, Сергей Александрович. — В голосе ее угадывалось нечто похожее на закипающее возмущение, тоже, естественно, притворное. — Если вас не затруднит,

то напомните мне, Христа ради, когда я успела пообещать вам это?

Насупившись, Сережка проворчал:

— Вчера и пообещала. Когда вы с тетей Лилей вина перебрали...

— Что?.. Что ты сказал? — Она готова была вот-вот рассмеяться.

— Это не я сказал, а тетя Лиля. Она так и сказала: «Похоже, Ларка, мы с тобой перебрали. Наверное, мне уже пора». Но такси ты ей только через час вызвала.

Мягко улынувшись, мать провела рукой по темным волосам ребенка.

— Сережа, честное слово, у меня сегодня еще очень много дел. Давай завтра, а?

Сережа шмыгнул носом.

— Всегда ты так... Вот папа дал бы мне прокатиться, если бы обещал!

Она вздохнула, и какая-то тоска сквозила в ее вздохе.

— Папа не ездил на машине. Он... Он ведь летчиком был.

— А вот и неправда! — выкрикнул мальчик. — Не был он никаким летчиком и взорвался прямо в машине, на которой шофером работал!

— Откуда у тебя это?! — пробормотала мгновенно побледневшая женщина.

— Тоже тетя Лиля, — буркнул Сережа, отводя в сторону взгляд.

— И тоже вчера?

Мальчик кивнул и добавил:

— Когда ты в такси по телефону звонила...

Глаза матери наполнились слезами, запершило в горле. Вот он, этот миг. Он грянул как выстрел. Женщина поймала себя на мысли, что уже вовсе не десять, а целых двенадцать лет имеет она вдовий статус. Так происходит со многими: живешь, пропуская через свое настоящее один за другим отрезки времени, а потом, в какой-то момент, притормаживает, замирает между прошлым и будущим последний пройденный в жизни этап, и ты начинаешь жить в нем, жить вместе с ним. До той поры, пока однажды наилегчайший, едва ощутимый толчок не разрушит окутавший тебя временной вакуум и не заставит оглянуться назад...

Сквозь неплотно задернутые занавеси в комнату, обволакивая потолок и стены мягкой, тяжелой сталью, проливалось февральское утро. Они лежали рядом, смотрели друг на друга и молчали под клацанье электронного будильника, под редкую переключку ранних дворников, соскребавших снежную кашу с вымокшего тротуара. Вся спальня от порога до изголовья их кровати была пропитана грустью предстоящей разлуки. По жести оконного карниза вяло барабанила первая капель.

Он вынул из-под одеяла руку, провел ею по волосам жены.

— В этот раз ненадолго, — тихо, почти шепотом пообещал он. — Недели две, может быть, три. Потерпишь?

Она прикрыла глаза в знак согласия, а когда снова открыла их, воскликнула:

— Господи! Ответь мне ради всего святого, как же меня утраздило выйти замуж за чекиста?! В чем я перед тобой провинилась, Боже?

— Передо мной ни в чем, — с усмешкой ответил муж. — А утраздило очень просто: ты лишь всего-на-всего влюбилась в меня. И, кстати, таким образом выйдут замуж не только за чекистов.

— Саша, — попросила она с улыбкой, — открой мне страшную тайну.

— Слушаю.

— Куда ты летишь?

Ответил он после недолгого молчания. Без тени иронии, но с долей пафоса довольно изрядной:

— Независимости трудящихся эскимосов Гренландии угрожает опасность. Мне поручили пресечь это безобразие.

— Я же серьезно, — рассмеялась она. — Ну, Саня!..

Широкая ладонь с ее волос плавно переместилась на грудь, объемную и упругую. Большой палец едва надавил на маленький буторок розового соска.

— Подвинься поближе, — проговорил он вполголоса. — О таких вещах я могу лишь на ухо шептать.

Она выполнила его просьбу и переспросила:

— Честно? Неужели скажешь?

— Скажу, в этот раз ничего секретного нет. В Цюрих я лечу.

— Цюрих... Это в ГДР?

— Нет, не в ГДР и даже не в ФРГ. Это в Швейцарии — стране сыров, колбас и самых высокооплачиваемых в мире дворников... Что тебе оттуда привезти?

Она снова рассмеялась, и он услышал, как она, уткнувшись в его грудь, попросила, глотая последний смешок:

— Мулько, ты мне метлу оттуда привези, ладно?

Глуповато хохотнув, он притянул ее к себе, нашел своими губами ее губы...

Ощущение тревоги появилось за завтраком. Не просто смутное предвидение чего-то непоправимого, страшного, а вполне осязаемое чувство надвигающейся неизбежности, мрачной скорой скорбной вести.

Сначала она ничего не могла понять. И только когда вышла проводить его на лестничную площадку и поймала его взгляд, ей стало ясно, что она никогда больше не увидит мужа. То был взгляд человека, смотревшего на нее в последний раз и знавшего, что этот раз — последний.

На ватных ногах она приподнялась на носках, прижалась лицом к его щеке.

— До встречи, милая, — попрощался он, как всегда, ласково и повторил: — До встречи.

Она ничего не смогла ответить. Не в силах пошевелиться, стояла и смотрела, как широкая спина родного человека исчезает в пасти заезженного лифта...

Телефонный звонок прозвенел через три часа. Она подняла трубку и узнала голос майора Каримова, начальника мужа:

— Лариса? Это Альберт... Мужайся, девочка, произошло несчастье. Двадцатый километр автодороги «Ясновожск — Аэропорт», встречный бензовоз... От Сашки почти ничего не осталось...

Далее она не смогла разобрать ни слова из сказанного, потому что почувствовала, как куда-то проваливается.

Все последующие дни, вплоть до завершения похорон, она провела в полубредовом состоянии. В ее сознании перемешалось все: парадные мундиры сослуживцев мужа, сиреневые околыши и петлицы с эмблемами рода войск, траурный марш войскового оркестра, сухие залпы ружейного салюта...

...О том, что она беременна, Лариса узнала на девятый день после трагической смерти супруга.

— Мам, это ты из-за меня плачешь? — Голос сына, едва различимый, вернул ее из того зябкого февраля в настоящее, в пропитанный потом сентябрь, на запруженную людьми городскую площадь.

Она очнулась от воспоминаний, промокнула платком глаза и щеки, снова взяла сынишку за руку.

— Поехали, — твердо сказала она. — Ты уже достаточно взрослый и должен знать всю правду о том, кем был твой отец.

Сергея посмотрел на нее умными, невероятно синими глазами. Голос его дрогнул:

— Мне кажется, половину я уже знаю, мама. Он не был ни летчиком, ни шофером. Так?

— Ты и в самом деле уже взрослый, — тихо повторила мать и зашагала в направлении автомобильной стоянки.

Компактный «Пежо» цвета забродившей вишни дождался их на пяточке между «Детским миром» и отелем «Республика». Они разложили сумки с покупками на заднем сиденье, сели в машину, и женщина уже собралась вставить ключ в замок зажигания, когда в сумочке запищал телефон. Достав трубку, она услышала голос своего шефа:

— Лариса Аркадьевна, это Юрий Михайлович. Вы нужны мне немедленно. Где вы сейчас?

— У «Детского мира», но уже отъезжаю. Случилось что-то серьезное?

— Именно. Я прошу вас все бросить и приехать в офис.

— Юра, ты же знаешь, я первый день в отпуске, — взмолилась женщина, — и у меня на ближайшие час-полтора планы. Давай позже? Вечером, к примеру...

Голос босса мгновенно перешел на визг. Лариса вздрогнула и побледнела.

— Я сказал, сучка, сейчас же брось все и приезжай, иначе я тебя в котлету разделаю!..

— Вы сперва разговаривать с людьми научитесь, — пробормотала она, заикаясь от неожиданности, — а потом перезвоните мне...

— Ну, смотри, стерва, сама напросилась! — И, преж-

де чем в наушнике прозвучал сигнал отбоя, шеф закончил тоном вполне будничным: — С сынишкой своим попрощаться можешь...

Она сложила мобильный и посмотрела на сына так, будто хотела от него получить объяснение вопиющему поведению своего начальства. Затем, пожав плечами, вставила ключ в замок зажигания и запустила двигатель...

Ни мальчик, ни его мать так и не успели сообразить, что произошло в следующее мгновение. Сначала по глазам резанул ярко-оранжевый сполох, потом чудовищная сила сдавила каждую клеточку их тел, словно решила во что бы то ни стало пробраться внутрь и разорвать на части, а затем с необычайной легкостью подняла высоко-высоко над землей. И уже оттуда, с высоты птичьего полета, женщина с сыном удивленно наблюдали, как обьятые ужасом люди мечутся вокруг догорающей кучи металлолома...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Черное жерло «Кольта» смотрело Мулько прямо в глаза. Опять он остался один на один со смертью, и в который раз мозг сверлила привычная мысль: «Кто же сегодня: я или она?»

Палец на спусковом крючке был белым от напряжения. Мулько, словно замороженный, не мог оторвать взгляда от руки, сжимающей пистолет. «Ну, давай же, — думал он, — кончай со мной возиться. Небольшое усилие, и моя голова разлетится на куски». И, будто подчинившись немоу приказу, палец на спуске дрогнул.

Вдалеке слышался гул проносящихся по Мэдисон-авеню автомобилей, гремела музыка ночных клубов. Мулько ни на что не обращал внимания, он с любопытством приговоренного ожидал выстрела. «Интересно, — продолжал он про себя, — слышит ли выстрел тот, в кого посылают пулю, или же этот грохот может показаться простым шелчком? Щелчок, яркая вспышка — и все, конец...»

Палец закончил поступательное движение, но странное дело: ни грохота, ни шелчка, ни вспышки. Ничего...

— Мужчина! — Голос, казалось, доносился откуда-то с небес. — Мужчина, с вами все в порядке?

Мулько открыл глаза. В том, что, склоняясь над ним, стоял не архангел Гавриил, сомневаться не приходилось: посланники Вершителя не разгуливают по Эдему в юбках чуть выше колен и форменных блузах. Стюардесса еще раз потрясла его за плечо.

— Эй, я спрашиваю, вы в порядке? Вы так громко стонали, что я подумала, уж не дурно ли вам... Пристегнитесь, заходим на посадку.

Мулько ободряюще потрепал девушку по руке, пошарил вокруг себя в поисках ремня безопасности.

«Приснится же, едрена мать! — подумал он. — Что это со мной, неужели старею?»

Самолет сделал плавный вираж, и Мулько успел разглядеть в иллюминатор лежащий как на ладони родной город. Ясновожск находился под ними.

...Двенадцать лет. Долгих, полных постоянного риска и нервной отдачи, двенадцать лет год за годом проплывали за квадратным окошком иллюминатора. Поочередно сменяли друг друга большие и малые города разных стран, джунгли Центральной Америки, пустыни Аравийского полуострова, леса Канады.

Он объездил весь мир, побывал в самых отдаленных уголках планеты, однако видел окружавшую себя диковинную красоту лишь в перекрестие прицела снайперской винтовки.

Не раз он посещал Париж, но в память врезалась единственная сцена: разрывная пуля дробит голову, обладатель которой за мгновение до этого любовался знаменитой базиликой на острове Сите. Не однажды он прогуливался по Бродвею, однако в мыслях только и осталось, как облаченный в великолепный костюм древний старик корчится на полу фешенебельного ресторана от приправленного стрихнином кофе. Или как ослепительной красоты женщина на берегу безымянной речушки, растворившейся среди болот Луизианы, с жуткими воплями о помощи бьется в зубах огромного аллигатора.

Яды, ножи, взрывы, автомобильные катастрофы стали с некоторых пор его работой, и кроме этого он ни на что в жизни не годился. Так приказом вышестоящего руководства когда-то распорядилась судьба.

Но всему на свете бывает предел, и предел этот на-

ступил. Мулько устал. Три раза он продлевал контракт с Конторой, но теперь все, баста! Ему хочется тишины и спокойствия, без ежедневной опасности разоблачения, нервотрепки, выстрелов, убийств, и Мулько отлично знал, что имеет право на дальнейший бессрочный отдых, который ассоциировался у него с инструкторской, а еще лучше — с бумажной работой.

Нужно, чтобы остаток жизни прошел где-нибудь в Боровых или Атлашкино, в небольшом уютном домике на берегу Волги, под сенью могучих сосен. И чтобы прошел он, этот остаток его жизни, рядом с женой, с которой Мулько не виделся уже двенадцать лет, и сыном, с которым вообще не был пока знаком. Двенадцать лет назад Ларисе сообщили, что он погиб, отправляясь на очередное задание, — этого требовали интересы дела, — и наверняка она уже думать о нем забыла. Хотя первые годы могилку («похороны» организовала Контора) навещала исправно. Каримов, его шеф, при редких встречах там, за бугром, ему об этом рассказывал. «Ладно, — подумал он, — гадать не станем. Что будет, то будет».

Шасси нащупали бетонный покров взлетно-посадочной полосы, и непривычная вибрация лайнера вывела Мулько из состояния задумчивости...

В аэропорту его ждали. Еще проходя досмотр в таможенном терминале, Мулько наметанным глазом выделил среди прочих встречающих три фигуры. «Z-сервис» — конвой», — констатировал он. Этих Мулько распознавал моментально. Могучие плечи, тяжелые подбородки и отработанные с годами взгляды. Неискушенному человеку такой взгляд мог показаться поначалу рассеянным, но кто-кто, а Мулько знал, что за внешней безалаберностью кроется способность до мелочей анализировать происходящее вокруг, мгновенно оценивать ситуацию и за доли секунды принимать единственно верное решение.

Покончив с таможенниками, Мулько направился к поджидающей его группе, равнодушно перехватывая одобрительные взгляды проходящих мимо людей.

В свои сорок пять выглядел Мулько лет на семь моложе. Он был чуть выше среднего роста, крепко сложен, одет в строгий темно-серый костюм, черную ру-

башку без галстука и черные туфли с лакированными носами. Его широкое лицо, обрамленное седым бобриком жестких волос, источало уверенность и неумную энергию. Цепкий, пронизательный взгляд неестественно синих глаз автоматически отмечал попадавшие в его поле зрения лица и укладывал их образы в самые глубокие ячейки памяти, чтобы при случае в одно мгновение поднять свой «архив» и выбрать из него нужную фигуру.

— Капитан Галеев, товарищ майор, — представился старший группы. — Машина ждет, можно ехать...

Удобнее устраиваясь на заднем сиденье «Волги», Мулько снял пиджак и воскликнул:

— Ох, и погода у вас, капитан! Как в Турции...

— А мы аж с апреля в Турции, — ответил Галеев. — И когда вновь в России окажемся — неизвестно.

Мулько закурил сигарету.

— Куда едем? В Главное?

— Никак нет. Полковник приказал отвезти вас на Дачу, сам он уже на месте.

«Что за черт! — выругался про себя Мулько. — Какая, к едреней фене, Дача?» Он полагал, что уже рассекречен. Эту новость ему передал резидент в Стамбуле, откуда Мулько, собственно, и прилетел сейчас. Однако Каримов встречает его не в Управлении на Дзержинского, а на конспиративной квартире, и означать это может только одно: вожделенная пенсия все еще под вопросом.

«А вот пусть выкусит! — снова выругался майор. — Хватит, навоевался. Незаменимых у нас, как известно, не бывает, и Альберт осведомлен об этом не хуже меня».

«Волга» на предельной скорости мчалась по направлению к городу, оставляя позади поля скошенной пшеницы и редкие посадки стройных позолоченных берез. Мулько давно выбросил сигарету и с безучастным видом взирал на проносящиеся за окном сельские пейзажи, раскинувшиеся под выцветшим от жары сентябрьским небом...

Построенный по типовому проекту коттедж в Салмачах, что приютились на восточной окраине Ясно-волжска, ничем особенным не выделялся среди прочих

строений подобного рода: таких небольших домиков из белого кирпича вокруг города были разбросаны тысячи. Разве что окружавший Дачу двухметровый железный забор, от которого за версту отдавало казенщиной, отличал этот участок от расположенных по соседству.

Полковник Каримов, среднего роста сухощавый мужчина пятидесяти лет, встретил Мулько на втором этаже дома в скромно обставленной гостиной. Полковник никогда не был приверженцем чрезмерной роскоши, и Мулько с удовлетворением отметил, что вкусы его друга и начальника за долгие годы не претерпели изменений.

Офицеры обменялись друг с другом сдержанными улыбками, пожали руки и крепко обнялись.

— С возвращением, Сашок, — приветствовал Мулько полковник. — Добро пожаловать домой.

Они уселись в мягкие потертые кресла. Между ними, на журнальном столике в окружении нехитрой закуски стояла бутылка недорогого грузинского коньяка. Наполняя янтарной жидкостью, на два пальца каждый, невысокие стаканы из тонкого стекла, Каримов спросил:

— Сколько мы с тобой не виделись? Лет пять?

— Пять с половиной, — уточнил Мулько. — Помню, ты все сетовал на южноафриканский климат. Дескать, местное пекло не рассчитано на твое давление.

— Это точно, — с улыбкой согласился полковник.

— Однако ответь, Альберт, твое давление по-прежнему не мешает тебе пользоваться успехом у слабого пола? Или что-нибудь изменилось?

Каримов сдержанно улыбнулся.

— Ничего не изменилось, Сашка. Все в точности так, как и двенадцать лет назад. Ну, за приезд...

Закусывая, Мулько смотрел на шефа и гадал, что же у того на уме. Ведь не зря полковник приказал доставить его именно сюда. Покажись Мулько на Дзержинского, все, кому надо и не надо, узнали бы о его приезде. Каримов, похоже, не хочет этого, а отсюда следует, что он приготовил для Мулько очередное поручение.

— Давай сразу к делу, Альберт, — попросил наконец Мулько. — Объясни мне, что все это значит.

— Ты нам снова нужен, Саня, — проговорил полковник. — Я знаю, что срок контракта истек, что ты на последнем издыхании, что у тебя семья, но кроме тебя это сделать некому.

— То есть как это — некому? — удивился Мулько. — А агентура! Не хочешь ли ты сказать, что у вас там никого нет?

— Агентура! — с чувством воскликнул полковник. — Тебе ли не знать, в каких условиях она у нас работает. Нет, на такое задание никого из них не хватит, давным-давно форму потеряли. Ладно, хоть информацию гонят, и на том спасибо.

Каримов помолчал несколько секунд.

— Выручай, Саня, — снова взмолился он. — Без тебя — капут. И контракт-то разовый, от силы недели на три: Исламабад, замминистра внутренних дел. Эта сволочь таможеню курирует. За три месяца, что он занимает свою должность, количество поставок героина увеличилось вдвое. Ты даже представить себе не можешь, какую услугу окажешь тем, кто не успел еще подсесть на иглу... А через месяц у тебя очередное звание и пенсионная книжка, даю слово.

Мулько смотрел на полковника и не верил своим ушам. Никогда шеф не раскрывал сути задания, не убедившись предварительно, что майор в деле и что его согласие продлить контракт — железное. Да и инструкции запрещали вводить в курс, пока агент не поставит свою подпись под нужным документом.

— Что с тобой, Альберт? — поинтересовался Мулько. — Регламент подзабыл?

Каримов вздохнул.

— Я тебя уже двадцать пять лет знаю и уверен, что ты не откажешься. Это же твоя жизнь, ты ничего больше делать не умеешь. Поверь, Саша, ты уйдешь на покой и места себе находить не будешь, не будешь знать, куда себя деть и чем заняться. В общем, соглашайся, друг...

Сфокусировав взгляд на пустом бокале, Мулько размышлял. Казалось, не было здесь ничего сложного, ничего сверхъестественного. Пересечь границу, а после всех необходимых приготовлений выполнить задание и убраться восвояси. Подобные дела он проворачивал де-

сятками, одним больше, одним меньше — какая разница! Однако майор чувствовал, что риск провала в случае сегодняшнем очень велик. Мулько психологически не был готов к работе, и вполне могло статься, что он допустит не одну ошибку при подготовке операции и будет раскрыт. Несколько часов назад, когда его самолет взмыл над Стамбулом, Мулько поставил последнюю точку в своей работе, поэтому Каримову не удастся убедить его ни в чем. Все, с командировками покончено!

— Нет, Альберт, — вслух подытожил Мулько. — Ничего не выйдет, я выдохся. У меня семья, ты правильно сказал, и теперь я буду стараться наладить свою личную жизнь. Это мое последнее слово.

— Жаль, — удрученно покачал головой полковник. — Что я теперь наверх сообщу?

— Вот то и сообщи, что сейчас услышал. — Мулько поднялся. — Дай мне адрес Ларисы, да я поеду. Увидимся завтра в Управлении.

— Сядь, майор! — одернул его Каримов. — Никуда ты отсюда не выйдешь, таков приказ. А Ларису через несколько минут привезут.

Мулько насмешливо посмотрел на Каримова.

— Это что, арест?

— Нет, не арест. Повторяю: это приказ, и не я его отдавал. Там, — полковник поднял палец кверху, — в тебе сильно заинтересованы и очень не хотят отпускать. Ты ведь знаешь, как поступают с теми, кто, узнав о цели предстоящей операции, отказывается от дальнейшего сотрудничества. А ввести тебя в курс дела мне приказали. Извини, — закончил он смущенно.

— Мне плевать, что со мной станет, — сказал Мулько. — Я и без того двенадцать лет в покойниках записан...

Договорить ему не дал яростный скрип тормозов на улице. Выглянув в окно, Мулько увидел «Волгу» бледно-голубого цвета, из которой выскочил молодой парень и опрометью бросился в дом. Он ворвался в комнату, где сидели майор с полковником и, позабыв о всякой субординации, принялся сбивчиво излагать суть произошедшего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Мулько слушал оперативника, опустив голову, тупо вперив взгляд в ладони. Он не пропустил ничего из сказанного, и со слов офицера майору стало ясно, что его жену и сына кто-то взорвал на глазах сотен людей, среди которых находились и три сотрудника ФСБ. Те как раз выходили из машины, чтобы передать Ларисе просьбу Каримова немедленно к нему приехать, когда раздался взрыв.

От «Пежо» Ларисы почти ничего не осталось, как, впрочем, мало что осталось и от портала гостиницы, возле которой был припаркован автомобиль. Сработавший заряд оказался слишком мощным, и Мулько автоматически предположил про себя, что орудовал там далеко не профи: для того чтобы отправить на тот свет двух пассажиров авто, взрывчатки требовалось, как минимум, в два раза меньше.

...Здесь, в загородной резиденции Каримова, сидя в мягком удобном кресле и проглатывая второй по счету стакан коньяка, Мулько дал себе слово найти убийц своей семьи. Найти их, чего бы это ему ни стоило, даже ценой собственной жизни. Скоты, они украли у него будущее. Пусть пока очень туманное, неясное, но это было его будущее, и никто не смел на него посягать. Никто!..

— Представьтесь, пожалуйста, — попросил он говорившего, когда тот закончил.

— Старший лейтенант Тарасов, — отрапортовал парень.

— За дверью обождите, старший лейтенант.

Тарасов развернулся, лихо щелкнул каблуками и покинул комнату. Мулько поднял на Каримова тяжелый взгляд.

— Альберт, я прошу у тебя неделю, максимум — десять дней. По истечении этого срока я ваш с потрохами. Хоть в Пакистан, хоть к черту на рога, но сначала — немного времени.

— Понимаю, Саня, — тускло отозвался Каримов. — Понимаю... Ребят в помощь?

— Пока не надо. Если что, дам знать.

— Хорошо. Вот ключи и адрес — это твое жилье. А по этому адресу ты отправишься прямо отсюда. — Каримов положил на стол визитку, на которой Мулько прочел:

«Карелина Людмила Борисовна. Ассоциация помощи воинам-интернационалистам. Вице-президент».

Мулько вопросительно воззрится на Каримова.

— Это наш штатный психолог, Саня, — объяснил полковник. — Твое теперешнее состояние ставит под большой вопрос успех операции в Пакистане, и руководство обязательно затребует у меня результаты тестов. Поэтому в первую очередь ты наведишь Карелину, а обработка информации как раз и займет примерно то время, о каком ты меня просишь.

Мулько скептически поморщился:

— Что за новая мода? Разве похож я на среднестатистического американца, который без личного психоаналитика и помочиться не может сходить. Дескать, вдруг я ширинку не той рукой расстегиваю, а это о чем-нибудь да говорит? Кстати, я не знаю, как сейчас здесь, у нас, но в Штатах психоанализ уже давно не что иное, как четыреста первый сравнительно честный способ отъема денег у граждан. У тупых граждан. Я же пока разжижением мозгов не страдаю.

— Во-первых, деньги у тебя никто отнимать не собирается, во-вторых, психоаналитики не в мозгах копаются, но в душе человеческой, а в свете последних событий...

— Перестань, Альберт, — оборвал друга Мулько. — Тебе лучше остальных известно, что психика моя — броня. Несколько лет назад я был привязан к одной женщине. Я не сходил по ней с ума, потому что мы не имеем на это права, однако чувства испытывал крепкие. Но, получив приказ, я запросто позволил сожрать ее обыкновенному крокодилу, и, что характерно, случай тот несколько не повлиял на четкость проведения последующих операций. А теперь ты хочешь, чтобы я забрался с ногами на диван к вашему психоаналитику и принялся раскрывать перед ним свою душу. Душу, которой нет...

В течение всего времени, пока Мулько говорил, Каримов смотрел на него изучающим взглядом, смотрел пристально, задумчиво. Наконец, когда тот закончил, он подвинул к нему визитку Карелиной и произнес:

— Да нет, Саня. Психика твоя — не броня, и это нежелание пройти тесты на профпригодность исходит исключительно из боязни заполучить белый билет. О чем я

тебе говорил недавно? О том, что жизнь твоя — там и что ты не будешь находить себе места, сидя за бумажками в пыльном кабинете. Как видишь, я оказался прав.

Мулько взял визитку, повертел ее в руках. Тяжело вздохнул.

— Ты всегда был умнее меня, — тихо вымолвил он. — И если бы не твое давление, сегодня ты, а не я прилетел бы из Стамбула.

— Как знать, — пожал плечами полковник. — Возможно. А Карелину навести обязательно, и сегодня же. Это приказ.

— Убедил. — Мулько умолк, спрятал визитку в нагрудный карман пиджака. — Теперь слушаю вас, товарищ полковник. Нужна вся отправная информация.

Полковник плеснул себе еще немного конька, пригубил из стакана без всякого удовольствия.

— Последние полтора года, — начал он, — Лариса работала финансовым директором корпорации «Блицкриг». Тропинина ты должен помнить...

Да, Мулько знал, кто такой Юрий Михайлович Тропинин. Известный в республике бизнесмен, грамотный, дальновидный руководитель. В прошлом году в арабских эмиратах, на переговорах о закупке крупной партии медикаментов, Мулько встречался с Тропининым, но тот, разумеется, и предположить не мог, что телохранитель его арабского партнера в действительности является оперативным сотрудником российских спецслужб...

— Вы встречались в эмиратах, — уточнил Каримов. — Так вот, наш Тропинин не кто иной, как крупнейший наркодилер Поволжья. Шестьдесят процентов оборота наркотиков в округе — его рук дело.

— Почему я не знал об этом год назад? — вскинул брови Мулько.

Каримов отстраненно улыбнулся:

— Потому что нашей целью был не Тропинин, а та самая партия просроченных медикаментов.

— Что-то мне с трудом это дается. Пояснить можешь?

— Могу. Теперь уже могу. Вся сделка с лекарствами представляла собой элементарную перекачку денег. Приблизительная схема такова: поступивший в Россию товар признается негодным к употреблению, половина тропининских офисов сразу закрывается как разоривша-

яся, а уплаченные арабу деньги ложатся за границей на тропининские же счета.

— И что в этом случае дала ликвидация араба?

— Ты помнишь, о какой сумме шла речь на переговорах? Так вот, те несколько десятков миллионов долларов в течение всего времени, пока Тропинин выстраивал цепочку с нуля — на это у него ушло больше полугода, — работали здесь, приносили доход, а с дохода он более или менее исправно платил налоги в бюджет.

— Скажи, Альберт, что, если просто взять и накрыть его с очередной партией. Неужели так сложно?

— Очень. «Серые» к нему внедряли своих. Один проработал месяц, второй — три недели. От обоих остались только головы, которые были обнаружены в мусорных контейнерах... Так просто к нему не подступиться, Саня, и есть у меня подозрения, что на окладе у Юрия Михайловича прикормлена какая-то большая шишка из МВД.

Мулько закурил, выпустил из ноздрей струи дыма.

— Как к этой акуле попала Лариса?

— Очень просто: прочла объявление в газете, явилась в «Блицкриг» и выиграла конкурс.

— Конкурс? На место финансового директора такого гиганта, как «Блицкриг»?

— Нет, конечно. Она устраивалась главным бухгалтером в одну из дочерних компаний корпорации. Но всего за полгода — это поразительно — сделала головокружительный карьерный скачок.

— Куда же Тропинин дел ее предшественника?

— Тот умер. Четвертый по счету инфаркт, и мужика не стало. Через два дня после его смерти финансовым директором корпорации была назначена Лариса Аркадьевна Мулько.

Мулько сделал очередную затяжку.

— Эта информация, Альберт...

— Из первых рук, Саня. Она сама мне и рассказала, как устраивалась, как работает. Очень редко, правда, но мы с Ларисой виделись, и вот в одну из этих встреч...

— Ты предпринял попытку ее вербовки. Признайся, дружище, ты не мог упустить такой шанс.

Каримов взглянул на Мулько исподлобья, как бы извиняясь.

— Совершенно верно, Сашка, не мог. Прости... Та

встреча была последней. Когда Лариса узнала, что мне от нее нужно, — тут Каримов, не в силах сдержаться и наплевав на момент, громко рассмеялся, — так вот, когда она узнала, что от нее хотят... Не поверишь, друг, более виртуозного мата я не слышал отродясь. Какими только эпитетами она меня не награждала! — Каримов резко оборвал смех, плотно сжал губы. — Извини... Словом, с тех пор нашим приятельским... точнее, вообще всем отношениям пришел конец.

— Давно это случилось?

— В прошлом году, как раз в то время, когда ты находился в эмиратах.

Мулько откинул голову на спинку кресла, прикрыл глаза.

— Взрыв, — стал перечислять он вполголоса, — должность финансового директора компании-колосса, сумасшедшие объемы наркотиков... На первый взгляд, здесь бело как днем, и начну я, скорее всего, с Тропинина. Да, именно с него, любезного. А попутно выясню, каким образом Ларисе за шесть месяцев удалось сделать то, на что у подавляющего большинства уходят годы.

Он открыл глаза.

— Снабди меня телефоном, Альберт. Ну и всем остальным тоже, сам знаешь, не маленький...

Каримов сунул руку во внутренний карман пиджака, вынул оттуда мобильный телефон.

— Это твой. Номер моего есть в меню.

Затем он встал из-за стола, подошел к секретеру в углу комнаты, достал уложенный в сбрую пистолет и сиреневую корочку служебного удостоверения.

— Табельный-то хоть помнишь? — спросил полковник, передавая оружие и документы их владельцу.

Мулько бегло осмотрел «Макаров», бросил взгляд на несколько цифр, выбитых на корпусе пистолета.

— Тот самый, — объявил он, снова пряча оружие в кобуру. — Кто меня отвезет?

Каримов кивнул и крикнул в закрытую дверь:

— Тарасов, зайти!.. Вот что, старший лейтенант, — обратился он к возникшему на пороге парню. — Представляю вам майора Мулько, за безопасность и, следовательно, жизнь которого с этой минуты вы несете прямую ответственность. Приказ ясен?

— Так точно, товарищ полковник, — пробормотал заметно заинтригованный Тарасов.

— Свободны.

Мулько нахмурился.

— Что за новости, Альберт? — спросил он, когда друзья вновь остались одни. — Что я с ним делать буду?

— За его широкой спиной прятаться, — отрезал Каримов. — Неужели ты мог подумать, что я отпущу тебя вот так, абсолютно «голового»? Даже не мечтай! Случись с тобой что, с меня погоны вместе с головой снимут.

Мулько равнодушно пожал плечами.

— Ты ведь меня знаешь, полковник, я от него все равно отделаюсь.

— Не говори «гоп», — рассмеялся Каримов. — Не так-то просто уйти от Тарасова... Ну, желаю удачи, Саня!

И они снова пожали друг другу руки.

Подойдя к двери, Мулько услышал за спиной слабый оклик Каримова:

— Саня, подожди секунду, хочу напомнить тебе кое-что. Уже давно нет Союза, нет руководящей и направляющей, нет того Совета Министров, при котором действовал наш тогдашний Комитет. Поэтому если произойдет что-то сверхординарное, если ты в какой-то момент превысишь свои полномочия и об этом станет известно компетентным органам, между нами — «серым», то прикрыть тебя будет некому. Я и так нарушил все инструкции, предоставив тебе твои десять суток. Но если ты попадешь в поле зрения милиции, можешь смело ссылаться на меня. В этом случае напустить им туману я в состоянии...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мулько молча курил, глядя в окно автомобиля, и ловил себя на мысли, что минувшие двенадцать лет здорово изменили город, в котором он родился и вырос. Яснoволжск сильно разросся, облагородился. Куда только подевались его приземистость и невзрачность! Прямо из-под земли взметнулись к небу многоэтажки новых спальных районов; купола церквей и минареты мечетей, потемневшие некогда под спудом времени, стряхнули наконец с себя прах столетий и горели теперь свежей позолотой; деловые кварталы города радовали глаз стро-

гими фасадами офисов, магазинов, ресторанов. Улицы перекликались между собой веселым смехом и звоном трамваев, на лицах прохожих, несмотря на испепеляющую жару, читалось одно желание — жить и радоваться жизни...

«Волга», ведомая Тарасовым, двигалась по улице Ершова в направлении кладбища «Арское поле». Провожая взглядом свежeweыбеленную ограду последнего приюта усопших, Мулько поймал себя на мысли, что где-то там, за этим забором, имеется и его собственная могилка. Он выбросил сигарету, повернулся к Тарасову.

— Тебя как звать, сынок?

— Александром, — ответил Тарасов, не отрывая глаз от дороги.

— Тетка, стало быть... И давно ты в этом дерьме?

— В каком? — Тарасов удивленно посмотрел на майора.

— В этом, старлей, в этом. Я госбезопасность имею в виду, твою работу.

— Три года, товарищ майор, однако работу свою дерьмовой не считаю. У меня нужная профессия, и мне она нравится.

Мулько показалось, что парень слегка бредит. Сам он почему-то полагал, что времена ортодоксов давно прошли, но, видимо, ошибался.

— Однако, Саня, ты раритетный экземпляр, — медленно проговорил Мулько и неожиданно заинтересовался: — Тебе убивать приходилось?

— Нет. Но если того потребуют интересы государства, убью не задумываясь.

На миг лицо Мулько исказила зловещая ухмылка.

— Конечно убьешь, куда же ты денешься. Только вот подумать прежде, чем всадить в человека пулю, никогда не помешает. Запомни, старлей, мои слова на всю жизнь, так как ни в одной инструкции об этом не сказано...

Когда они прибыли на площадь Тукая, паника там уже улеглась, но волнением и неутоленной жадой любопытства был наполнен каждый «кубик» воздуха. Обгоревшие останки жертв и то, что осталось от «Пежо», увезли, однако оцепление с пятачка перед гостиницей до сих пор не сняли: милиция и прокуратура продолжали свою работу.

Мулько попросил Тарасова остановить и, выйдя из машины, направился к месту происшествия. Выглядело оно плачевно. Стекла на первых трех этажах отеля были выбиты взрывной волной, навес над входом наполовину обвалился, стена «Детского мира» почернела и потрескалась. Асфальт в том месте, где стоял автомобиль, покрывал легкий слой копоти. Ни трещин, ни воронки не было.

Какой-то сержант, стоявший в оцеплении, преградил Мулько дорогу и приказал поворачивать назад. Не вступая в пререкания со стражем порядка, майор в глубокой задумчивости вернулся к машине.

Через несколько минут тягостного молчания Мулько повернулся к Тарасову.

— Знаешь что, Саня! — воскликнул он и достал из нагрудного кармана визитку Карелиной. — Давай-ка, не откладывая в долгий ящик, поедем... Э-э, да здесь рядом совсем. Поедем на Правобулачную...

Протока Булак, соединявшая когда-то озеро Кабан с Волгой, в эпоху царей да ханов была судоходной, и плавали по ней небольшие купеческие суденышки, доставляя на Ярмарочную площадь, что и сейчас лежит под стенами Кремля, весь необходимый для торговли товар. Теперь же Булак представлял собой длинную и узкую, шириной порядка десяти метров, лужу. Лужу, правда, хорошо ухоженную, с аккуратно подстриженной травой по крутым склонам берегов, чистой водой и растворяющимися полуденный зной шумными фонтанами. А взамен купеческих ладей сегодня в тех местах, куда не могли добраться острые лучи безжалостного солнца — под арками мостов и за стеною разноцветных брызг, — то тут то там, в скушающем величии своем, сонно покачивались белые лебеди.

...Офис «Ассоциации помощи воинам-интернационалистам» располагался на втором этаже огромного, возведенного еще в сталинские времена здания. Легко преодолев два пролета широкой лестницы, Мулько попал в длинный коридор и, пройдя почти в самый конец его, толкнул нужную дверь.

Взгляду майора предстала тесная, убогого интерьера приемная, венцом которой являлась преклонных лет да-

ма с пресным выражением лица, трудившаяся здесь, очевидно, в должности секретаря.

Все увиденное Мулько — не первой свежести обои на стенах, основательно истертый под ногами ковер и старомодный шиньон на голове секретарши — позволяло предположить, что «Ассоциация» переживает не лучшие свои времена. Поздоровавшись, Мулько поинтересовался, можно ли ему поговорить с госпожой Карелиной.

— Пожалуйста, — протрубила тетушка в шиньоне, кивая на дверь с фамилией вице-президента. Мулько также успел прочесть и фамилию главы «Ассоциации», начертанную на соседней двери.

Людмила Карелина оказалась стройной, миловидной среднего роста женщиной, на первый взгляд, не старше тридцати с небольшим. Она кормила рыбок в простеньком аквариуме и, услышав звук открывающейся двери, быстро обернулась, отчего ее прямые темные волосы перекатились по плечам мягкой волной. Одета она была в легкие светлые брюки и такую же легкую блузку с перламутровыми пуговицами, стилизованными под раковины морских моллюсков. Красивые карие глаза с густыми ресницами вопросительно смотрели на вошедшего.

— Майор Мулько, — представился тот и достал свое удостоверение. — Направлен к вам...

— Присаживайтесь...

Карелина закрыла дверь на ключ, взяла у Мулько удостоверение, нажала кнопку селектора на своем столе.

— Резеда Валеевна, меня ни для кого нет. Ни для кого!

— Хорошо, — прогудел селектор и отключился.

Карелина села за стол, внимательно изучила удостоверение, набрала нужную комбинацию клавиш компьютера. Через какое-то время она повторила комбинацию и подняла на майора недоумевающий взгляд.

— Ничего не понимаю, — пробормотала она. — Вас у меня нет.

— Я полагал, полковник Каримов уже связался с вами... Подразделение «Z-сервис». Туда загляните.

— «Z-сервис»? — Карелина смотрела на Мулько заинтригованно. — Но у меня нет доступа к этим файлам. Нужна санкция руководства.

- Позвоните Каримову.
- Необходимо письменное распоряжение...
- Позвоните, — продолжал настаивать Мулько.

В течение всего времени, пока Карелина созванивалась и разговаривала с полковником, Мулько не мигая смотрел в окно кабинета на изнывающий от жары город.

— ...Альберт Назипович, вам хорошо известно, как такие вопросы решаются, — чеканила Карелина в трубку. — Ну и что, что срочно... Поймите, у меня могут быть неприятности... Передо мной его удостоверение... Лично вам?.. Но отдел информации я обязана буду поставить в известность... Хорошо, диктуйте код доступа...

Записав в настольном календаре несколько цифр, Карелина с усталым видом положила трубку.

— С ним иногда просто невозможно работать, — тихо сказала она. — Давно вы ему подчиняетесь?

Мулько слабо улыбнулся.

— Почти двадцать пять лет.

— Я подала бы в отставку через неделю...

Она несколько раз пробежала глазами по сделанной только что записи, вырвала страницу из календаря, поднесла к ней зажигалку.

— Вы не напомните мне, какое сегодня число? — неожиданно спросил Мулько.

— Десятое.

— Странно, я почему-то был уверен, что девятое, — произнес Мулько, в задумчивости пожимая плечами.

Людмила Борисовна чиркнула колесиком, и календарный лист, издавая характерное шуршание, вспыхнул, пришел в движение, чтобы через несколько секунд обратиться в шепотку пепла.

Мулько с равнодушным видом продолжал смотреть в окно, пока Карелина с выражением явной заинтересованности на лице изучала его досье. Наконец она оторвала взгляд от монитора.

— Не вижу причин, — медленно проговорила женщина, обращаясь, скорее, к самой себе, нежели к собеседнику.

— Простите, не понял?

— Пока я не вижу причин, по которым ваше тестирование было бы столь уж необходимым.

— Они есть, поверьте. И чем скорее мы со всем этим покончим, тем скорее я смогу приступить к работе... Может быть, все-таки начнем?

Карелина достала из ящика стола два листа чистой бумаги, пометила каждый из них соответствующим индексом и протянула Мулько.

— На одном нарисуйте дерево, на другом — дом. Вашу фантазию я не ограничиваю: любое дерево и любой дом. Рисуйте как хотите, хоть вверх ногами. Торопиться не обязательно, я пока подберу необходимые тесты...

И женщина погрузилась в просмотр данных компьютера.

Достав из кармана карандаш, Мулько принялся за изображение названных предметов. Художником он был никудышным с детства, поэтому дерево его сильно смахивало бы на обыкновенный куст, не нарисуй Мулько мощные корни, уходящие глубоко в землю. Дом также напоминал человеческое жилище лишь отдаленно, и если бы не печная труба, сверху которой Мулько начертал спиралеобразную загогулину, символизирующую струю дыма, можно было с большим трудом догадаться, что именно хотел изобразить здесь тестируемый. Закончив, он протянул рисунки Карелиной.

Просмотрев художества майора, она подняла на него пристальный взгляд и, через несколько секунд отведя глаза, выбрала из компьютера нужные файлы.

— Значит, так, Александр Иванович, — изрекла она тоном терапевта, на приеме у которого восседал бессовестный симулянт. — Отвечаем быстро, почти не раздумывая. На каждый ответ дается максимум три секунды. Начали...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Сколько времени потребует обработка информации? — поинтересовался майор, когда процедура закончилась и Карелина вернула ему удостоверение.

— Несколько дней. Результаты вам сообщит полковник, ну, а дальше сами знаете: или — или...

Тарасов сложил газету, которую читал, когда Мулько по мягкому асфальту плавившегося тротуара подошел к машине и, открыв дверь, устроился рядом. Взгляд майора был непроницаем, лицо бесстрастно. Тарасов смотрел

на него и ловил себя на мысли, что все еще немало удивлен последним распоряжением Каримова относительно обеспечения старшим лейтенантом Тарасовым личной безопасности майора Мулько. «Такие, как этот, сами обеспечат любую безопасность кому угодно», — мелькнуло в голове у парня.

— О чем пишут, тезка? — спросил Мулько, не глядя в его сторону.

Отозвался Тарасов не сразу.

— Эта женщина, которая погибла сегодня... Она вам кто, товарищ майор?

— Жена, — коротко бросил Мулько. — Ты разве не знал?

— Начал догадываться, когда полковник мне вас представил. Я ведь ее сегодня с самого утра разыскивал.

— Почему ты о ней заговорил?

Тарасов протянул майору газету.

— Да наткнулся здесь на рекламку фирмы, где ваша жена работала. Вот и спросил... Как-то само собой получилось, товарищ майор, простите...

— Ничего, старлей, переживем. — Мулько перевернул страницу и прочел вслух: — Торговый дом «Блицкриг» предлагает со склада в Ясновожске ткани из Персии. Оптом и в розницу... Вот оно как, тезка! Ты знаешь, где у нас Персия?

— Знаю. Это Иран.

— Правильно. Но, как считаешь, нашей российской домохозяйке не один ли черт, Иран это, Афганистан или Пакистан? Привезли шелк откуда-то с юга, значит, он персидский, другого и быть не может. А в Пакистане, к твоему сведению, текстиль — одна из основных статей экспорта. Понял, к чему я веду?

— Нет, — произнес недоумевающий Тарасов.

— И не надо пока. Вот адрес, — Мулько ткнул пальцем в газету. — В курсе, как туда попасть?

— Конечно. Я был у них сегодня утром, когда Ларису Аркадьевну разыскивал.

Офис фирмы «Блицкриг» находился в двадцати минутах езды от Правобулачной набережной. Это было сравнительно новое двухэтажное здание, выполненное в классическом стиле. За высоким, ажурного литья, чугунным забором Мулько разглядел блестящий на солнце

отделанный мрамором фасад и две массивные колонны, украшавшие парадный вход. Весь внешний облик сооружения буквально вопил о непоколебимости благосостояния своих владельцев, об их твердой уверенности в собственных силах и абсолютном спокойствии за день грядущий.

Мулько посоветовал Тарасову остановить машину чуть поодаль от центральных ворот. Тот выполнил распоряжение и, убирая ногу с педали тормоза, заявил:

— Как хотите, товарищ майор, но одного я вас туда не пушу. У меня приказ.

Мулько криво усмехнулся.

— Ты что же, старлей, думаешь, выхвачу я сейчас свой табельный и стану прорываться с боем, укладывая всех направо и налево?

— Не знаю, — насупился Тарасов, адресовав майору сконфуженный взгляд. — А зачем мы здесь?

— Осмотреться, прикинуть, что к чему. Кто знает, может, нам повезет и мы прямо отсюда, присосавшись к Тропинину, поведем его по городу, зафиксируем кое-какие контакты, адреса. — Мулько посмотрел на стрелки наручных часов. — Я полагаю, известие о гибели своего финдиректора он уже получил или вот-вот получит.

— А я полагаю, что он его получает прямо сейчас, — Тарасов вытянул руку и указал на припаркованные у ворот белые «Жигули» пятой модели. — Милицейская машина.

— Как определил?

— По номерам. Серия эта в городе каждой собаке известна.

Мулько закурил сигарету.

— Значит, нам повезло, тезка, — констатировал он. — Руку могу отдать, Тропинин покажется здесь сразу после отъезда оперов. Ждем-с...

И действительно, через несколько минут после того, как белые «Жигули» скрылись из виду, ворота особняка распахнулись и взглядам офицеров предстал сверкающий представительский «Мерседес» черного цвета. Автомобиль плавно вырулил на проезжую часть, водитель дал газ, и лимузин в считанные секунды преодолел добрых полторы сотни метров дороги.

— О чем задумался? — поинтересовался Мулько у Тарасова. — Двинулись!..

Старший лейтенант с пробуксовкой сорвал машину с места и, догнав «Мерседес», пристроился сзади с интервалом в две машины от преследуемой иномарки.

Некоторое время они ехали молча. Тарасов вел машину уверенно, стабильно выдерживая взятый в начале пути интервал. Если какой-нибудь лихач, сам того не ведая, увеличивал расстояние между «Волгой» и «Мерседесом», старший лейтенант, умело лавируя в потоке автомобилей, быстро восстанавливал дистанцию.

Когда Тарасов, следуя за «Мерседесом», выехал на широкую и длинную Южную магистраль, Мулько тяжело вздохнул и с недовольным видом покачал головой:

— А мне Каримов тебя нахваливал. Говорил, не так-то просто от тебя уйти.

— Не понимаю, товарищ майор...

— Можно просто Александр Иванович, — разрешил Мулько. — Вот ты только представь себе на мгновение, что за рулем «Мерседеса» сидит профессионал. Если это действительно так, то он тебя давно вычислил.

— Каким образом?

— Посредством инспекции своих тылов. Ты думаешь, интервал в две машины — надежное прикрытие?

— Я мог бы его увеличить, если б действовал с подстраховкой. — Тарасов на мгновение умолк и спросил: — А как бы работали вы?

Мулько сделал рукой характерный жест:

— Поравняйся с ним. Обойди справа и поравняйся.

Тарасов выполнил указание.

— Отсюда прими еще правее и газуй, — продолжал Мулько. — Газу, газу, лейтенант! Уйди от него на полста метров. Вот так, приблизительно... Ну, а теперь знай только в зеркальце посматривай, чтобы не потерять... Движок, Саня, у тебя — что надо!

Пропустив мимо ушей последнюю реплику майора, Тарасов недоуменно на него посмотрел.

— Если «мерс» вдруг свернет?

— Куда? Он по левому ряду движется, а здесь, насколько мне известно, на протяжении километров сорока ни одного перекрестка — сплошь развязки. Поэтому,

когда он захочет сойти с трассы, сам тебе знак и подаст. Правым «поворотником», тезка...

— Можно вопрос, Александр Иванович?

— Задай.

— Как долго вас не было в городе?

— Двенадцать лет, Саня. Двенадцать лет...

— Магистраль построили лет пять назад. Откуда же вам о ней столько известно?

Рассмеявшись, Мулько хлопнул себя ладонью по колену.

— Ну, ты и фрукт, лейтенант! Нет, ты точно фрукт заморский... Не припомнишь, часом, кто этой дорогой сегодня вез меня из Салмачей?

Тарасов покраснел и ничего не ответил. Мулько обрвал смех.

— А относительно слежки могу добавить вот что: если ты ведешь ее за человеком в таких делах искушенным, за профессионалом, то работа твоя сродни партии в шахматы. Все будет зависеть от того, кто кого переиграет.

Помолчав немного, Тарасов спросил:

— Вам когда-нибудь приходилось терять объект?

— Честно?

— По возможности...

— Конечно, приходилось, — от души соврал майор. — Я ведь не господь Бог. Но довелось мне знать одного португальца, который не только ни разу не упустил преследуемого, но однажды сделал так, что объект прибыл туда, куда было нужно ему, португальцу.

Тарасов скосил взгляд в зеркальце заднего вида.

— Поподробнее можно? Или секрет?

— Теперь уже нет никакого секрета. События в Канаде происходили, в Монреале. Так вот, этот Рауль часа полтора висел на хвосте у парочки арабов и никак не мог выбрать момент, чтобы заманить их в укромное место — заданием у него была их ликвидация. Время шло, арабы в любую минуту могли его засечь, и португалец что удумал: на светофоре подставил им свой задний бампер, а после удара вытянул в окошко кулак с оттопыренным средним пальцем и — по газам! Сам понимаешь, у этих друзей кровь от одного лишь косого взгляда закипает, а тут такое... В общем, они за ним, он от них. Привел он арабов в какие-то трущобы, там их и постреляли...

Майор опять говорил неправду: не было никакого португальца Рауля. В кармане Мулько в тот день лежали водительские права на имя Сэда Мэрфи, и все происходившее тогда имело место отнюдь не в Канаде, а в Альбукерке, штат Нью-Мексико, США. Арабы прибыли туда с целью нелегально приобрести у некоей преступной группировки, действующей в околоармейских кругах, несколько самонаводящихся боеголовок. Увенчался эта сделка успехом, она неминуемо осложнила бы и без того скользкую ситуацию на одном из горячих участков Ближнего Востока. Но своевременное тайное вмешательство российской разведки положило конец еще не начавшимся переговорам о закупке оружия. Мало того, после убийства майором курьеров с Востока верхушка американской группировки была благополучно перебита братьями-мусульманами в отместку за гибель единоверцев. Решение о ликвидации американцев принималось, разумеется, также с хорошо просчитанной подачи Мулько...

В очередной раз посмотрев на отражение «Мерседеса» в зеркале, Тарасов с правой полосы перестроился в средний ряд и сбавил скорость. Через небольшой промежуток времени багажник иномарки уже маячил впереди «Волги», метрах в сорока от нее.

— Схватываешь на лету, — похвалил Мулько вновь лучившегося от удовольствия Тарасова.

Кортеж из четырех машин, возглавлял который лимузин Тропинина, а замыкала «Волга» чекистов, ушел с магистральной вправо, не снижая скорости, въехал на эстакаду и очень скоро прибыл к огромному пятиугольному сооружению.

— Что у нас здесь? — спросил Мулько, когда Тарасов остановил машину неподалеку от въезда на парковку.

— «Бастион развлечений». Концертный зал, танц-пол, казино, несколько ресторанов, баров, бильярдных, одним словом, все, что нужно для приятного времяпрепровождения. Цены, правда, у них кусаются.

Мулько равнодушно пожал плечами, наблюдая, как из «Мерседеса» вышел рослый мужчина в легком дорогом костюме и быстро направился к служебному входу.

Мулько узнал его сразу. Это был не кто иной, как Юрий Михайлович Тропинин, собственной персоной.

Майор среди прочих отметил и тот факт, что телохранители Тропинина в настоящий момент отсутствовали.

— А тебе, лейтенант, не кажется странным, что человек, получив известие о гибели своего подчиненного, отправляется напрямик в увеселительное заведение?

— Нет, — спокойно ответил Тарасов. — Частично это заведение — его собственность. Он имеет здесь какие-то проценты.

— Откуда информация?

— Из газет.

— Понятно...

— Чем будем заниматься дальше, товарищ майор? Ждать?

Мулько размышлял всего несколько секунд.

— Нет, поехали отсюда. Где «Горсправка» находится, тебе известно? Давай к ней...

Длинный коридор справочного отделения паспортно-визовой службы Яснoволжска наполнял расслабляющий полумрак спасительной прохлады. Было тихо. Несколько посетителей, ожидавшие своей очереди у небольшого окошка, стояли молча, отдыхая от изнуряющей уличной жары. За одной из дверей, слегка приоткрытой, раздавалось едва слышное жужжание кондиционера.

Мулько отыскал кабинет начальника отделения и, постучав, вошел внутрь.

— Добрый день, — приветствовал он полную женщину в мундире подполковника милиции. — У меня к вам дело, которое не терпит отлагательства.

Он положил перед ней раскрытую книжечку удостоверения и, пока она изучала ее содержание, нацарапал на листке бумаги несколько слов.

— Какое именно дело? — уточнила женщина, возвращая Мулько документы.

Он подвинул к ней листок.

— Необходим срочный ответ по этому запросу. Чем скорей, тем лучше.

Хозяйка кабинета подняла телефонную трубку, продиктовала кому-то написанное на бумаге.

— Пройдите в третью комнату, — известила она майора. — Через десять минут все будет готово...

Спустя обещанные десять минут Мулько получил тре-

бующую информацию и покинул «Горсправку», воспользовавшись запасным выходом.

Оказавшись в тесном дворике, загроможденном полуогнившими деревянными ящиками, он прошагал вдоль проржавевшей стены железного гаража, свернул по узкой тропинке налево, миновал длинный и темный арочный пролет и оказался на шумной широкой улице, прилегающей к той, на которой он оставил ни о чем не догадывающегося Тарасова. «Ну же, тезка, — думал Мулько, — не сделай так, чтобы я тебя увидел сегодня. Ты даже не представляешь, как это важно для меня!»

Он поймал такси, назвал адрес.

— Но сначала, шеф, заедем куда-нибудь перекусить, — попросил Мулько, захлопывая дверцу.

...Когда по прошествии полутора часов они прибыли по указанному адресу и Мулько, расплатившись с водителем, вышел из машины, в двух десятках метров от себя, в парковочном «кармане» он увидел «Волгу» бледно-голубого цвета и как ни в чем не бывало сидящего за рулем Тарасова. Заложив руки за спину, медленным шагом майор направился к своему телохранителю.

— Надоел, — объявил Мулько незлобивым простецким тоном. — Может, раскроешь секрет, как ты меня просчитал?

— Ничего сложного, — буркнул недовольный Тарасов. — В списке четыре фамилии, одна из них — Тропинин. Если бы он действительно вам понадобился, вы вступили бы в контакт с ним еще там, у «Бастиона», и вам незачем было бы отправляться на поиски адреса.

— Ладно, с одной фамилией разобрались. Что с тремя остальными?

— Двое мужчин, одна женщина. Я рискнул предположить, лишь наудачу, что она — подруга вашей жены. Только и всего...

— Кто-то из двух мужчин мог быть ее любовником. Это ты в расчет не принимал?

— Вас двенадцать лет не было в России, Александр Иванович, — как бы извиняясь, ответил Тарасов. — Откуда же взяться информации о любовных связях Ларисы Аркадьевны?

— Ну, а к кому бы ты еще заглянул, не окажись меня здесь?

— К этому, как его... К Добрику, наверное.

— Почему именно к нему?

— Фамилия у него странно подозрительная.

Мулько вздохнул.

— Логично, Саня. Но почему хмурый такой?!

Ничего не ответив, Тарасов пожал плечами.

— Бди, лейтенант, — с легкой усмешкой приказал Мулько. — Спускаюсь я, возможно, нескоро.

...Элитный дом в престижном районе, сверкающий чистотой уютный холл, подтянутый охранник, с которым Мулько разговаривал всего несколько секунд, стремительный подъем в абсолютно бесшумном лифте на пятый этаж и немая, но вместе с тем пронзительная сцена у отворившейся двери апартаментов...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Перед Мулько стояла исключительной красоты женщина, высокая, с великолепной фигурой и волосами цвета южной ночи, падающими на чуть покатые плечи. Она была одета в бежевый атласный халат, до самых щиколоток скрывающий ноги идеальных пропорций, и такие же атласные мягкие домашние туфли без задников. Шлепанцы эти венчали шелковые бантики, выполненные в виде распустившихся розовых бутонов.

Лицо женщины казалось бледным, патрицианский подбородок, высокие скулы и слегка впалые щеки были мокрыми от слез. Глаза — черные, большие — уже почти высохли. Сначала они смотрели куда-то сквозь майора, но со временем пустота в них сменилась настороженностью, а та, в свою очередь, стала превращаться в испуг, ужас, молчаливый шок. На долю секунды Мулько показалось, что женщина вот-вот упадет без чувств, поэтому он сказал тихо, но твердо:

— Здравствуй, Лиля.

Из глаз ее снова закапали слезы, она сделала шаг навстречу, обвила его шею руками, прижалась к нему всем телом. И когда истерика, прекратившаяся, видимо, очень недавно, вновь захлестнула ее горячечной волной, женщина сквозь глухие рыдания простонала:

— Но ведь так не бывает!..

Он подхватил ее на руки, внес в квартиру, усадил на мягкий диван в просторной гостиной, обставленной

изящной мебелью. После, подав ей наполненный минеральной водой хрустальный фужер, устроился рядом, дожидаясь, когда она сделает хотя бы несколько глотков.

Лиля осушила стакан залпом и, поискав глазами, куда бы его поставить, нагнулась и просто уронила на ковер. Богатый пушистый ворс тотчас спрятал от глаз добрую половину бокала.

— Когда ты приехал? — спросила она, постепенно успокаиваясь, не глядя в его сторону.

— Несколько часов назад.

— Откуда?

— Ты ведь знаешь, девочка.

— Догадываюсь

— Правильно, оттуда.

Она протерла платком глаза, всхлипнула.

— Значит, тот бензовоз, похороны — все блеф? А могла на «Арском поле»? Кто в ней лежит, Санечка?

Его губ коснулась почти неуловимая добрая усмешка, словно он вспомнил что-то, чего никогда, как ему сейчас казалось, не было. Санечка... Она называла его так всегда. С момента самой первой встречи, которая состоялась задолго до того, как Лиля познакомила их с Ларисой.

— Какой-то бродяга, — ответил Мулько на вопрос. — Нашли в морге труп, подходящий по росту и весу, «обжарили», доведя до нужной кондиции, положили в гроб. Так было нужно, Лёлик...

— Скотина ты! — огрызнулась Лиля, прямо посмотрев ему в глаза. — Она ведь поначалу буквально целовать бросилась мослы эти обгоревшие, головешку эту скрюченную; еле удержала ее. Как ты мог, капитан!..

Мулько оставил последнюю реплику без внимания. Он достал сигарету, чиркнул зажигалкой, выпустил в потолок густую струю дыма. Потом быстро-быстро затянулся еще несколько раз подряд.

— Когда тебе сообщили? — спросил он, внимательно рассматривая огонек сигареты.

— С час примерно, — тихо ответила Лиля. — Они ушли незадолго до твоего прихода.

— О чем спрашивали?

— В основном о Юрмике, это шеф ее. Еще о том, где она чаще всего бывала, круг знакомых выясняли, инте-

ресовались ее интимными связями. Я рассказала им все, что знала, Санечка, вернее, почти все. Не назвала лишь одну фамилию, потому что не хочу, чтобы он узнал это от них. Лучше уж я сама ему как-нибудь обо всем, у меня мягче получится...

— А что, если ему все было известно еще вчера?

— Не смеши меня, капитан, — Лиля горько усмехнулась. — Вадим Храмов — простой школьный учитель, влюбленный нежно и безнадежно... Выпьешь чего-нибудь?

— Не откажусь, — ответил Мулько.

Лиля поднялась с дивана и неожиданно заявила обыденным, никак не вяжущимся с моментом тоном:

— А я к тому же проголодалась. Пойдем на кухню.

...Из широкой рюмки на длинной ножке Лиля тянула уже вторую порцию мартини с водкой. Холодный картофель-фри, обильно сдобренный томлеными в сметане шампиньонами, стоял перед ней до сих пор нетронутым; зубья сверкающей вилки покоились на краешке тарелки из тончайшего фарфора.

Мулько вертел в пальцах почти до краев наполненную коньяком рюмку-наперсток, откуда он пригубил единственный крохотный глоток. Недавно откупоренная бутылка находилась рядом.

— Я, Санечка, тебя не узнаю, — удивилась Лиля. — Ты научился пьянеть за границей?

— Отнюдь.

— А чего же тогда не пьешь? Хотя... — Она махнула рукой, потянулась к бутылкам с мартини и водкой и прошептала: — Вот и нет больше Ларочки. Остались мне от нее одни воспоминания да фотографии... В альбоме они лежат. Хочешь взглянуть?

— Ты бы не усердствовала с этим делом, — вместо ответа проговорил Мулько и взглядом указал на бутылки с алкоголем. Лиля в ответ лишь презрительно фыркнула.

— Я ее всегда любила, — она произнесла это почти шепотом. — Ненавидела совсем немножко и очень-очень давно — только накануне вашей свадьбы. А потом перегорела, успокоилась. Она ведь подруга мне, с детства подруга... А знаешь, почему я продолжала ее любить? Потому что ты никогда ничего мне не обещал, а она чувствовала себя искренне виноватой передо мной за то,

что втюрилась в тебя по уши... — Лиля умолкла на несколько секунд. — Иногда я думаю, что мне нужно было родиться мужчиной. Не бывает ведь женской дружбы. Такой дружбы, какая существовала между мной и Ларкой... Пей, пей, капитан.

— Майор, — поправил Мулько, тепло глядя в черные глаза, такие знакомые и такие когда-то родные. Глаза, в которых он однажды едва не утонул.

Она ласково улыбнулась.

— Для меня ты не будешь майором. Никогда, Санечка... А для Ларки ты им так никогда и не стал. — Новая тень пробежала по ее лицу. — Скажи честно, ты хоть вот столечко любил ее? Любил ее хотя бы на мизинчик, на волосок хотя бы? Скажи, капитан?..

Вместо ответа Мулько опрокинул в рот содержимое своего «наперстка», вновь наполнил рюмку.

— Боже мой, я ведь была уверена в этом с самого начала! — Лиля непроизвольно прижала руку к груди. — Я за два дня до свадьбы уговаривала ее пересмотреть ваши отношения, пыталась ей намекнуть, но какое там! Она и слышать ничего не желала.

— Зачем, девочка? — спокойно спросил Мулько.

Она улыбнулась какой-то грустной улыбкой.

— Думаешь, из-за нас с тобой? Нет, Санечка. Просто я была немного умнее ее, а впрочем, тебе об этом и так известно. Ты и запал-то тогда не на внешность мою, а на способность мыслить... Нет, мне точно следовало родиться мужчиной! — она странно весело хихикнула. — Так вот, я была умнее ее и прекрасно понимала, что ты, офицер госбезопасности, никогда не свяжешь свою жизнь с особой легкого поведения, коей являюсь я. Но время шло, тебе уже стукнул «тридцатник» и нужно было как-то устраиваться. Ларка оказалась идеальной кандидатурой: скромница, студентка-отличница, из приличной семьи, в связях с криминальными структурами — это и явилось главенствующим фактором — не замечена. Ну, и, кроме всего, она надышаться на тебя не могла. — Лиля ненадолго замолчала. — А теперь, капитан, отвечаю на твой вопрос: я не хотела, чтобы моя лучшая подруга испытала однажды адскую боль от горького в тебе разочарования. Я боялась, что в один дождливый день она узнает, как ты в действительности к ней относишь-

ся, и это разобьет ей сердце, вырвет из него веру в вас, мужиков... Она была такая молодая, а среди вас и в самом деле попадаются иногда неплохие ребята. Только поэтому я предприняла слабую попытку расстроить вашу свадьбу...

— Надеюсь, у меня со временем получилось развеять твои опасения?

— Более чем... Если сначала я была просто влюблена в тебя до безумия, то потом к этому чувству прибавилось еще и чувство огромного уважения и доверия. Ведь после женитьбы ты ни разу даже не посмотрел в мою сторону, хотя, догадываюсь, далось тебе это нелегко.

— Я очень уважал свою жену, — объяснил Мулько. — За ее любовь, преданность и честность. Я никогда не смог бы поступить как-то иначе.

На глаза женщины снова навернулись слезы.

— Зачем ты уехал, Санечка? — спросила она прерывающимся шепотом, и задрожала, засверкала на ее ресницах прозрачная капля, сорвалась и покатилась, оставляя на мраморно-бледной щеке блестящий, искрящийся след.

— Тебе это может показаться странным, Лёлик, но однажды я дал присягу, — ответил Мулько, глядя на нее, такую досягаемую и вместе с тем неприступную в природной красоте своей, такую некогда желанную им.

И вдруг здесь, в просторной светлой кухне, за столом, на котором стояло несколько початых бутылок спиртного и тарелка с остывшей закуской, Мулько отчетливо осознал, что ничего, абсолютно ничего не изменилось. Стрелки часов, отсчитывающих его время — для Мулько теперь это стало очевидным, — все прожитые им годы работали вхолостую и сегодня вынуждали Мулько признать, что и сейчас он продолжает желать ее — женщину, сидящую напротив.

— Капитан, — точно угадав его мысли, попросила она хрипло, голосом, понизившимся до глубокого контральто. — Отнеси меня... Отнеси меня в спальню, Санечка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Давно стемнело. Шум машин за окном, в липком воздухе уходящего вечера, раздавался все реже и реже. Густое небо, усыпанное узорами созвездий, смотрело на засыпающий город сварившимся желтком изможденной

луны; откуда-то издалека доносился стройный хор голосов чуть подвыпившей компании.

В спальне было прохладно и тихо: слух почти не улавливал гул кондиционера. Они лежали рядом и тихо разговаривали; ее голова покоилась на его плече, ухоженная рука ненавязчиво забавлялась буйной растительностью на груди, отмеченной четырьмя шрамами от пулевых ранений.

— После твоих похорон... — тут Лиля осеклась, — после твоего отъезда... после всего этого она больше года не могла в себя прийти. Ходила худая как смерть, бледная, следить за собой перестала. Мне порой казалось, что, если бы не Сережка, она давно в петлю залезла бы... Но потом взяла себя в руки, оклемалась чуточку, даже иногда улыбаться стала. Сереже всего полгодика исполнилось, а она уже снова за учебниками сидела, чтобы пройденное вспомнить и в сентябре на последний курс досрочно восстановиться... Но с мужчинами я ее долго не видела, до тех самых пор, пока Сережка в первый класс не пошел. Там, в школе, она и познакомилась с Вадимом своим, он классным руководителем Сережи был. Хороший, добрый мужик. Сам по образованию математик, но когда пришел в школу устраиваться, попросил, чтобы ему дали первоклашек. Странно, правда?.. Ларка к тому времени хорошо зарабатывать стала, келью вашу продала, купила двухкомнатную квартиру недалеко от центра, «девятку» новехонькую приобрела, ну, учитель при каждой встрече и терялся, никак не мог с ней о нужном заговорить. Даже вызваться проводить не осмеливался, его смущало наличие у Ларки автомобиля. Но она чувствовала, как Вадим к ней относится, сама испытывала взаимную симпатию и первой пошла навстречу: как-то раз явилась в школу пешком. Поговорить об успеваемости ребенка, которая ее якобы сильно беспокоила, хотя самого ребенка в школе в тот день не было, а успеваемость его нисколько не хромала... В общем, через несколько месяцев трудно было отыскать парочку счастливее Ларки с Вадимом.

А около двух лет назад все рухнуло, я имею в виду их отношения. Началось с того, что фирма, где она работала, развалилась. Руководитель предприятия исчез вместе

с крупной суммой наличности, ищут его до сих пор. А Ларка оказалась не у дел. Поначалу ее часто таскали в милицию, что-то там выпытывали, разной ерундой интересовались, подняли всю бухгалтерию. Оно и понятно: нужно же было крайним кого-то пускать. Но с Ларкой у них ничего не вышло. В бумагах ее — полный ажур, а в свои махинации с наличностью хозяин фирмы Ларису не посвятил. Он просто испарился, и все тут. Ну, менты подергали ее еще немного да отвязались.

Вадим, после того как Ларка без прибыльной работы осталась, сам не свой ходил от радости: его всегда сильно коробило, что любимая женщина зарабатывает на порядок выше. Но счастье это было недолгим. Через три месяца Ларка наткнулась на объявление о конкурсе вакансий, который объявляла одна из дочерних компаний корпорации «Блицкриг». Она отправилась туда и, ты знаешь, выиграла... Выиграла этот долбаный конкурс!

— Что с тобой, Лёлик? — Мулько удивила интонация, с которой Лиля произнесла последнюю фразу.

— Ничего. Просто сразу после того, как Ларка туда устроилась, ее точно подменили. Стала замкнутая, раздражительная, принималась скандалить по каждому поводу с людьми, со мной. Даже с Вадимом, чего никогда раньше не случалось. Закончилось все тем, что в запале очередной ругачки с ним она назвала своего учителя то ли неудачником-жиголом, то ли вообще проходимцем и сказала, что он ей с некоторых пор и вовсе неприятен. В итоге, сам понимаешь, Вадиму ничего не оставалось, как отвалить.

Спустя какое-то время Лариса немного успокоилась, стала сдержаннее, что ли, но такой, как раньше, я ее больше уже не видела. Мы, конечно, продолжали общаться, однако я замечала, что она постоянно чего-то недоговаривает, очень часто без видимых причин могла сменить тему разговора или же совсем его прекратить. Просто встать и сказать «до свидания»...

— И все это время, до самой смерти, она вела себя именно так? — спросил Мулько.

— Я же говорю, она превратилась в совершенно другого человека. Даже волосы зачем-то перекрасила.

Мулько дотянулся до тумбочки, где лежали сигареты, достал две, прикурил обе, одну передал Лиле.

— А какой бы ты сделала вывод из всех своих наблюдений? В чем, по-твоему, могла крыться причина такой резкой перемены?

Ответила она не раздумывая, сразу:

— А мне и не нужно было делать никакие выводы. По прошествии примерно полугода ее работы в «Блицкриге» я случайно узнала, что Ларка встречается со своим шефом. Причем тайно встречается. Она даже мне ничего об этом никогда не говорила, и знали об их связи всего несколько доверенных лиц Юрмиха.

— Как, в таком случае, эта информация попала к тебе?

— Через одного из тех самых доверенных.

— У тебя есть общие знакомые с Тропининым?

— Есть. И общие знакомые есть, и лично с ним я знакома.

— Да ты просто находка, Лёлик! — хохотнул Мулько, придав своей интонации пренебрежительный оттенок.

Лиля тихо рассмеялась.

— Не заговаривай мне зубы, капитан. Сердцем чувствую, ты уже приготовил целую обойму вопросов. Только, Санечка, о его делах мне ничего не известно, я контактировала с ним исключительно по своей профессиональной линии, и всего-то считанное количество раз.

— Он импотент? — удивился Мулько. — Я хочу сказать, девочка, что нельзя после первого свидания с тобой ограничиться впоследствии лишь несколькими. Да на месте Тропинина я бы влюбился в тебя!

— А на своем месте? — спросила она изменившимся голосом.

Мулько осторожно высвободил плечо из-под ее головы, повернул к Лиле лицо.

— Однажды я был на грани, — серьезно ответил он и легко прикоснулся губами к ее щеке. — А теперь, если можно, расскажи о себе.

Лиля кокетливо шмыгнула носом, словно давая тем самым понять, что согласна переменить тему и дурашливым тоном уточнила:

— С какого момента начинать, капитан?

— С главного, — в унисон ей ответил Мулько.

— Ну, если с главного, то придется вести повествование с самого начала, с того дня, когда я впервые вышла на панель. Имеется в виду, что, пойдя я в свое время в

домохозяйки, я не познакомилась бы ни с тобой, ни с Тропининым, ни со всеми теми сильными мира сего, за счет которых мне приходится сейчас жить и с чьей помощью блюсти иногда свои шкурные интересы. Но ведь такой рассказ много времени займет, Санечка, и первая его глава тебе хорошо известна.

— Тогда познакомь меня с остальными.

— Не хочу, — призналась Лиля. — Любого другого — пожалуйста, но тебя не хочу.

— Ты не сделаешь мне больно, поверь.

Она горько усмехнулась:

— Кто бы сомневался, капитан!.. Если обо всем в двух словах, то мне просто повезло. Редко кто в нашей профессии дотягивает до моего возраста, а ведь мне уже тридцать пять. В основном, наши девчонки заканчивают либо на игле, либо на ноже, либо — это если о-очень повезет — у алтаря. Как видишь, я жива, здорова и пока не замужем. Несколько лет назад стечение обстоятельств подняло меня на тот уровень, на котором я нахожусь сейчас. Я — элитная проститутка, капитан. Банкиры, крупные бизнесмены, политики...

— Как насчет криминальных авторитетов? — перебил Мулько.

Лиля презрительно поморщилась.

— Терпеть не желаю. Ты, Санечка, представить себе не можешь, какие они все убогие! Несмотря на власть, которой обладают, на мощные капиталы, на роскошные особняки, лимузины, яхты. С ними даже поговорить совершенно не о чем. На уме у этих деятелей только две вещи: где бы побольше хапнуть и как бы половчее замочить того, кто хапнуть им мешает. Мочат они совсем нередко тех, с кем выпивали накануне вечером, а на похоронах до хрипоты некрологи в стихах декламируют и до посинения клянутся всю оставшуюся жизнь посвятить поискам душегубов убиенного. Это разве люди? Это — слегка окультурившийся сброд, по-другому назвать не могу.

— Издержки профессии, Лёлик.

— Ты не прав, капитан, с этим сбродом я не якшаюсь давно. Хватит, в свое время достаточно среди них покрутилась.

— Разве у тебя есть возможность выбирать?

— Есть, Санечка... Есть человек, который однажды ввел меня в тот круг, где я сегодня вращаюсь, и который все делает для того, чтобы мое положение крепло там день ото дня. Он ничего с этого не имеет, ни под кого меня не подкладывает, он просто дает мне возможность хорошо зарабатывать и вольготно жить.

— Причина?

— Я ему очень нравлюсь. Только не как профессионалка, знающая свое дело, а просто как женщина, как человек. Могу даже взять на себя смелость предположить, что человеческое начало во мне интересует его гораздо больше, нежели чисто женское.

— Кто он, Лёлик?

Лиля вздохнула, лицо ее украсила легкая ироничная усмешка.

— Бандит... Единственный в мире бандит, который мне симпатичен.

— Интересно, чем?

Она потеряла щеку.

— Трудно сказать. Просто симпатичен, и все. Наверное, потому, что ничто не указывает на его принадлежность к блатному миру: речь, манеры, умение вести себя с людьми. Он увлекается живописью, любит играть в шахматы, за карточный стол садится только в компании с постоянными партнерами, каждый из которых уверен, что шулерство — удел дебилов, а выиграть не смухлевав — вот высший пилотаж. И играют они не ради денег, а ради того, чтобы насладиться игрой, самим процессом.

— Как зовут его, Лёлик? Род занятий?

— Геннадий Евгеньевич Золотов его зовут. А род занятий... Ну, чем, по-твоему, занимаются бандиты? Но легальное прикрытие — это «Бастион развлечений»: Генна его хозяин. И еще у него имеется доля акций в корпорации Тропинина.

— У Тропинина же, я слышал, имеется доля акций в «Бастионе».

— А ты неплохо осведомлен для только что воскресшего.

— Осведомлен, что ж поделаешь, — вздохнул Мулько. — Значит, это Золотов поведал тебе о связи Тропинина с Ларисой?

— Он. Мы как-то раз обедали с ним в одном из рес-

торанов «Бастиона» и вдруг увидели Юрмиха с Ларисой, вернее, Гена увидел — я к ним спиной сидела. Он кивнул Юрмиху, а на мой вопрос, кого это он там приветствует, ответил, дескать, Юрку с его мамзель...

— Юрку?

— Ну да, они же друзья с детства. Золотов Тропинина в свое время и в люди вытащил. В общем, я оглянулась и поняла, что мамзель Юрмиха не кто иная, как Ларка наша. Она в ресторане том меня так и не увидела, ну а я впоследствии не стала у нее ничего выпытывать.

— Золотов больше ничего не объяснил? — снова спросил Мулько. — Не сказал, например, почему они встречаются тайно?

— Сказал. Только совсем немного. Причина до жути тривиальная — супруга Юрия Михайловича. Тот вроде бы обожает свою жену и не хочет причинять ей боль.

— Несколько странное обожание, — с сомнением высказал Мулько. — Боготворить жену, а вместе с тем иметь любовницу, да еще пользоваться услугами проституток. Ты не находишь?

— Он перестал пользоваться нашими услугами примерно в то самое время, когда познакомился с Ларисой. Видать, здорово ему Ларка голову вскружила!

— С тобой он тоже виделся тайно?

Лиля немного помедлила с ответом.

— Ты знаешь, нет. Обычная встреча вечером в ресторане, потом он повез меня на одну из своих квартир, а утром подбросил до дома. На прощание даже руку поцеловал. Он вообще, Юрмих этот, умеет с женщинами обращаться... Приятный мужик.

— У него красивая жена?

— Не знаю, — Лиля пожала плечами. — Я ее ни разу не видела... Ну что ты весь задергался, капитан? Что тебя так взволновало?

Мулько приподнялся, прижал плечи к спинке кровати, затушил в пепельнице свой окурочок.

— Не знаю, Лёлик. Пока не знаю. Мне многие вещи в этой истории покоя не дают.

— Какие, например?

— Не могу сказать. Все это находится на нулевой стадии, нет даже элементарных предположений, но интуиция подсказывает мне, что я правильно сделал, придя

сначала именно к тебе. А интуиция меня ни разу не подводила. — Мулько резко умолк. — Веселые у тебя соседи, Лиль!

За стеной ударили аккорды рок-н-ролла, послышались громкие голоса, смех.

— Да ну их! — заворчала Лиля. — Достали уже. Представь, Санечка, такие гулянки проходят там, как минимум, раз в неделю, и все это на протяжении уже нескольких месяцев, что я здесь живу. Расписание, что ли, на двери у него висит, у критика этого долбаного!

— У кого? — не понял Мулько.

Она пояснила:

— Критик театральный там живет.

— Дает богема шороху! — Мулько улыбнулся. — Ты знаешь всех своих соседей?

— Почти. Справа этот театрал проживает, слева — какая-то шишка из налоговой инспекции, подо мной — зам генерального семнадцатого оборонного, а в квартиру сверху только два дня назад въехали, и кто такие, мне пока не известно... Капитан, у тебя еще будут вопросы?

— Возможно, будут. Но вот что это будут за вопросы, сказать пока и сам затрудняюсь.

— Тогда иди ко мне, капитан, — потребовала Лиля, откидывая в сторону прикрывавшую их простыню...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Только дождавшись, когда Лиля в блаженстве истомы уснет ровным, глубоким сном, Мулько осторожно поднялся с кровати, оделся, тихо прошел на кухню. Наполняя коньяком рюмку, он тяжело вздохнул.

— Спасибо тебе, девочка, — шепотом проговорил майор. — Спасибо, милая...

Сухая ночь ударила в лицо горячим дыханием своим, когда Мулько оказался на улице. Рубашка под пиджаком мгновенно прилипла к телу, кожаная «сбруя» на плечах усиливала неприятные ощущения.

Тарасов курил, сидя за рулем, беззаботно сплевывая в окно. Мулько, открыв дверцу, уселся рядом.

— Слушай, тезка, — произнес он, утирая платком выступившую на лбу испарину. — Завтра утром, до восьми ноль-ноль, смотаешься, куда я не знаю, но купишь

мне гавайскую рубашку, светлые штаны и кроссовки. Возьми деньги, этого должно хватить.

— Но магазины только в десять открываются, — попробовал возразить Тарасов. — На рынках же до девяти часов делать нечего.

— Тебе задание ясно, лейтенант?

Тарасов заметно нахмурился.

— Ясно, — проворчал он. — А хотя...

Внезапно его лицо озарила догадка, и Тарасов воскликнул почти весело:

— Сделаем, товарищ майор! Знаю я, где вам одежду раздобыть.

Авиастроительный район Яснoволожска закладывался еще в довоенную эпоху, при незабвенном Иосифе Виссарионовиче, о чем, собственно, и говорили тянувшиеся вдоль трамвайной линии исполины о семи этажах, выполненные в стиле сталинского ренессанса. Но на смену одному времени приходило другое, другому — третье, и теперь робко приютившиеся в тени сталинских гигантов невзрачные «хрущевки» бойко перемежались со стандартными «коробками» ленинградского проекта.

Обычная двухкомнатная квартира на втором этаже одной из «ленинградоk» и предназначалась для временно-го проживания майора Мулько в компании со старшим лейтенантом Тарасовым.

— Вот что я тебе скажу, Саня, — обратился Мулько к Тарасову, когда они разулись и прошли в скромно обставленную гостиную. — Утром меня не будить, растолкаешь, только когда вернешься из шоп-рейса. Все понял?

— Все, Александр Иванович, — отрапортовал Тарасов.

Майор скинул с себя портупею с пистолетом и отправился в ванную.

...Утром его разбудил донесшийся из прихожей скрежет замка запираемой Тарасовым двери: старший лейтенант отправлялся на выполнение полученного накануне задания. Мулько тут же энергично соскочил с кровати, подошел к подоконнику, не дотрагиваясь до тюлевой занавески, посмотрел в окно. Через минуту он увидел выходящего из подъезда Тарасова, еще через минуту бледно-голубая «Волга» отъезжала с места стоянки.

— Отлично, лейтенант! — промурлыкал Мулько.

Он побрился, принял контрастный душ, основательно растерся махровым полотенцем. Затем открыл свою сумку и быстро облачился в бежевые парусиновые брюки, кроссовки и пеструю гавайскую рубашку навывпуск. Кобуру с пистолетом Мулько приладил на брючном ремне. Перед тем как выйти из квартиры, он еще раз тщательно оглядел себя в зеркало и, только убедившись, что оружие не бросается в глаза, закрыл за собой дверь.

Стрелки часов показывали 7.30. Тарасов мог вернуться в любую минуту, поэтому Мулько быстро пересек двор, по узкой тропинке миновал заросли густого кустарника и, лишь оказавшись в двух кварталах от своего временного жилища, махнул рукой проезжавшему мимо такси. Он попросил водителя отвезти его в центр города, к любой точке общепита, которая будет работать в этот час.

За завтраком Мулько старался выработать приблизительный план действий на ближайшие несколько часов. Собственно, план этот он несколько раз прокрутил в голове еще вчера, пока добирался с Тарасовым от дома Лили до места ночлега, но предстоящий разговор с Каримовым мог запросто все изменить. И чем больше размышлял он, тем очевидней для него становилось, что поиски свои нужно начинать с посещения Министерства внутренних дел. Мулько был почти уверен, что расследование обстоятельств гибели его семьи ведет один из отделов именно министерства, а никак не УВД Ясновожска или РУБОП. Слишком громко, слишком дерзко орудовали преступники, а кроме того, настораживала прижизненная связь его жены с одним из наркокнязей России.

«Да, майор, — сказал он себе, — МВД республики, не ниже. Как пить дать!»

Каждое свое дело Мулько старался начинать и доводить до конца самолично. Так и на этот раз, прежде чем звонить полковнику, Мулько хотел просчитать все нюансы самостоятельно, ну, а проверить, прав он или нет, майор мог в любую минуту: вот он, мобильный, в кармане рубашки болтается, удобный и легкий.

Покончив с трапезой, Мулько вышел на улицу. Он достал мобильный, пробежался по меню, набрал номер полковника. Тот ответил почти сразу:

— Говори, Саня, слушаю. Доброе утро.

— Доброе, Альберт. Такой вопрос: кто ведет дело о взрыве?

— Республиканская прокуратура. Оперативное сопровождение ОНОН МВД.

— Странно, при чем здесь наркотики? Совершено убийство.

— В багажнике машины обнаружен расплавленный полиэтиленовый пакет с несгоревшими остатками порошка. Анализ, Саня, показал — это героин высокого качества. По предварительным прикидкам, там находилось около килограмма зелья.

— Наши как-то задействованы в расследовании?

— На первом этапе вопрос поднимался, — ответил Каримов. — Но с обнаружением наркотиков версия о возможном теракте отпала сама собой, и дело отнесли к разряду криминальных разборок.

— При взрыве пострадал еще кто-нибудь?

— Есть только двое тяжело контуженных, да еще трое отделались легкими ранениями. В основном — обычные царапины. Те, что с контузиями, лежат сейчас в Республиканской клинической, а легко раненные от госпитализации отказались вообще... Ты мне вот что скажи: ты вчера на месте взрыва был?

— По правде говоря, близко меня не подпустило оцепление, но на первый взгляд поработали там юнцы неопытные. Зарядом, который они заложили, можно было бы танк перевернуть.

— Это хорошо, — задумчиво произнес Каримов.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что ареал поиска более или менее очерчен. Все, кто умеет грамотно обращаться с взрывчаткой, и у наших, и у «серых» давно на заметке.

— Вот именно, на заметке только профессионалы. Где, в таком случае, искать дилетанта?

— А у кого, по-твоему, дилетант может получить первоначальную информацию о том, как управляться с подобного рода сюрпризами? То-то...

— Ну, это еще вилами по воде, — решительно возразил Мулько. — Такую информацию он мог получить где угодно и когда угодно... Знаешь, что я вчера узнал, Альберт? Лариса была любовницей Тропинина.

От неожиданности Каримов присвистнул.

— Сведения из надежного источника?

— Абсолютно.

— Давно это у них?

— Точно не скажу, но спустя полгода после ее трудоустройства роман уже имел место.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Ведь даже я ничего не знал... Что ж, на один вопрос ответ получен.

— Согласен. Но возник еще один: зачем ей понадобилось возить с собой такое количество героина? Никогда не поверю, что по совместительству она подрабатывала наркокурьером!

— Все может быть. Она могла работать курьером, а могла и не работать, но пыталась оказать кому-то услугу, доставляя пакет по назначению. Наркотики, в конце концов, могли быть просто подброшены кем-то с целью сосредоточить лишний раз на Тропинине внимание органов.

— Значит, их нужно было подбрасывать Тропинину, а не его любовнице, — попытался возразить Мулько.

Каримов усмехнулся.

— А тебе известно, какая у него охрана? Мышь не проскочит, а о человеке с килограммом героина и говорить не стоит. Причем охрана всегда рядом, он даже в туалет без своих горилл не ходит. С Ларисой же дело проще: открыл багажник, положил, отчалил. А потом остается позвонить куда следует и сообщить номер машины. Все — колесо завертелось. Ее — под стражу, в офис — спецназ с обыском, под шумок — проверка всей финансовой деятельности фирмы и так далее...

— Думаешь, по Тропинину это сильно ударило бы?

— Сильно не сильно, но хлопот бы прибавилось. Знаешь, как на войне? Если неприятель неожиданно атакует на одном участке фронта, приходится бросать туда дополнительные силы, которые снимаются с другого участка, тем самым ослабляя его...

— Только, если нет резерва, — напомнил Мулько.

— Да, — согласился Каримов, — если нет резерва. Но все это, Саня, голая, ничем не подкрепленная гипотеза. Я о том, каким образом наркотики попали в багажник «Пежо». Над ней еще думать и думать.

— Коль уж мы заговорили о неприятеле, Альберт, да-

вай раскладывай, кто у Юрмиха враг, кто союзник. Меня интересует все.

Каримов помолчал, собираясь с мыслями.

— Значит, так, враги... Ты сам должен понимать, у птиц его полета не бывает много врагов, я имею в виду серьезных противников. Конечно, желать неприятностей может тысяча человек, но вот осуществить задуманное под силу лишь единицам. У Тропинина то же самое. Здесь, в Яснотолжске, есть только один человек, способный сильно ударить по его бизнесу. Это некто Рожин Вячеслав Анатольевич. Авторитетный бандит, имеет две судимости, массу денег и влияния. Нельзя сказать, что бизнес Тропинина стоит у Рожина костью в горле, мешает ему заниматься своими делами, но один пирог — это вкусно, а два все же вкуснее. Есть мнение, что Рожин давно подмывал бы под себя все товарно-финансовые потоки Тропинина, но у Юрмиха чрезвычайно мощный покровитель, с которым так просто не сладить.

— Не Золотов ли? — поинтересовался Мулько.

— Он самый. Его авторитет в бандитской среде простирается далеко за пределы республики и охватывает почти всю Среднюю Волгу. В других регионах Золотов, конечно, не хозяин, но и там его ценят и уважают. С Тропининым они друзья с незапамятных времен, и Золотов почему-то весьма трепетно относится к этой дружбе. Другими словами, Юрмиха он не отдаст никому, ни за какие миллионы, будет стоять за него до конца. Наверное, поэтому Рожин до сего дня не предпринимал никаких попыток прибрать к рукам бизнес Тропинина.

— Где можно найти Рожина и Золотова?

Каримов назвал рабочие адреса, потом прервался на секунду, видимо, переверачивая страницу записной книжки, и сообщил домашние адреса бандитов.

— Что ж, товарищ полковник, начинаю работать, — по-военному отрапортовал Мулько. — Понадобится информация или помощь, позвоню. Как там мои тесты?

— Вчера я отправил их аналитикам. Результаты будут готовы через пять-шесть дней, так мне сообщили, но на первый взгляд, как сказала сама Карелина, мотивов для беспокойства почти нет. Так что ты зря нервничал по этому поводу... Куда намерен направиться сейчас?

— В министерство. Если тебе оттуда позвонят и спро-

сят, кто такой майор Стеклов Александр Иванович, не удивляйся. Это — я. Буду пока работать под прикрытием, чтобы не возникало лишних вопросов о моей возможной родственной связи с погибшей Ларисой Мулько.

— Усек, — сказал Каримов. — Тарасов от тебя далеко?

Мулько усмехнулся.

— Очень. Я переломал ему ноги и на пару месяцев уложил на больничную койку.

И, не дожидаясь, пока его мобильный выдаст длинную очередь отборнейшей брани, Мулько, еще раз усмехнувшись, отключил телефон...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Хотелось бы узнать, кто ведет дело о вчерашнем взрыве на площади Тукая? — Мулько стоял у окошка бюро пропусков Министерства внутренних дел республики и протягивал дежурному офицеру удостоверение.

— Майор Федеральной службы безопасности Стеклов Александр Иванович, — монотонно прочел худоплечий майор с впалыми щеками на пожелтевшем лице. — Вы хотите узнать, кто ведет дело о взрыве на площади Тукая... Одну минуту, товарищ майор.

Офицер снял телефонную трубку, набрал местный трехзначный номер.

— Товарищ подполковник, к вам посетитель, сотрудник аналитического отдела ФСБ майор Стеклов... Слушаюсь. Проходите, товарищ майор, — дежурный поднял на Мулько усталые покрасневшие глаза. — Подполковник Шаехов, кабинет четыреста шестнадцать, четвертый этаж. Будете уходить, не забудьте отметить пропуск.

Уже удаляясь, Мулько услышал, как офицер с нескрываемым злорадством объявил своему напарнику:

— ФСБ к нашему карьерюге пожаловал. Вот он скоро запрыгает-то...

Мулько бодрым шагом направился к лифту, убирая в карман пропуск и «липовое» удостоверение.

Корочку эту он заказал незадолго до отбытия из Стамбула, словно чувствовал, что в скором времени она сможет ему пригодиться. Там, на стыке двух частей света, на тесной торговой улочке, примыкающей к площади Каракёй, держал магазинчик канцелярских принадлежностей

его старинный друг, которого Мулько спас когда-то от неминуемой смерти.

Клиент, недовольный качеством выполненного заказа, явился к Ходжи-Седдату — так звали приятеля Мулько — в сопровождении нескольких сподручных-голово-резов с вполне очевидной целью — возместить себе моральный и материальный ущерб. И он его непременно возместил бы, расправившись с хозяином лавки, но, на удачу последнего, в магазинчике в тот момент, находился Мулько.

После жестокой потасовки непрощенные гости с ушибами, переломами и одним выбитым глазом, вынуждены были убраться восвояси. А на следующий день в одной из сточных канав на окраине города полиция обнаружила труп зачинщика инцидента с пулей в затылке.

Следствие, длившееся достаточно долго, так и не смогло прийти ни к каким результатам, и, окрыленный такой развязкой, Ходжи-Седдат с ходу объявил себя пожизненным должником Эль-Сандры — так называл он майора — и добавил, что любой заказ будет выполнен для него совершенно бесплатно и в предельно сжатые сроки.

Заказы, о которых шла речь, к легальной деятельности Ходжи-Седдата отношение имели самое что ни на есть прозрачное, да и магазинчик, в сущности, являлся лишь прикрытием темным делишкам своего хозяина, который все основное время уделял изготовлению фальшивых документов. Распознать эти подделки невооруженным глазом было практически невозможно, поэтому Мулько нисколько не тревожился, когда ему время от времени приходилось козырять шедеврами Ходжи-Седдата...

Подполковник Шаехов был высоким, упитанным мужчиной, на вид сорока с небольшим. Он, в идеально отутюженном мундире, сидел за массивным столом в дальнем углу просторного кабинета и к приходу Мулько заканчивал говорить по телефону. Положив трубку, Шаехов с интересом принялся разглядывать вошедшего.

— Майор Стеклов, если не ошибаюсь? — подполковник сделал рукой приглашающий жест. — Ну-с, с чем пожаловали, товарищ майор?

Мулько присел на предложенный стул.

— Я по поводу вчерашнего взрыва в центре города... Однако перейду сразу к сути. Дело в том, что женщина и мальчик, находившиеся в тот момент в «Пежо», были семьей моего хорошего друга. Друг погиб много лет назад, но, будь он жив, сегодня сидел бы перед вами... Иными словами, теперь я считаю себя обязанным сделать за него эту работу.

— Извините, не понял. Какую работу?

— Найти убийц его семьи, — просто ответил Мулько. Шаехов мгновенно вскинул брови. На лице его, розовом и гладко выбритом, читалось ничем не прикрытое недовольство.

— Вот оно что! А на каком основании, позвольте любопытствовать? — Шаехов смотрел на майора раздраженно, глазами, полными праведного возмущения, к которому примешивалась толика разочарования, чему Мулько не мог пока дать объяснение.

Майор спокойно выдержал этот взгляд, легко потирая подбородок широкой ладонью.

— Я вам уже говорил: эти люди были семьей моего погибшего друга.

— Вам здорово повезло, товарищ Стеклов, — голос его звучал со скрипом. — Этим делом я не занимаюсь. Вчера вечером было принято решение о передаче его в ОНОН.

— В принципе, я полагал, что это и есть ОНОН, — Мулько обвел взглядом помещение. — У вас на двери нет таблички... Так в чем же, по-вашему, мое везение?

— Если бы от меня хоть что-то зависело, я отказал бы вам. А так, быть может, у вас имеется шанс склонить заместителя начальника ОНОНа на свою сторону. Подполковник Лосев Михаил Андреевич, его кабинет этажом выше. — И Шаехов протянул руку к телефонной трубке, давая понять, что разговор окончен.

Заместитель начальника интересующего Мулько отдела являл собой полную противоположность недавнему собеседнику майора. Это был низенького роста человек, совсем худой, в измятых брюках и не первой свежести светлой рубашке без галстука. Щеки его и острый подбородок были подернуты слоем щетины суточной давности.

Он пружинисто поднялся из-за стола навстречу Мулько, протянул ему вялую шершавую ладонь. Движения Лосева были излишне суетливы, всем своим обликом он словно хотел донести до посетителя, что ужасно занят и что ему прямо сейчас нужно куда-то бежать.

— Мне только что звонил Шаехов, предупредил о вашем визите, — сообщил он Мулько, обменявшись с ним рукопожатием. — Вы — майор Стеклов...

— Александр Иванович, — закончил за него Мулько.

Усаживаясь за стол, Лосев предложил майору сделать то же самое.

— Очень приятно, Александр Иванович. Я — Михаил Андреевич Лосев, заместитель начальника нашего наркологического диспансера. — Он выдержал паузу, наблюдая, произвела ли впечатление на собеседника его острота.

Мулько натянуто улыбнулся. Лосев продолжил:

— Шаехов мне так и не успел ничего объяснить. Что именно вас интересует в связи с нашим делом?

Мулько выдал свою легенду и закончил:

— Я понимаю, что ситуация несколько необычная. Взаимодействие наших ведомств проходит обычно лишь по рабочим каналам, но в данном случае я очень прошу вас сделать для меня исключение.

Лосев помолчал, обдумывая что-то, затем ответил:

— Хорошо, исключение для вас я сделаю. По трем причинам. Первая: вы имеете личную, кровную заинтересованность в раскрытии данного преступления, поэтому будете работать вдесятеро упорнее, чем некоторые из моих сотрудников. Вторая причина в том, что вы всю жизнь проработали в системе, структура которой напоминает структуру нашей, поэтому я уверен, что силы ваши будут положены на обнаружение истинного виновника. Повторяю, истинного. И последнее: вы, как друг этой семьи, можете очень много знать о жизни погибшей. Вот те три отправных пункта, с которых начинается ваша работа в группе. Работа, правда, неофициальная. Подключить вас легально я не имею права, тем более что через две недели возвращается наш начальник, и мне неизвестно, как он отнесется к этой моей самодеятельности.

— Спасибо, Михаил Андреевич.

— Пустое, — Лосев необычно странно усмехнулся. —

Скажите, если, конечно, нет никакой тайны, как вы поговорили с Шаеховым?

Мулько пожал плечами.

— Никак. Ваш коллега заявил, что если бы он руководил всей операцией, он бы мне отказал.

Лосев неприятно осклабился.

— Это в его стиле. У подполковника к вашему ведомству старые и никому не известные претензии. Одним словом, не любит Марсель Сабирзянович работников спецслужб.

— В своих чувствах он не одинок, — Мулько ободряюще улыбнулся. — На свете много людей, не питающих к нам особой нежности.

— Может, перейдем к делу, Александр Иванович? — предложил Лосев, когда они выкурили по сигарете. Курил он «Приму». — Ответьте пока на такой простой вопрос: когда в последний раз вы видели Ларису Мулько, о чем говорили с ней?

— Около недели назад. А говорили... Да, собственно, ни о чем серьезном, — Мулько наклонил голову набок. — О погоде, о детском непослушании. Пустой треп.

Лосев смотрел на Мулько пристально, с недоверием, почти с усмешкой, которая притаилась в маленьких умных глазах. Наконец он вздохнул и, достав из ящика стола увесистый конверт, положил его перед майором.

— Полубопытствуйте, — сказал он вкрадчивым голосом. — Смелее, Александр Иванович, не стесняйтесь.

Мулько отогнул клапан упаковки и вытащил оттуда два фотоальбома. Один из них, в переплете из пурпурного бархата, он узнал сразу: это было их с Ларисой собрание семейных фотографий за весь период совместной жизни, начиная днем свадьбы и заканчивая серединой февраля. Того самого февраля. Кроме альбомов, в конверте находился пластиковый файл с множеством всевозможных документов. Самым верхним оказалась выписка из акта регистрации смерти гражданина Мулько А.И., датированная числом двенадцатилетней давности...

Мулько был уверен, что его легенда о погибшем друге майора Стеклова не сможет долго вводить в заблуждение работников милиции и что, как только будет произведен осмотр квартиры Ларисы, правда выплывет нару-

жу. Однако Мулько не предполагал, что это произойдет так скоро. Он еще раз посмотрел на альбомы, перевел взгляд на файл с документами и серьезно о чем-то задумался.

— Может быть, объясните мне, что все это значит? — прервал Лосев ход его мыслей. — Из этого документа следует, что Лариса Мулько — вдова на протяжении вот уже двенадцати с половиной лет. А супруг ее, как это ни странно, живехонек и сидит передо мной. А, Александр Иванович?

Мулько взглянул на Лосева. Перемена в собеседнике, майор вынужден был признаться себе, немало его удивила. От нервозности, суетливости и неуверенности не осталось и следа. Перед Мулько сидел знающий себе цену человек, привыкший управлять жесткой волевой рукой.

Майор открыл свой альбом, спокойно посмотрел на свадебное фото двух молодых людей, перевел взгляд на Лосева.

— Что все это значит, я не скажу. Произошедшее двенадцать лет назад является частью государственной тайны, и раскрывать ее, как сами понимаете, я не имею права. — Он умолк на несколько секунд. — Вы все еще готовы сделать для меня исключение?

После некоторых раздумий Лосев ответил. Ответил медленно, с расстановкой, чеканя каждое слово:

— А знаете что? Да, готов...

— Что ж, в таком случае у меня к вам сразу вопрос. Кроме этого пакета, осмотр квартиры дал еще что-нибудь?

Лосев снова открыл ящик стола и извлек оттуда общую тетрадь в черном дерматиновом переплете, которую положил перед майором.

— Это ее дневник, — пояснил он. — В конверт не поместился...

— Могу я пробежаться по нему прямо сейчас? Время для этого у вас найдется?

— Время есть, читайте на здоровье. Правда, последняя запись там сделана аж два года назад.

Мулько кивнул в знак благодарности и раскрыл тетрадь на первой попавшейся странице.

«Зябко... — прочел он. — Батареи не включены, а на улице уже октябрь. Сережка засыпает под двумя одеяла-

ми, и только потом, когда он окончательно согреется и уснет, приходится убирать одно — ватное, оставляя ему шерстяное. Иначе он может вспотеть, раскутаться во сне и простудиться.

Зябко и тяжело. Никак не могу привыкнуть к одиночеству, к мысли, что Саня уже никогда не позвонит в дверь и не скажет весело и беззаботно: «Привет, любимая!» А ведь прошло столько лет: Сережку на будущий год отправляю в школу.

...Вчера приходила Лиля, пыталась сосватать мне какого-то богатого мужика — очевидно, одного из своих клиентов. Уверяла, что с ним я перестану в чем-либо нуждаться, сына смогу отдать в хорошую школу, не буду работать, начну вести приятный образ жизни... Не хочу! Не желаю видеть подле себя никаких мужчин. Один у меня уже есть, тот, который спит сейчас под шерстяным одеялом, а фотография второго стоит на полочке серванта. Я не могу и не имею даже крохотного желания осквернять память о нем, я до сих пор его люблю. Так же, как любила раньше...

Вот и еще один день растаял, растворился в промозглой осенней ночи и умер... только для того, чтобы воскреснуть завтра, с наступлением такого же холодного утра. А утром снова работа, проблемы, снова жизнь. Муторная, пресыщенная одиночеством и постылая (если бы не Сережка!...), как сегодня, как вчера, как всегда...»

Мулько пролистал дневник дальше. Бросилось ему в глаза то, что записи в нем велись нерегулярно: Лариса, порой, не открывала тетрадь по несколько месяцев. Страницы были заполнены убогим почерком, ни на одной из них Мулько не увидел каких бы то ни было пометок и исправлений.

«Почти полгода не садилась за дневник. Сережка уже две недели ходит в школу, в первый класс. Ему нравится учиться, нравятся друзья, он в восторге от Вадима Семеновича, своего учителя. Впрочем, по отзывам остальных родителей, в восторге от Вадима Семеновича все ребята, без исключения. Мягкий, открытый человек, в котором классически сочетаются физическая сила и душевная доброта. Да что уж там греха таить, он и мне пришелся по душе, и не только как классный руководитель моего сына.

С тех пор как я его увидела в первый раз, меня постоянно преследуют новые, необычные ощущения. Не скрою, ощущения приятно волнующие, радостно тревожные. А может, они кажутся мне новыми и необычными просто потому, что были забыты когда-то? Не могу сказать, не знаю. Не помню...

Еще какой-то год назад мне нравилось быть ни с кем и заботиться только о Сережке. Но вчера, впервые за много лет, я поймала себя на мысли (хотя, наверное, было это мимолетным сумасшествием), что начинаю уставать от затворничества. В мозгу короткой вспышкой мелькнуло желание выскочить из вязкого транса — моего любимого состояния. Всего одно мгновение, а после снова все как обычно и ни следа усталости от холодного одиночества.

Лиля прожужжала все уши, что я рискую состариться раньше времени, но если бы она знала, как нелегко мне принять решение, перестроиться, возродить давно забытое... Трудно».

Мулько бегло просмотрел дневник до конца и остановился на самой последней записи.

«Сегодня Вадик сделал мне предложение. Удивительно! Встречаемся Бог знает сколько, а заговорить о нашем общем будущем соизволил только сейчас. Подозреваю, конечно, — неспроста. Я всегда догадывалась, что его тяготило мое материальное благополучие, наличие автомобиля, хорошая квартира. Почти уверена, именно поэтому он столько лет молчал со мной о главном. Но теперь руки у него развязаны. Мой Камалеев в бегах, фирма развалилась, машину, похоже, придется скоро продать, чтобы было на что жить, пока найду работу.

Вадим счастлив. Я тоже. Плевать на недостаток, и пусть это прозвучит до жути пошло — с Вадиком мне рай и в шалаше. В этом шалаше мы будем вместе жить, растить детей, вместе состаримся. Я могу устроиться в любую захудалую конторишку обычным бухгалтером, чтобы Вадик не испытывал дискомфорта. И ни за что на свете не позволю ему сменить работу, пожертвовать школой ради меня. Пусть учит, пусть воспитывает, ведь без своих первоклашек он не мыслит себе жизни. А я не мыслю жизни без него.

Завтра я отвечу Вадиму, что согласна...»

Мулько медленно закрыл тетрадь, положил ее на стол, тяжелым взглядом посмотрел на Лосева.

— Больше ничего? — спросил он.

Лосев кивком головы указал на второй альбом.

— Здесь ваша жена с двумя мужчинами, нам пока неизвестными. Вчера я распорядился сканировать снимки и загрузить их в компьютер. Возможно, что-то машина да выдаст. Взглянуть не хотите?

Мулько с интересом принялся за просмотр фотографий. Почти на всех страницах альбома Лариса находилась в обществе мужчины, который всей наружностью своей нисколько не походил на школьного учителя, хотя им, майор склонялся именно к этой мысли, скорее всего, и являлся: несколько раз камера запечатлела Ларису и ее спутника на фоне школьного двора. И еще Мулько без труда разглядел на их лицах выражение того простого человеческого счастья, какое бывает присуще настоящему влюбленным людям.

На трех же последних страницах Мулько увидел свою жену с совершенно другим человеком. Своей внешностью тот здорово напоминал субъекта, находящегося в больших неладах с Уголовным кодексом. На всех снимках они были изображены в разных позах и ракурсах: где-то они обнимались, где-то держались за руки, где-то просто стояли рядом. Но ни на одном снимке майор не смог разглядеть выражения той радостной беспечности, которой буквально лучились предыдущие фотографии.

Внизу последнего снимка, выбитая золотым тиснением, горела надпись: «Слава и Лариса. Навсегда». А еще ниже стояла дата — приблизительно то самое время, когда Лариса нашла новую работу и порвала отношения со своим учителем. Все фотографии на этих страницах были черно-белыми, все были приклеены к плотному картону. На полях некоторых из них отчетливо проступала тонкая блестящая корочка обычного канцелярского клея.

— Кажется, я догадываюсь, что это за люди, — произнес Мулько, возвращая альбом Лосеву.

— Я отчасти тоже, но проверить все-таки не помешает. Однако первый — это, скорее всего, Вадим Храмов...

Мулько кивнул в знак согласия.

— А вот что касается второго, — тут Лосев закусил губу и умолк, о чем-то задумавшись.

— Я нисколько не удивлюсь, если он окажется неким Вячеславом Рожиным, — заявил Мулько.

Лосев вопросительно вскинул брови, но зазвонивший телефон заставил его ненадолго отвлечься от разговора. Он внимательно выслушал все, что ему сообщалось, поблагодарил докладчика и, отсоединившись от линии, с интересом посмотрел на майора и воскликнул:

— Поразительно, Александр Иванович!

— Элементарная подслеповатая догадка, — спокойно объяснил Мулько. — Сегодня я уже слышал это имя и назвал его наобум, почти ничего не предполагая, не сопоставляя ни единого факта. Все произошло в считанные доли секунды...

Лосев провел рукой по волосам.

— Ловко. На снимках действительно Рожин. Ну что ж, придется и его брать в оборот.

— Михаил Андреевич, — Мулько выдержал паузу, — мне хотелось бы побывать в квартире. Возражать не будете?

— Отнюдь. Конечно, ваше желание вызвано не оперативными соображениями, так как там не осталось ничего заслуживающего внимания, однако я могу понять ваши чувства. Вот адрес, — Лосев набросал на листке несколько слов и вместе с ключами положил его перед майором. — Дверь не опечатана, но ключи попрошу вернуть...

Лариса в последнее время проживала на третьем этаже, недавно выстроенного элитного дома. Все помещения ее совсем не маленькой трехкомнатной квартиры, включая кухню, прихожую и ванную, находились в идеальном порядке, из чего Мулько попробовал предположить, что осмотр, проводимый сотрудниками милиции, возможно, не был столь уж тщательным.

Пройдясь по квартире, майор вернулся в гостиную, остановился посреди комнаты и огляделся вокруг. Из всех предметов обстановки более остальных бросался в глаза огромный стеллаж у стены, сплошь заставленный книгами. Мулько подошел ближе, присмотрелся и об-

наружил, что все находящиеся перед ним произведения исполнены в жанре детектива. На книжных полках покоились романы Юлиана Семенова и Агаты Кристи, Джона Ле Карре и Росса Макдональда, Жоржа Сименона и Реймонда Чандлера. Словом, собрания сочинений классиков, получивших мировую известность; книги серьезных людей, писавших серьезно о серьезных вещах...

В спальне, просторной и светлой, взгляду майора предстали аккуратно заправленная кровать, орехового дерева комод, такой же платяной шкаф и письменный стол у окна. Над столом возвышался монитор компьютера; корпус, в котором совсем недавно помещалась электронная начинка, с отвинченной боковой крышкой стоял рядом. Мулько заглянул внутрь металлической коробки.

«Изучают содержимое жестких дисков», — утверждая еще произнес он про себя.

Мулько тщательно обследовал ящики стола, проверил карманы и подкладки всех предметов гардероба, висевших в шкафу, заглянул под каждую простыню, наволочку, под каждое одеяло в комод. Он не знал, что ищет, и ничего не нашел, кроме своего собственного фото в траурной рамке, лежащего на дне самого нижнего из ящиков.

С тем же обескураживающим результатом он покинул детскую, гостиную и ванную комнаты. Осмотр кухни также ничего не дал.

Мулько собирался уходить, когда его внимание привлек холодильник. Он вдруг вспомнил, как у Ларисы все время проваливались за холодильник кошельки да записные книжки, поэтому взялся за углы и, развернув агрегат вполоборота, заглянул за заднюю его стенку.

У плинтуса, покрытая толстым слоем пыли, лежала записная книжка в светлом глянцевом переплете. Мулько поднял блокнот, потряхнул и тут же, на кухне, принялся за детальное изучение записей.

Половина листов оказалась чистой, половина — заполненной знакомым убористым почерком. Немного адресов — в основном, телефоны, и все ясноволжские. За исключением одного — телефона московского «Центра косметологии и пластической хирургии».

Майор пролистал книжку до конца. На ее страницах

находились почти все интересующие его фамилии. Некоторые из них были, правда, заменены инициалами, но Мулько без труда догадался, что, к примеру, означает аббревиатура «Ю.М.Т.»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Выйдя на улицу, он без всякой злости выругался и усмехнулся: знакомая «Волга» стояла прямо напротив. За рулем, как обычно, сидел Тарасов с выражением плохо скрываемой обиды на лице. Майор сел в машину.

— Ты чего такой надутый, тезка? — поинтересовался он, заранее зная, каким будет ответ. — От Каримова разнос получил?

— Получил, — угрюмо отозвался Тарасов. — Зачем вы так, Александр Иванович?

Откашлявшись и сплюнув в окошко, Мулько закурил.

— Вот что, Саня, тебе это еще не известно, поэтому сообщаю: работаю я почти всегда один, без помощников и подстраховки. Привык я так, ясно? Постоянное присутствие кого бы то ни было — в конкретном случае это твое присутствие — отвлекает от нужных мыслей, не дает сосредоточиться...

— Так позвоните полковнику, пусть он меня отзовет, — раздраженно перебил Тарасов.

— В рабочем порядке отозвать он тебя не сможет, потому что выполняет приказ...

— Я тоже выполняю приказ.

Мулько поморщился.

— Послушай, лейтенант! Что за дурацкая манера перебивать старших... Повторяю: в рабочем порядке отозвать он тебя не имеет права, но закрыть глаза на твое неповиновение сможет запросто, если я его об этом попрошу.

— А что вы ему скажете? — удивился Тарасов.

— Вообще-то тебя это не касается, но так уж и быть: я ему доложу, что срочно понадобился посыльный, поэтому я тебя и отправил с поручением.

Глаза парня вспыхнули жадным огнем. Он с нетерпением спросил:

— С каким поручением, товарищ майор?

— Помнишь, откуда мы взяли вчера Тропинина? Так вот, садись сейчас ему на хвост и паси до самого вечера. Мне нужно знать все адреса, по которым он побывает

сегодня. Абсолютно все. Если Юрий Михайлович спустится в общественный туалет, я должен знать, где этот туалет находится, если он подойдет к киоску, чтобы купить сигарет, я должен знать, что это за киоск. Задание ясно?

— Ясно. Только сигареты ему, наверное, телохранители покупают, — неуверенно предположил Тарасов.

— Это я образно выразился. Образно, понимаешь? Он, к твоему сведению, вообще не курит... И, кстати, об охране: ты вчера видел кого-нибудь из них?

— Нет.

— И я не видел. А почему мы их не видели? — Мулько сделал ударение на слове «почему».

В ответ Тарасов лишь растерянно пожал плечами.

— Ну, хорошо, с этим разберемся позже, — Мулько взялся за ручку дверцы. — А пока я тебя больше не задерживаю... Хотя погоди. Потрудись-ка объяснить, каким образом ты просчитал меня в этот раз?

— Каримов сказал, чтобы я разыскал в МВД того, кто ведет дело о взрыве, и, если вас там не окажется, поинтересовался, куда, дескать, направился майор Мулько.

— Он что, был сильно занят и разговаривал с тобой на бегу?

— Но каким образом?! — изумился Тарасов.

— Скажем, сорока на хвосте принесла. Больше ничего?

— Просил передать, чтобы вы были осторожнее.

— Буду, Саня, буду. Ну, трогай. — И майор вышел на тротуар.

Глядя вслед отъезжающей «Волге», он пробормотал себе под нос:

— Эх, Саша, Саша. Чем же занимаешься ты в Конторе нашей?..

Достав телефон, он позвонил Каримову. По поводу задания, порученного Тарасову, друзья препирались минут пять. Говорили резко, на повышенных тонах, но по истечении этого времени полковник наконец сдался.

— Только, Саня, я тебя умоляю...

— Не нужно меня умолять, Альберт, — успокоил его Мулько. — Не маленький, все понимаю. Обещаю быть предельно осторожным и, как только запахнет жареным, немедленно призвать на помощь Тарасова.

В читальном зале республиканской библиотеки той жары, что бесновалась за окнами, не чувствовалось. Посетителей почти не было. Всего несколько человек сидели за столами, углубившись в чтение, и две девушки-служанки находились на своем рабочем месте — за высокой деревянной конторкой.

Мулько уже больше часа просматривал за компьютером городскую прессу двухлетней давности, где публиковались сообщения о несчастных случаях и криминальные сводки.

Мулько не давала покоя мысль о том, как резко изменились поведение и образ жизни его жены два года назад. Трудоустройство в фирму Тропинина, а затем молниеносный разрыв с Храмовым. По мнению майора, Лариса слишком легко заняла вакансию главного бухгалтера. Поэтому Мулько предположил, что в это время имело место какое-то событие, которое смогло бы объяснить ему перемены, произошедшие в жизни Ларисы.

По правде говоря, Мулько пришел в библиотеку, не теша себя никакими иллюзиями, почти без надежды на успех, и руководила его действиями в тот момент исключительно выработанная годами интуиция...

Первая заметка попала на глаза лишь через полтора часа. То было сообщение о пропавшем без вести некоем Камалееве Фариде Ильдусовиче, директоре научно-производственной фирмы «Сталкер», который, как говорилось в заметке, «...около двенадцати часов дня покинул свой офис, и до сих пор его местонахождение неизвестно». Жена видела его в последний раз утром того же дня, подчиненные — в момент, когда он садился в машину.

Мулько продолжил изучение столбцов криминальной хроники и, проштудировав два номера газеты, на последней странице третьего прочел:

«ЖЕРНОВА ФЕМИДЫ

Управлением по борьбе с преступлениями в сфере экономики Яснoво́лжска возбуждено уголовное дело в отношении руководителя фирмы «Сталкер» Фариды Камалеева. Вышеозначенный руководитель далеко не безызвестного в нашем городе предприятия семь дней назад подчистил собственный валютный счет, откуда, по

нашим данным, выудил более ста тысяч долларов наличными, с коими и был таков.

Примечательно, что еще совсем недавно все считали господина Камалеева пропавшим без вести, о чем, кстати, мы сообщали ранее. Однако долго водить за нос работников правоохранительных органов Фариду Ильдусовичу, увы, не удалось. Все выяснилось довольно скоро, в тот момент, когда ни о чем не подозревавшая главный бухгалтер фирмы отправила в банк платежное поручение на энную сумму. И завертелись жернова Фемиды...

В настоящее время господин Камалеев объявлен во всероссийский розыск, ведется следствие.

Васисуалий Енукеев».

Закончив чтение, Мулько, улыбнулся чему-то и принялся «листать» дальше. Он наткнулся еще на несколько статей Енукеева, посвященных директору «Сталкера», но на пятой или шестой заметке интерес майора к творчеству Васисуалия пропал без следа: половину газетной полосы данного номера занимал репортаж с места убийства капитана милиции Сергея Гагарова.

Из всего прочитанного Мулько выяснил, что труп капитана был обнаружен рано утром местным дворником. Тело лежало в кустах акации лицом вниз. Из-под левой лопатки торчала деревянная рукоятка мясницкого ножа. Оперативно-следственная группа, работавшая над этим убийством, к моменту выхода репортажа в свет ни к каким однозначным выводам прийти не смогла, следствие только начиналось. Однако среди всех первоначальных версий более остальных право на существование заслуживала версия убийства с целью завладения табельным оружием. Наплечная кобура капитана при осмотре трупа оказалась пустой, в ней не было даже запасной обоймы.

Мулько в сильном раздумье стал растирать мочку уха. Затем, вернувшись к самой первой заметке о Камалееве, сравнил даты. С момента исчезновения предпринимателя и до убийства капитана прошло всего тринадцать дней. Машинально прищурившись, Мулько что-то промурлыкал себе под нос и возобновил просмотр материалов, касающихся убийства милиционера. В очередном номере газеты Мулько прочел:

«...невзирая ни на какие трудности, не оглядываясь на ненормированный рабочий день, наплевав на то, что по-

лучают мизерную зарплату, эти ребята, тем не менее, часто рискуя жизнью, постоянно находятся на переднем крае обороны российской законности, на страже спокойствия законопослушных граждан нашей страны. И я принародно даю слово, я клянусь вам, что рано или поздно убийцы Сережи Гагарова будут найдены. А получат эти шакалы, эти нелюди то, что им полагается по законам нашего с вами государства, — закончил свое выступление Марсель Сабирзянович Шаехов, руководитель отдела уголовного розыска УВД Ясновожска, непосредственный начальник убитого несколько дней назад оперуполномоченного.

...А следствие по факту этого убийства только-только начинается. Оно еще не сдвинулось с мертвой точки, но кто знает, куда приведут сыщиков те нити, концы которых, возможно, уже находятся в их руках? Мы же со своей стороны будем стремиться оказывать всяческую помощь следствию и, разумеется, постоянно держать наших читателей в курсе самых последних новостей, связанных с розыском лиц, виновных в гибели капитана Гагарова. Маргарита Суворова».

Дело начинало принимать интересный оборот. Мулько выключил компьютер и, спешно поднявшись из-за стола, направился к выходу...

Прочитанное почти не нарушало планов Мулько. Он, так или иначе, собирался в министерство, чтобы вернуть Лосеву ключи от квартиры Ларисы. А те двадцать-тридцать минут, какие он теперь планировал потратить на разговор с Шаеховым, погоды для него не делали.

Но прежде чем направиться в МВД, Мулько прошагал по Кремлевской улице два квартала в направлении Кремля и вошел в дубовые застекленные двери Ясновожского Главпочтамта. Оказавшись в переговорной кабине междугородного узла связи, Мулько набрал телефонный номер, который мечтал набрать вот уже четыре с лишним года. Ответа ждать пришлось совсем недолго. Когда на том конце линии сняли трубку и поинтересовались целью звонка, Мулько ответил:

— Хотелось бы услышать подполковника Велехова.

В наушнике возникла секундная пауза, потом говоривший попытался уточнить:

— Извините, вы, имели в виду генерала Велехова?

Привыкший почти ничему не удивляться, Мулько едва не присвистнул:

— Мне нужен Алексей Николаевич Велехов. Четыре года назад он носил погоны подполковника.

— Так точно. Но в настоящий момент генерал ответить не может, идет совещание. Назовите себя и перезвоните через два с половиной часа.

— Простите, а с кем говорю я? — Мулько придал своему голосу командные нотки.

— С адъютантом по особым поручениям майором Шмыгловым.

— Послушайте, адъютант, — продолжал нажимать Мулько, — мне важно, чтобы вы немедленно связались с генералом и сообщили ему, что «Тритон» вызывает «Анаконду». Повторять ничего не нужно?

— Похоже, вы не до конца рисуете себе ситуацию...

— Довожу до вашего сведения, — перебил Мулько, — что каждая минута моего ожидания будет стоить вам массы неприятностей по службе. Итак, майор, ваше решение?..

Мулько услышал, как Шмыглов положил на стол телефонную трубку и соединился с Велеховым по внутреннему аппарату.

— Товарищ генерал, только что получено странное сообщение: «Тритон» вызывает «Анаконду»... По городскому... Трубка лежит у меня на столе... Хорошо, товарищ генерал...

Вскоре до Мулько донесся звук быстрых шагов, и знакомый бас пророкотал:

— Оставь нас, — генерал, по всей видимости, обратился к адъютанту. А после преисполненным скептицизма тоном ответил: — «Анаконда» на связи, «Тритон».

Мулько выдержал обычную в таких случаях паузу и приветствовал боевого товарища:

— Ну, здравствуй, Алеша...

Телефонная трубка в руке Мулько налилась молчанием, майор отчетливо представил себе выражение лица генерала в тот момент.

— Оглох, Алексей? — улыбнулся Мулько. — Здравствуй, говорю!

— Сашка! — выдохнул вполголоса Велехов. — Живой!..

...Они были знакомы около ста часов. Какие-то не- сколько дней, но за этот крохотный отрезок времени успела зародиться и окрепнуть настоящая мужская дружба. Дружба, скрепленная кровью, та дружба, которую невозможно ни забыть, ни предать. И сегодня, сидя в тесной кабинке междугородного переговорного пункта, Мулько в трепетных мыслях уносился в окрестности Мадрида и, подобно записному мазохисту, почти с наслаждением вспоминал тот миг, когда пули, предназначавшиеся Велехову, прошли его, Мулько, грудь.

— Живой, Алеша, — подтвердил Мулько в трубку. — Хотя, если честно признаться, мне и самому первое время с трудом в это верилось.

— Где ты сейчас? В Москве?

— Нет, Леша, у себя, в Ясноволжске. Вчера прилетел.

— Значит, дембель, капитан?

— Не совсем. Нужно еще кое-куда ненадолго отбыть. Если все пройдет гладко, тогда и наступит дембель.

После нескольких секунд молчания Велехов сказал:

— Нам нужно увидеться, Саша. Просто необходимо... Когда будешь в Москве?

— Последнюю командировку планирую завершить приблизительно через месяц. Стало быть, через пять недель жди.

— Буду. Буду, и с нетерпением... А теперь выкладывай причину звонка. Вряд ли ты звонишь только для того, чтобы передать мне привет из преисподней.

— Угадал, генерал, — рассмеялся Мулько. — Дело вот в чем. В Москве есть некий «Центр косметологии и пластической хирургии». Мне нужна кое-какая информация, связанная с этим учреждением. А именно: находилась ли в числе их пациентов Лариса Аркадьевна Мулько, и если да, то с какими жалобами она туда обращалась.

Велехов хмыкнул совсем невесело:

— Ох, Саша, если бы ты знал, сколько сейчас в Москве этих центров! Тогда, в Испании, мы с тобой гильз меньше оставили.

— Я дам тебе телефон, — успокоил друга Мулько.

— А вот это, капитан, уже совсем другой коленкор, — бас генерала наполнился бодростью. — Лариса Аркадьевна Мулько... Родственница?

— Она была моей вдовой, Леша.

— Была?.. Прости, Сашка. Прости, капитан...

Мулько слабо улынулся.

— За наши с тобой приключения мне присвоили майора. Поэтому, товарищ генерал, будьте так любезны...

Велехов, рассмеявшись, поздравил Мулько. Затем попросил:

— Диктуй номер и укажи время, в течение которого она у них находилась.

— Относительно времени мне ничего не известно. Отмотай максимум два года, оттуда и начинай. Только, Леша, я хочу, чтобы ты сделал это лично, не перепоручая никому. Все очень серьезно, намного серьезнее, чем ты можешь себе представить.

— Лично так лично. Для тебя, Сашка, все, что угодно. Как мне с тобой связаться?

— Пока никак, я сам с тобой свяжусь. У меня есть мобильный, но нет желания, чтобы ты на него звонил. Пойми правильно, я не знаю всей вашей московской кухни, мне неизвестно, прослушивается ли твоя линия. А дело, которым я сейчас занимаюсь, невесть чем закончится, и я не хочу, чтобы тебя в какой-то момент смогли увязать с моей персоной. Поэтому твои вечные семь семерок в настоящее время будут надежнее.

Генерал шумно вздохнул:

— Знаешь, что я тебе скажу, майор? Стареешь ты, вот что... Давай телефон «Центра».

Мулько продиктовал Велехову семь цифр, и друзья попрощались.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Вы были правы, ничего заслуживающего внимания я не обнаружил. — Мулько, только что прикуривший сигарету, опустил зажигалку в карман рубашки. Он сидел напротив Лосева, ключи от квартиры лежали на столе между ними.

Как бы в подтверждение, Лосев кивнул:

— Мы с ребятами заглянули там в каждый угол, но увы...

— Однако в квартире идеальный порядок.

— Во-первых, здесь не жандармы работают, — возму-

тился подполковник. — А во-вторых, мы даже не обыск проводили, а всего лишь осмотр.

Мулько поспешил сменить тему:

— Проверка жестких дисков дала что-нибудь?

— Еще нет. Я звонил в лабораторию несколько минут назад, мне пообещали, что все будет готово после обеда... Александр Иванович, вы сейчас побывали в доме, где последнее время жила ваша жена. По-вашему, каким она была человеком? Естественно, я имею в виду Ларису Мулько сегодняшнюю, а не ту какую вы знали двенадцать лет назад.

Мулько немного помедлил, затем ответил:

— Я не смог сделать никаких заключений. Единственное, что мне бросилось в глаза: Лариса осталась такой же аккуратной, какой и была. В квартире каждая вещь знает свое место, на полировке — ни пылинки, даже записи ее не содержат ни одного исправления. Это значит, что сначала она записывала свои мысли в черновик и только потом фиксировала их набело.

— А ранее, еще тогда, при вас, она вела дневники?

— Если и вела, мне об этом ничего не известно. Но вот детективные романы ее не интересовали абсолютно, уж можете мне поверить. Ума не приложу, откуда появилась такая страсть к загадкам?

— Еще что-нибудь сказать можете?

— Могу, — ответил Мулько. — Здорово изменился ее характер по сравнению с тем, каким он был когда-то. Последние два года ее плохо понимала даже близкая подруга, а это, согласитесь, о многом говорит.

Лосев, глядя на майора, тоже закурил.

— Последние два года... — повторил он вслед за Мулько. — Интересные вещи происходили два года назад. Смотрите: Лариса Аркадьевна без видимых причин расстается со своим женихом, почти сразу после этого у нее завязывается роман с одним из криминальных авторитетов Ясноволжска, и почти в это же время она устраивается в корпорацию Тропинина...

— Вы забыли еще кое-что. Перво-наперво исчез Камалеев, ее шеф, и она осталась без работы.

— При чем здесь Камалеев? — удивился Лосев.

— Пока не знаю. Но очень уж вовремя он бросил Ларису на произвол судьбы.

— Ваша версия притянута за уши, Александр Иванович, — подполковник улыбнулся. — Исчезновение хозяйина «Сталкера» никак не связано с происходившим далее. В те дни я по делам служебным частенько встречался со знакомыми ребятами из УБЭПа, и в частных беседах фамилия бизнесмена всплывала несколько раз. Из их рассказов следует, что господин Камалеев исключительно круто смылся с пакетом зелени, только и всего. Здесь имеет место простое совпадение двух совершенно разрозненных, взаимно безотносительных фактов.

— Ну, хорошо. Пусть моя версия — ее и версией-то назвать трудно — притянута за уши. Мне хотелось бы услышать вашу, Михаил Андреевич.

— Я начал было ее излагать, но меня, увы, перебили... Так вот: Лариса Аркадьевна расстается со своим женихом, потом — роман с Рожиным, а после — трудоустройство в фирму Тропинина. Причем Рожин и Тропинин находятся далеко не в приятельских отношениях.

— Если все обстоит именно так, а именно так все и обстоит, то вывод напрашивается сам собой: Лариса являлась агентом Рожина в лагере противника...

— Вот вам и возможный мотив убийства. Представьте, что Тропинин каким-то образом узнал, кем в действительности является его первый заместитель по финансовой части.

— Не просто заместитель, — медленно проговорил Мулько. — Лариса и Тропинин были любовниками, как минимум, в течение полутора лет.

Лосев при этих словах едва не поперхнулся сигаретным дымом.

— Это что, шутка?

— Нет, к сожалению. Информация попала ко мне сегодня ночью, из надежных рук.

— Так, так, так, — пробормотал подполковник. — Прозвучавшая версия упрочивает свои позиции.

— Убийство из мести?

— А вам так не кажется?

Мулько пожал плечами.

— Но в этом случае Тропинин должен был оказаться в курсе происходящего.

— Выходит, кто-то его поставил в известность... — произнес Лосев задумчиво. — Но вот кто? Кому это вы-

годно? Сам Рожин исключается категорически. А что, если...

— Вы меня извините, Михаил Андреевич, — перебил Мулько. — Мне кажется, вы заикнулись на одном-единственном допущении. Неужели никаких больше нет?

— Одно допущение, говорите... Но какое вкусное, а? — Лосев с удовольствием покачал головой. — А что касается других версий, тут можно предположить, будто бы Лариса Аркадьевна по каким-то причинам стала работать на две противные стороны, и Рожин, почувствовав двойную игру либо узнав о ней, убрал Ларису Аркадьевну.

Мулько невыразительно усмехнулся:

— Значит, по-вашему, либо Рожин, либо Тропинин, и третьего не дано?

— Мне непонятен ваш сарказм. — Лосев, казалось, немного обиделся. — Мы с вами отлично знаем, что очевидное не всегда есть вероятное, но на данном этапе я просто не владею информацией в достаточной степени. Так же, кстати, как не владеете ею и вы.

— Интересно, почему не рассматривается кандидатура Храмова? Предположим, убийство совершено действительно из чувства мести, но стоит за ним не Тропинин, а бывший жених Ларисы. Как вам такая мысль?

Лосев скептически поморщился.

— Учитель? Бомба? Вы преждевременно выбрасываете белый флаг, Александр Иванович.

— К слову, о бомбе. Храмов таким образом убивает двух зайцев: наказывает бывшую невесту и доставляет массу неприятностей своему обидчику. А?..

— И это спустя два года? Не тянет, никак не тянет. С Храмовым, конечно, у меня будет разговор, и сегодня же, но... Вы только представьте себе, Александр Иванович, что я с этой идеей явился к своему начальству. Вот видите, улыбаетесь...

Мулько убрал заигравшую на губах улыбку.

— Позвольте мне самому переговорить с учителем. Думаю, со мной он будет более откровенен. Если Лариса и рассказывала ему обо мне, то, хочется надеяться, только хорошее. А с хорошим человеком, да еще с тем, с кем имеются... или имелись общие знакомые, ведешь се-

бя свободно и не слишком стараешься следить за языком.

— Что ж, в добрый час. Но к восемнадцати ноль-ноль прощу сюда. Сегодня двоих своих людей я отправил к Родину, двоих — в офис Тропинина, пообщаться с персоналом, и вечером хотелось бы посидеть, обмозговать положение, расставить, правда, пока карандашом, точки над кое-какими i.

Мулько отрицательно покачал головой.

— Без меня. Я не могу афишировать свое участие в расследовании. Давайте условимся, что видеться я буду только с вами, только вам докладывать о том, как продвигается моя работа и только от вас получать информацию. Идет? — Мулько поднялся из-за стола.

Лосев размышлял всего несколько секунд, по проществу которых утвердительно кивнул...

— Еще раз здравия желаю, товарищ подполковник, — отчеканил Мулько, входя в кабинет к Шаехову. — Несколько вопросов задать позволите?

Шаехов с недовольным видом оторвался от бумаг и с неприязнью посмотрел на вошедшего.

— Что на этот раз, товарищ Стеклов? На все вопросы, связанные с гибелью вдовы вашего друга, в состоянии ответить только подполковник Лосев. Постарайтесь вспомнить, я вам сегодня уже докладывал.

Мулько нисколько не смутила откровенная издевка, прозвучавшая в последних словах Шаехова. Он спокойно подошел к столу, не испрашивая разрешения, расположился на стуле с другой стороны.

— Не о вдове моего друга пойдет речь, Марсель Сабирзянович. Разговор мы посвятим убийству капитана Гагарова. Не забыли еще такого?

Шаехов смотрел на Мулько недобро, подозрительно прищурившись. Через несколько секунд молчания он покровительственно, с видом повелителя произнес:

— Ваш тон, майор, я прощаю вам из следующих соображений: вы меня заинтриговали. Да, я прекрасно помню Гагарова, и сейчас мне стало любопытно, каким образом вы смогли связать его убийство с вчерашним взрывом.

— Данная информация пока закрыта, — сообщил

Мулько. — А мне, в свою очередь, любопытно, чем занимался перед смертью Гагаров.

Мулько видел, что у Шаехова нет желания отвечать. Нет желания ворошить дела давно минувшие, тем более с человеком незнакомым, с человеком, к которому (это без труда читалось на лице подполковника) он не испытывает какой бы то ни было симпатии. Но профессиональная привычка добывать информацию, не гнушаясь ничем, вьедливость, возведенная в степень, взяли, очевидно, верх над личными амбициями, и Шаехов ответил:

— Какой-то мелочью. Сейчас, подождите, дайте вспомнить... Ну, точно, мелочью. Попытка хищения цветного металла с одного из заводов.

— Мелочь — это сколько?

— Сущие пустяки: десять или пятнадцать килограммов меди. Дело фактически ерундовое. Несунов взяли с поличным, они тут же признались, оформили явки с повинной и были отпущены под подписку о невыезде. Максимум, что грозило мужикам, — несколько лет условно, но отделались они штрафом в пару тысяч... Нет, майор, не отсюда заходить нужно.

— Странно, что такими вещами занимается городское управление внутренних дел, а не районные отделы.

— Предприятие оборонное, — пояснил Шаехов.

— Он был у вас на хорошем счету?

— Кто, Гагаров? Отнюдь. И не только у меня. Его недолюбливали все сотрудники ОУРа, без исключения. Человек необщительный, скрытный, жадный и, что самое опасное, — азартный. Очень любил играть и, как правило, всегда проигрывал. Перед самой его гибелью пробежал шепоток, будто бы он проиграл огромную сумму, влез в долги. Дальше слухов, правда, дело не пошло... Что же касается профессиональных качеств, таковых практически вообще не было. Поэтому и поручались ему дела наподобие последнего. За несколько дней до убийства я вплотную задумался над тем, что пора переводить его с понижением в любое местное отделение милиции, потому что пользы от него здесь не имелось никакой.

— Но ваше выступление в прессе говорит об обратном.

Шаехов посмотрел на Мулько раздраженно.

— Не принято, знаете ли, у нас сор из избы выносить — это первое. А второе — убит наш сотрудник, и неважно, плохим он был работником или хорошим. Он носил погоны офицера милиции, и этим сказано абсолютно все.

— Да, этим сказано абсолютно все, — словно эхо вторил Мулько. — Официальная версия убийства осталась без изменений?

— Без изменений. Убийство с целью завладения табельным оружием.

— Пистолет, конечно, нигде после так и не всплыл?

Шаехов отрицательно покачал головой. Мулько продолжил:

— Гагаров был в гражданском платье, когда его убили?

— Да.

— Тем более странно, что пистолет до сих пор о себе не заявлял.

— Непонятен ход ваших мыслей, — Шаехов поднял на майора недоумевающий взгляд. — Может, объясните мне, недалекому?

— Если придерживаться официальной версии, то оружие Гагарова и по сей день должно находиться в Яснoволжске.

Шаехов проворчал:

— Пистолет могли продать, и он отбыл куда-нибудь во Владивосток. Как вам такой вариант?

— Никак. Если охотились действительно за оружием, то не с целью его продажи. Ствол, добытый таким способом, сбыть почти невозможно.

— Убийство могли совершить заезжие гастролеры, скажем, из того же Владивостока.

— Маловероятно. Сегодня я внимательно изучил все газетные публикации, посвященные убийству капитана, и уяснил следующее: на трупе не обнаружено никаких следов борьбы или насилия, одежда — в полном порядке, всего один-единственный удар ножом в спину. Гагаров просто шел куда-то, и его убили и похитили пистолет с запасной обоймой. Отсюда вывод: убийцы знали свою жертву в лицо, знали, что человек этот — работник милиции, и знали, что оружие у него с собой... Скажите, Марсель Сабирзянович, ваш пистолет всегда находится при вас или вы иногда сдаете его в оружейку?

— Он почти всегда в оружейке... — Тут Шаехов, видимо, понял, куда Мулько ведет разговор, лицо подполковника передернуло выразительной гримасой. — Это невозможно, майор! Чтобы в убийстве оказались замешаны наши сотрудники... Нет, все, что угодно, но не это!

— Почему, интересно?

— Хотя бы потому, что не вижу мотива. Для чего милиционеру пистолет убитого им коллеги?

Мулько изобразил на лице ироничную усмешку.

— Для того, например, чтобы впоследствии подбросить его несговорчивому подозреваемому... Но кто вообще утверждает, что убийцам нужен был пистолет? Может, все-таки им нужен был сам Гагаров? Попробуйте прокрутить в памяти все, что происходило в период его работы под вашим началом. Вспомните любые мелочи, еще раз поговорите со всеми своими бывшими подчиненными — его однокашниками, возможно, вы и наткнетесь на что-то, что упустили тогда. И если это произойдет, я отвечу на ваш вопрос, каким образом я связал убийство капитана с вчерашним взрывом...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Могу я видеть Аркадия Леонидовича? — Мулько обворожительно улыбался худосочной девице-секретарю с чрезмерно пухлыми, густо накрашенными губами. — Я по личному вопросу, но дело не терпит отлагательства.

Секретарша убрала в стол журнал регистрации входящих сообщений и с вызовом воззрилась на посетителя серыми глазами-блюдцами.

— Аркадий Леонидович занят, — выдала она прокурренным голосом. — Если у вас протекает крыша или сломался смывной бачок, обращайтесь к редактору программы «Доживем до понедельника». Правда, у того сейчас тоже забот невпроворот: своей очереди ожидают четыре погорельца, двое залитых соседями и четверо укушенных бродячими псами. Так что к вечеру, быть может, и на вас время останется. — Девица положила перед собой журнал учета исходящих и раздраженно воскликнула: — Что за народ?! Сломалась конфорка — где Аркадий Леонидович! На один день задержали вывоз мусора — подавай им господина Добрика на блюдечке! А он, между прочим, главный редактор телеканала, у него дела будут поважнее

ваших коммунальных проблем... Все, все, мужчина, не стойте здесь, вам на первый этаж нужно...

Улыбка на губах Мулько медленно погасла, он, как бы извиняясь, развел руками.

— У меня не протекает крыша и нет смывного бачка. Я, собственно говоря, вообще бездомный. — Тут майор резко изменил тон и закончил почти угрожающе: — А главному своему доложите, что аудиенции добивается некто Мулько Александр Иванович. Уж будьте уверены, барышня, ради встречи со мной он отложит все свои самые важные дела. Я жду, поторопитесь, если можно.

Мулько показалось, что в образовавшейся тишине он явственно различил несколько негромких щелчков — это секретарша ошарашенно захлопала длиннющими ресницами. Затем рука ее медленно потянулась к телефонной трубке.

— Аркадий Леонидович, тут какой-то бездомный Мулько встречи требует, — сообщила она притихшим голосом. — Он сказал Александр Иванович Мулько... Да, именно так... Сию же минуту, Аркадий Леонидович...

Главный редактор телекомпании «Глобус» Аркадий Добрик был крупным кучерявым брюнетом за тридцать. На его круглом добродушном лице с густыми бровями и глазами навывкате более всего выделялся увесистый нос размером с кулак драчуна-семилетки. Гладко выбритые щеки и подернутая жирком, некогда тренированная шея лоснились от выступившей испарины, и Мулько терялся в догадках, что именно послужило причиной столь обильному потоотделению: вышедший из строя кондиционер или неожиданный визит с того света.

— Узнал, Аркадий? — спросил майор, подходя к столу и усаживаясь на один из стульев. — Вижу, что узнал... Черт, Добрик! А ведь ты почти не изменился, дружок...

Добрик, не отрывая от Мулько взгляда, передвинул стопку документов перед собой, снова вернул ее на место. Осипшим от волнения голосом он выдавил из себя:

— З-здрасьте, Александр Иванович...

— Ну, здравствуй, коль не шутишь, — хохотнул Мулько. — И, ради Бога, не трепещи так. Я вовсе не привидение, я вполне реальный, из плоти и крови. А тебя в свое время просто неправильно информировали... Кто, кстати?

Добрик начал постепенно успокаиваться. Руки его больше не блуждали бесцельно по столешнице, сочный баритон принимал свой первоначальный тембр.

— Не знаю, — ответил он. — Однажды я позвонил вам на работу... Помните, вы оставили мне телефон? Так вот, я позвонил и услышал, что капитан Мулько трагически погиб. И эта информация была достоверной, так мне тогда казалось, потому что могилу на Арском поле я видел собственными глазами.

Мулько недоверчиво прищурился.

— На кладбище-то что ты делал?

— Приносил цветы, — Добрик смущенно отвел глаза. — Чтобы положить их на вашу... На вашу могилу.

— Вот оно как! — улыбаясь, воскликнул Мулько. — Ну что ж, Аркадий, я польщен. Весьма и весьма. А звонил зачем? Признаться, я не думал, что ты сам когда-нибудь станешь искать со мной встречи, полагал, наши пути разошлись навсегда.

— Хотел пригласить вас в ресторан. Была веская причина: окончание университета с красным дипломом, и мне почему-то захотелось, чтобы вы обязательно узнали об этом. Вспомните, вы еще пятнадцать лет назад пророчили мне большое будущее, а красный диплом стал первым шагом к нему.

— Любезно, конечно, с вашей стороны. Но я теряюсь в догадках, чем мне посчастливилось заслужить эту любезность? Мне, офицеру КГБ, вашему пусть несостоявшемуся, но куратору?

— А вы не догадываетесь? Я, Александр Иванович, и по сей день благодарен вам за то, что вы тогда не сделали из меня стукача. Избавили от необходимости доносить на своих близких, регулярно предавать друзей и любимых женщин. Мне впору называть вас вторым отцом, потому как вы подарили мне полноценную и спокойную жизнь. Именно по этой причине я хотел обмыть с вами свою красную книжку и по той же причине положил на вашу могилу цветы.

— Вот, оказывается, в чем дело, — протянул Мулько, пытаясь придать своему голосу немного безразличия. — За это, Аркадий, ты не меня должен благодарить, а первого президента СССР. Он затеял перестройку, он начал делать шаги к развалу державы, с его подачи народ уз-

нал, что в действительности представляет собой Комитет государственной безопасности, какая это страшная машина... Другими словами, в тебе отпала оперативная необходимость на тот момент, и руководство отдало приказ прекратить разработку объекта. То есть твою разработку...

— Хитрите, Александр Иванович, — уверенно произнес Добрик. — Никто не знал, чем перестройка закончится, и ваше руководство — в числе прочих. В тех обстоятельствах только глупец мог не оставить себе резерва, но чтобы так опрометчиво поступил Комитет... Ведь страховка от принятия поспешных решений заложена в самом названии его: государственная безопасность. Я уверен, что работа со мной была прекращена по вашей личной инициативе, но мне до сих пор страшно интересно, каким образом вам удалось убедить начальство в нецелесообразности моего использования. А пуще этого хочется узнать, почему вы так поступили.

Мулько помолчал, прикуривая сигарету, и только потом ответил. Негромко, выдерживая недолгие паузы после каждой произнесенной фразы:

— Трудно сказать, Аркадий. Молодым я был, самовлюбленным, желал считать себя до чертиков порядочным. А еще потому, наверное, что ты мне просто понравился и не захотелось брызгать на тебя нашей грязью, всем этим гэбэшным дерьмом... Почти уверен, для государственной безопасности самодеятельность сия не создала ни малейшей угрозы. Что же касается нецелесообразности твоего использования, тут все очень просто: в какой-то момент я доложил руководству, что попытка привлечь тебя в качестве осведомителя грозит обернуться пустой тратой времени, и объяснил причину: сильная предрасположенность к спиртному. Дескать, любишь ты иногда от души заложить, а в состоянии опьянения готов раскрыть душу первому встречному. Сам посуди, кому нужен такой секретный сотрудник. Вот и получил я указание удочки смотать.

— Вы рисковали, — твердо сказал Добрик. — Сильно рисковали.

— Да брось ты, Бог с тобой! — снова схитрил Мулько. — Совсем немножко. Ну, получил бы я выговор... Черт с ним, пусть выговор с занесением. Этим и ограни-

чились бы, тем более в то время, когда вся страна находилась во взвешенном состоянии... На мою выходку не стали бы обращать пристальное внимание.

Мулько помолчал, улыбаясь чему-то, и сказал:

— А в том, что вся эта каша вообще заварилась, виноват только ты сам. Не нужно было совать нос, куда не следует, и увлекаться изучением подборок периодических изданий... Аналитик доморощенный.

— Глупый был. Вы о тех подшивках «Правды» и «Известий»?

— О них, о них, родной.

— Спасибо вам, Александр Иванович, — тихо проговорил Добрик. — Простое человеческое спасибо.

— Ладно, Аркадий, давай оставим сантименты кисейным барышням. Я вот зачем к тебе заехал...

— Я уже понял зачем. Вам нужна какая-то информация. Жертвы вчерашнего взрыва у отеля «Республика» носили фамилию Мулько, и я уже вчера предположил, что погибшая женщина может оказаться вашей вдовой. Теперь я почти наверняка знаю, что она ею считалась.

— Ты почти угадал. Погибла действительно моя семья, только не об этом я хотел говорить с тобой. Меня интересуют события двухлетней давности. Скажи, Аркадий, тебе знакомы фамилии Гагаров и Камалеев?

Добрик прикрыл глаза, вспоминая, но когда снова открыл их, на лице его было некоторое разочарование.

— Не могу вспомнить. Фамилии знакомые, согласен, и когда-то они несомненно были на слуху, но вот связать их с каким-то определенным фактом не могу. Хоть казните, Александр Иванович.

— Казнить я тебя не стану, Добрик, а напомнить напомним: Гагаров — это капитан милиции, убитый чуть больше двух лет назад ударом ножа в спину, а Камалеев — владелец известной фирмы «Сталкер», пропавший с крупной сумой валюты за тринадцать дней до убийства Гагарова. Теперь что-нибудь сказать сможешь?

Добрик крепко сжал приличных размеров кулак и сильно ударил им по раскрытой ладони.

— Точно! — воскликнул он. — Вспомнил. Как же у меня это из головы-то вылетело... Убийство, по-моему, так и не было раскрыто. Камалеева вроде бы тоже не нашли. Конечно, наш канал не занимался вплотную ни

тем, ни другим преступлением, но... Можно мне в деталях узнать, что именно вас интересует?

— Теперь не имеет смысла. Я думал, ты состыкуешь меня с репортерами, освещавшими эти события, надеясь, что информация собиралась ими скрупулезно, по крохам, а так... — Мулько вздохнул и сделал попытку подняться со стула.

— Погодите, погодите, Александр Иванович, — остановил его Добрик. — Не занимался вплотную наш канал, но есть другие телекомпании, есть пресса, наконец.

— Вот в прессу я и обращусь.

Добрик широко улыбнулся.

— Не нужно вам никуда обращаться, вы по адресу явились. Уже несколько месяцев у меня трудятся два человека, которые в свое время работали над этими делами.

— Суворова и Енукеев?

— Они самые. Так вы с ними знакомы?

— Их фамилии мне знакомы. Они что же, решили профиль сменить?

— Решили. Не сошлись во взглядах по одному шаткому вопросу с редактором своей газеты, остались без работы, явились ко мне. Сначала Рита, потом Василий. А я их взял и принял, как говорится, с окладом согласно штатному расписанию.

— Васисуалий — это псевдоним?

Добрик улыбнулся:

— Был псевдоним. Условие я ему поставил: мол, если хочешь здесь работать, убирай свое дурацкое «Васисуалий». С трудом он согласился на это, до того ему нравилось прозвище, самому себе придуманное.

— У тебя они по-прежнему по криминалу работают?

— Только Рита. Енукеева я определил в свет: рауты, презентации, банкеты. Васю с его характером к органам близко подпускать нельзя. Поймите, Александр Иванович, наш канал лишь формально считается независимым, — Добрик развел руками, — поэтому я не могу позволить нести с экрана все, что в голову взбредет. А Енукеев просто бредит взяточничеством и мздоимством, в его представлении каждый мент — коррумпированная сволочь. В общем, пока он будет находиться при бомон-

де, мне гарантировано относительно спокойное существование.

Мулько весело усмехнулся, показывая тем самым Добрику, как он ему сочувствует.

— Можно мне поговорить с ними прямо сейчас? С Енукеевым и Суворовой...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Они вошли в кабинет вместе — долговязый патлатый шатен в кроссовках, джинсах и футболке навыпуск и стройная женщина лет двадцати пяти, с огненно-рыжими волосами, стриженными под каре. На носу у молодого человека, несколько длинном и подпорченном оспинами, поблескивали очки с узкими прямоугольными линзами; девушка, одетая в легкий брючный костюм, держала в руках клип-файл с подборкой последних репортажей.

Вели они себя по-разному. Суворова, сдержанно поздоровавшись, остановилась у двери, Енукеев же, бросив прямо с порога: «Чё вызывал, Леонидыч?», — подошел к столу и развалился на одном из стульев.

— Рита, устраивайся поудобнее, — предложил Добрик, а Енукееву холодно заметил: — Ты не в кабак пришел, сядь нормально.

После того как Суворова расположилась за столом напротив Мулько, а Енукеев принял позу, мало-мальски приличествующую моменту, Добрик продолжил:

— Дело, по которому я вас вызвал, потребует, ребята, максимального напряжения вашей памяти. Хочу представить майора Стеклова, сотрудника аналитического отдела ФСБ, и потребовать, чтобы к ответам на его вопросы вы отнеслись наисерьезнейшим образом. Прошу, Александр Иванович...

Сначала Мулько посмотрел на Суворову:

— Маргарита, меня интересует то, что вам когда-то удалось выяснить по делу об убийстве капитана Гагарова. Я ознакомился с многими вашими публикациями, но подозреваю, вошла туда не вся добытая информация. Возможно, что-то изымал выпускающий редактор, что-то, возможно, вы сами не посчитали нужным вставить. Согласен, прошло много времени, но все же попытайтесь вспомнить всех, с кем вы говорили тогда, их адреса,

может быть, телефоны. Ну, а если вспомните те моменты в общении с ними, какие вам показались подозрительными, если, конечно, таковые имели место, это будет просто великолепно.

Вместо Суворовой заговорил Енукеев, и обратился он не к Мулько, а к своей коллеге:

— Ну, Марго, что я тебе говорил! Ничего еще не закончено, всему на свете есть продолжение. — Он повернулся к майору: — Иваныч, ты согласен, с утверждением... Это ничего, что мы на «ты»?

— Василий! — едва не вскричал Добрик.

Мулько остановил его жестом руки.

— Валяй, — разрешил он Енукееву. — С каким утверждением?

— Ты согласен, что все тайное становится явным?

— Безусловно.

— Выходит, мы оба знаем: нераскрываемых преступлений не бывает в принципе. Имя Джека-Потрошителя, имена заказчиков убийств Джона Кеннеди и Влада Листьева рано или поздно прозвучат. И убийц Гагарова найдут непременно, тем более что этим делом заинтересовались спецслужбы. И что же в действительности произошло в позапрошлом году с моим Камалеевым, обязательно выяснят... А хотя, ты, Иваныч, не в курсе, наверное...

— Стоп, Василий, — прервал его Мулько. — Теперь растолкуй, что значит «произошло в действительности»? Насколько известно, Камалеев, — Мулько скривил губы в легкой усмешке, — твой Камалеев, просто сбежал с мешочком долларов. По крайней мере, такова официальная версия.

Енукеев поправил очки на своем носу.

— Тебе, Иваныч, весело, понимаю. Но у меня этот Камалеев уже третий год в печенках сидит, я до сих пор гусиной кожей покрываюсь от собственного бессилия что-либо сделать.

— А чего бы тебе хотелось?

— До правды докопаться. Слушай, что скажу: дело Камалеева — это черствая корка, густо намазанная маслом. Смотришь на масло и нисколько не сомневаешься в том, что перед тобой кусок свежего хлеба.

— Давай-ка, Вася, отсюда по порядку, — попросил Мулько. — Во-первых, во-вторых, в-третьих...

— Ну, во-первых, сначала его считали пропавшим без вести. Через три дня после того, как он исчез, в милиции приняли заявление супруги, все чин чином оформили и, дав ей установку ждать известий, отправили домой. Мне, в отдел новостей, это передали по факсу из пресс-службы УВД в списке остальных происшествий за сутки, а я взял и выбрал из общей кучи именно Камалеева. Все ж таки не бродяга какой-то пропал — директор «Сталкера». Затем их бухгалтер отправляет в банк ежемесячный запрос о состоянии счета и выясняет, что там не хватает ста тысяч долларов. Ста тысяч с приличным хвостом. Она приезжает в банк, а там говорят, что эти сто тысяч взяты наличными самим Камалеевым... Ну и завертелось. Из районного отдела, куда обращалась его жена, дело передали в УБЭП, подшили эту папку к делу о хищении денег, началось расследование. «Экономисты» быстро выяснили, что Фарид Ильдусович отбыл поездом Ясновожск — Москва в сопровождении дамы, но на этом следствие было приостановлено. Возобновят его теперь, когда разыщут Камалеева, а ищут его уже третий год.

— Что же тебя здесь смущает? Ну, удрал мужик от жены, удрал с любовницей, ну и что? Такое сплошь и рядом случается.

— Не верю я, — твердо сказал Енукеев, снова поправив очки. — Иваныч, о компании «Сталкер лимитед» в те времена не слышали только малые дети, тебе должно быть об этом известно. По объемам товарооборота она входила в первую десятку в городе, и наверняка ее расчетный счет не ограничивался какой-то сотней тысяч. Но Камалеев почему-то, навсегда удирая, захватил именно эту сотню. Почему? Почему человек не берет все, зная, что никогда больше не вернется обратно?

— У него был личный счет?

— Был, Иваныч, был! И с него тогда не пропало ни копейки. Потому-то я и не верю, что Камалеев просто удрал с деньгами и любовницей!..

— Положим, не веришь. Но ты выдвигай, выдвигай свои гипотезы, я слушаю.

Васисуалий сразу помрачнел.

— Нет у меня ничего определенного, не знаю я, что думать, — проговорил Енукеев. — Может быть, его убили, может...

— Зачем его убивать?

— Как — зачем? При нем больше ста тысяч баксов было.

— Но тело не найдено.

Вася пожал плечами:

— Закопали, возможно. В УПК ведь как трактуется: нет тела, значит, нет и дела.

Мулько ненадолго о чем-то задумался.

— Тебе известно, каким образом убэповцы установили женщину, с которой Фарид Ильдусович укатил в Москву?

— Через кассы вокзала, — ответил Василий. — Там вспомнили, как она покупала билеты для себя и Камалеева.

— Фамилию не забыл?

— Спрашиваешь! — фыркнул Енукеев. — Сорокина Нинель Константиновна... Я ведь говорю, исчезновение предпринимателя в печенках моих третий год сидит.

— С кем ты общался в то время? Жена его, соседи, сослуживцы по работе...

— С ними со всеми и общался. С женой, правда, не очень, она меня быстро отфутболила, как только эта Нинель стала достоянием гласности. А вот с соседями и сослуживцами довелось поконтактить.

— Что же ты среди них нарыл, Вася?

— Ничего существенного, Иваныч. Была, правда, одна соседка до жути словоохотливая, но и та через какое-то время замкнулась. На первых порах мы с ней встречались раза четыре, так я не знал, куда деть себя от ее болтовни. А потом, бац! — и как отрубило. «Идите, — говорит мне, — отсюда молодой человек, нешто у вас других забот мало?»

— Что ж она замолчала так некстати, — обронил Мулько, ни к кому не обращаясь. — Или случилось что?

— Понятия не имею. Мне недели три не до нее было, я тогда с Риткой воевал за право освещать убийство Гагарова. — Енукеев посмотрел на Суворову, та улыбнулась ему с видом победительницы. — То есть не воевал, конечно, в полном смысле слова, но главного нашего дол-

бил изо дня в день, чтобы он мне перепоручил этим делом заниматься. Правда, оказалось, все же без толку... А потом, когда снова к ней явился, к Лидии Петровне то есть, она мне на дверь и указала, ничего не захотела говорить.

— Очень интересно, Вася, — подытожил Мулько и повернулся к Суворовой. — Давайте, Маргарита, вернемся к Гагарову. Что я хочу услышать, вы знаете.

— Знаю. Но ничем не смогу вас порадовать. — В этих словах Мулько различил едва уловимые нотки сочувствия. — Ведь сколько времени прошло! Да так или иначе, в столе я ничего не оставляла, все уходило в очередной номер.

— Прямо-таки ничегошеньки? — переспросил майор с сомнением и надеждой одновременно.

Она снова отрицательно качнула головой.

Мулько сказал:

— Что ж, ребята, огромное спасибо за потраченное время. Оставьте мне свои координаты, это так, на всякий пожарный, координаты всех, чьи имена сейчас здесь прозвучали, и я не смею вас больше задерживать.

Голос подал Енукеев.

— Леонидыч, Иваныч, — сказал он. — Никогда не предположил бы, что у моего главного в друзьях ходят сотрудники спецслужб. Если это не страшная тайна, может, откроете, откуда повелось ваше знакомство?

— Нет никакой тайны, — спокойно ответил Мулько. — Однажды, много лет назад, в приемную Комитета государственной безопасности явился молодой парень, студент нашего университета, и заявил, что знает места дислокации двух советских засекреченных военных баз в Северной Африке. И действительно, районы базирования указал на карте с поразительной точностью. С поразительной для студента-второкурсника. Мы, разумеется, этого «шпиона» сразу в оборот: откуда, мол? на чью разведку работаешь? где твои источники? А он хлоп нам на стол подшивки «Правды» и «Известий» за прошедший год, где фломастером обведены статьи и заметки, содержащие утечку информации по данным объектам... Такие, как Аркадий Леонидович, нашему ведомству нужны были всегда, поэтому мне и поручили начать работу по

привлечению товарища Добрика к сотрудничеству с Комитетом.

Енукеев подозрительно прищурился.

— В каком смысле «к сотрудничеству»?

— В прямом, — соврал Мулько. — Предложение подавалось следующее: он оканчивает университет, поступает в школу КГБ, а по ее окончании служит там, куда руководство сочтет нужным его направить. Главный ваш мог бы стать кем угодно, даже разведчиком-нелегалом, но отказался, хотя я и немало времени убил на его обработку.

— Неужели подобная информация может просочиться в периодику? — удивилась Суворова.

— Запросто. Попадает она туда не всегда открытым текстом и не всегда в полном объеме, но все же попадает. Нужно только суметь правильно сопоставить некоторые факты, собрать из нескольких с виду абсолютно разнородных кусков единое целое, и дело сделано.

— Нет, Марго, ты слыхала! — с восхищением воскликнул Енукеев. — Никогда бы не подумал. Ну, пошли...

— Подожди минутку, — Маргарита подвинула к Добрику клип-файл, что принесла с собой. — Это текст сегодняшнего выпуска, Аркадий Леонидович. Может, посмотрите? Сначала я хотела отдать его Сергееву, но он все равно передал бы папку вам... Кое-какие наброски здесь и по Мулько имеются.

— Что-что? — У Енукеева был такой вид, что со стороны могло показаться, будто бы он ослышался. — Ты сказала — Мулько?

— Да. Женщину, которую вчера взорвали в центре, звали Лариса Мулько.

Васисуалий изумленно присвистнул.

— Вот это новость! А теперь отгадайте с трех раз фамилию камалеевской бухгалтерши... Ее звали Лариса Мулько, господа. Да, да, Лариса Аркадьевна Мулько...

— Ритка, — уверенно сказал Енукеев, когда они с Суворовой шагали по коридору. — Стеклов не просто так интересуется делами Камалеева и Гагарова. Скорее всего, они связаны между собой, и уж непременно какое-то из них связано с вчерашним инцидентом на площади Ту-

кая. Ритуля, может, я примусь-таки за старое, а праздники и банкеты немного обождут, а?

— Только попробуй, — предупредила его Суворова и пообещала с ласковой улыбкой: — И я тут же разобью тебе твои любимые очки...

— Что же ты, Аркадий, позволяешь так фамильярничать с собой? — улыбнулся Мулько, когда они остались одни. — Я-то ладно, пес с ним. Но, как считаешь, вертикаль власти, реноме свое тебе нужно держать? Или нет?

Добрик с видом отчаявшегося лишь махнул рукой.

— Он в этом плане безнадёжен, Александр Иванович. Абсолютно неисправим, хоть стреляй. Но репортажи делает классные, хлесткие, он у нас что-то вроде критика всех этих сборищ провинциального света... Поэтому и закрываю глаза на его панибратство. Нет, вы не подумайте, будто бы он пользуется этим, просто по-другому у Васи не получается, не может он по-другому, и все тут...

— Мне, Аркадий, показалось, что Вася твой здорово заинтересовался всеми тремя делами, — медленно проговорил Мулько. — Поэтому ты передай ему от меня, если он станет всюду совать свой, не побоюсь этого слова, длинный нос, мне придется ненадолго спрятать Васю в наших подвалах. Упрячу обязательно, хотя, если честно, и испытываю к нему определенную симпатию.

— Не станет он его никуда совать, ему жена не позволит. Как только Васисуалий пытается заикнуться о том, чтобы снова стать корреспондентом криминальной хроники, она с обворожительной улыбкой обещает расколотить ему его любимые очки...

В этот момент дверь после легкого стука открылась и в кабинет быстрой походкой вошла Суворова.

— Еще раз извините, Аркадий Леонидович, — сказала она встревоженно. — Только что звонил мой человек из УВД... У нас опять взрыв. Прессе пока стараются ничего не сообщать, до поры будут держать в тайне. Когда эта пора наступит, не знаю, но возможно, ближе к вечеру.

Добрик устало вздохнул.

— Кого на этот раз?

— Ой, — замялась Суворова. — Он же пять минут назад фамилию называл...

На помощь девушке пришел Мулько.

— Не Рожин ли фамилия жертвы, Рита?

— Точно, — кивнула Суворова, — он самый... Значит, вы, Александр Иванович, с самого утра в курсе дела?

Мулько неопределенно склонил голову. Слово встал Добрик:

— Вот скажите мне, люди добрые, им что, излишки динамита девать некуда, а? Ведь если так дальше пойдет, наш Ясновожск через какой-то месяц во второй Сталинград превратится, честное слово!

— Не горячись, Аркадий, — успокоил его Мулько. — Ничего с нашим Ясновожском не случится. Моя сногшибательная интуиция подсказывает мне, что этот взрыв — последний. Далее, если и будут убивать, то проверенным дедовским способом: либо нож под лопатку, либо контрольный в голову. М-да... Аркадий, оставь мне все свои координаты, все, какие есть, и не забудь предупредить ребят, — Мулько кивнул в сторону Суворовой, — относительно подвалов...

В приемной Мулько склонился над большеглазой секретаршей, поза которой не обещала ничего доброго:

— Так когда, вы говорите, Аркадий Леонидович забрал из ремонта свой «Мерседес»?

— Не говорила я вам ничего, гражданин, — она испуганно заморгала. — И не «Мерседес» у него вовсе, а «Фольксваген», да и тому сто лет в обед.

— И на работу он приезжает именно на этом «Фольксвагене»?

— На нем... А что?

— На работу в котором часу он приезжает?

— Ах, на работу!.. Ну, как обычно, в восемь тридцать. А что?

Мулько ласково улыбнулся.

— Глаза у вас красивые, только и всего. До свидания, барышня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Леша, можешь сделать для меня еще кое-что? — Мулько опять разговаривал с Москвой. — Тогда отправь кого-нибудь из своих людей в «Шереметьево». Пусть они выяснят, вылетали ли оттуда два года назад некие Камалеев Фарид Ильдусович и Сорокина Нинель Конс-

тантиневна. — Мулько назвал дату исчезновения Камалеева. — Плюс три недели, от силы месяц... Страна неизвестна. Леша, придется твоим ребятам попотеть. Трех часов им хватит?.. Отлично, через три часа будь у аппарата...

На первый звонок дверь никто не открыл. Этот же результат ждал Мулько и после второй, и после третьей попытки. Постояв несколько секунд в раздумье, он спустился вниз, присел на лавочку у подъезда, закурил.

Было тихо: занятия в школах еще не закончились. Мулько не спеша, делая затяжку за затяжкой, обводил взглядом пустынный двор. Полуденное пекло вымело отсюда все живое, и лишь огромный черный кот возлежал в тени старого вяза и лениво обмахивал себя пушистым хвостом...

Белоснежный «Крайслер» бесшумно подкатил к подъезду. Из машины вышли двое — мужчина и женщина. Она — темноволосая, на вид сорока с небольшим, слегка располневшая, но не лишенная привлекательности. Он — за пятьдесят, высок, широк в плечах и совершенно лыс.

Мужчина замкнул автомобиль и, передав женщине ключи, произнес, продолжая прерванный разговор:

— ...и я требую, заметь, не прошу, а требую человеческого отношения. Без подозрений, лишенных всякого основания, и придилок изо дня в день по известному поводу. Я хочу, чтобы ты наконец уяснила: я не твой благодетель, который когда-то сбежал от тебя со своей пассией, и для меня во всем мире существуют лишь две женщины: моя дочь и ты.

— Он никуда не сбежал, Наиль, — возразила спутница каким-то отстраненным голосом.

— Но ты вспомни, как сама говорила, будто бы он и его кикимора...

— Именно кикимора. Поэтому повторяю: он никуда не сбежал.

Увлеченные разговором, они прошли мимо Мулько, не обратив на него никакого внимания. Мужчина распахнул перед спутницей дверь подъезда, и майор в этот момент окликнул:

— Люция Харисовна...

Оба остановились, оглянулись. Мулько подошел, изложил цель визита и спросил:

— Где нам будет удобнее беседовать? Здесь или поднимемся в квартиру?

— Печет, — она нахмурила лоб. — Пойдемте наверх...

В гостиной, за пустым обеденным столом, расположились Мулько и Камалеева. Наиль по просьбе последней отправился на кухню приготовить газированной воды.

— Ненавижу минералку, — объяснила она. — А газировку из сифона обожаю с детства... Что интересует вас? Спрашивайте.

— Только что я невольно подслушал ваш разговор на улице, — сказал Мулько. — А теперь ответьте, почему вы считаете, будто бы Фарид Ильдусович не мог сбежать с любовницей? Что заставляет вас быть в этом уверенной?..

Из кухни донеслось громкое шипение, оба услышали, как Наиль в сердцах чертыхнулся.

— Первый баллончик — псу под хвост, — с грустной улыбкой заключила Камалеева. — Почему уверена? Да потому, что у него никогда не было связей на стороне. Если бы они были, я бы знала.

— Ну, вот вы узнали... И?

Она покачала головой.

— Я не понимаю, чего добивалась эта дамочка, но любовницей Фариды она не являлась. На Коране могу поклясться.

Камалеева встала, удалилась в соседнюю комнату и через какое-то время вернулась с фотокарточкой.

— Полюбуйтесь на красавицу, — бросила она тоном, исполненным едкого презрения. — Неужели вы думаете, я когда-нибудь поверю, что Фарид мог связаться с подобной плесенью!

С фотографии на Мулько смотрела молодая женщина, белокурая, длинноволосая, с правильными чертами лица. Мулько мысленно сравнил ее со своей собеседницей и понял, что Камалеевой руководили самая обыкновенная ревность и комплекс собственной неполноценности: Люция Харисовна проигрывала Нинели и возрастом, и внешними данными.

Мулько положил карточку на стол.

— А по-моему, очень даже ничего, — с толикой со-

мнения объявил он. — Странно, что вы этого не заметили.

Камалеева мгновенно залилась краской.

— Все я заметила. И то, что экстерьер у нее на пять с плюсом, — тоже. А вот вы не заметили главного. Вы, гражданин майор, на взгляд ее внимание обратите... Это же глаза самой настоящей потаскухи! Посмотрите еще раз.

Мулько снова взял фотографию. Взгляд Нинель был тверд и упрям. Мулько сказал бы даже — не упрям, но капризен, пусть совсем немного. А к твердости, к упрямству и капризности примешивались коварство, страсть и вожделение. Глаза эти сверкали влажным блеском похоти.

«О женщины, едреный корень! — мысленно выругался Мулько. — Ничто-то от вас не укроется».

— Согласен, Люция Харисовна, — вымолвил он, снова кладя фотографию на стол. — Но ведь из этого ничего не явствует. Фарид Ильдусович мог уехать с какой угодно женщиной.

— Никогда! Никогда Фарид не связался бы со шлюхой. Он их с юности терпеть не мог, уж поверьте мне ради всего. Я понимаю, вы думаете, мною руководят пустые амбиции брошенной супруги, только это далеко не так.

— Как попало к вам это фото?

— Дрянь сама его прислала. Таких нахалок я за всю жизнь ни одной не встречала. Мало того, что отправила письмо с признанием в любви и фотографией, так через несколько дней сама заявила. «А Фарид Ильдусовича можно?» — ангельским таким голосочком спрашивает, сука. Ну, тут уж я голову напрочь потеряла и понесла на нее, а эта оторва расхохоталась мне в лицо и заявила, что мое время кончилось, а ее, дескать, только начинается. Что скоро они с Фаридом уезжают в дальние края и оставляют меня встречать старость в одиночестве...

Голос ее задрожал, на глаза навернулись слезы. Мулько поспешил протянуть через стол свой носовой платок. Из кухни появился Наиль с двумя стаканами газированной воды. Женщина сделала несколько глотков и, немного успокоившись, продолжила:

— В тот день я закатила Фариду жуткий скандал, на-

градила его всеми соответствующими эпитетами, какие только смогла подобрать, а он стоял, ничего не понимая, лишь глазами моргал. Затем принялся убеждать меня, что это какое-то недоразумение, что никакой Нинель он не знает и понятия не имеет, что, собственно, вообще происходит. Но не поверила я ему. И долго не верила, даже после его исчезновения. Исчез он, кстати, через неделю после визита той гадины. Только спустя какое-то время я стала спокойно и трезво размышлять над случившимся и пришла к выводам, которые сейчас здесь прозвучали.

— Вы позволите мне забрать эту Нинель с собой? — спросил майор.

Камалеева безразлично пожала плечами.

— Берите, если нужно, — разрешила она.

Мулько бросил последний взгляд на фотографию, опустил карточку в карман рубашки.

— Если Фарид Ильдусович не удрал с любовницей, то куда, в таком случае, он мог провалиться?

Камалеева посмотрела ему в глаза, и столько боли было в этом взгляде, столько страданий и переживаний. Боли и страданий, к которым женщина давно привыкла.

— Убили Фариду, — сказала она твердо. — Убили...

— Кто?

— Не спрашивайте, не знаю... За несколько месяцев до исчезновения с ним стали происходить непонятные вещи. Он стал более задумчив, появилась очевидная нервозность, почти перестал спать по ночам. Я просыпаюсь среди ночи, а он ходит взад-вперед по кухне и курит одну за одной. Спрашиваю, в чем дело, — молчит.

Потом я стала замечать, что с нашего личного счета пропадают деньги. То пять тысяч долларов, то три, то пятнадцать. Я пыталась было заговорить с ним об этом, но он так на меня посмотрел, что вся охота к разговорам мгновенно пропала. Когда объявилась стерва-Нинель, я отнесла пропажу денег на ее счет и наплевала на них. Но сейчас у меня совсем другие мысли по этому поводу.

— Любопытно, Люция Харисовна.

— Бандиты это. Вымогателям он платил, рэкетирам. Ничем другим объяснить не могу ни исчезновение его,

ни пропажи денег со счета. Да еще те самые сто тысяч, снятые им со счета «Сталкера».

— Это только догадка или...

— Это догадка, но та догадка, что граничит с утверждением.

Мулько поднялся. Он понял, что больше ничего здесь не выяснит. Он поблагодарил Камалееву, пожал руку Наилу и, попрощавшись с обоими, вышел на лестницу. Подождав, пока за спиной щелкнет замок, Мулько подошел к соседней двери, два раза нажал кнопку звонка.

— Смирнова Лидия Петровна?

— Она самая. — На Мулько смотрела невысокая пожилая женщина. Одета она была в темно-красный тяжелый халат, на лице, испещренном множеством морщин, Мулько смог разглядеть свежие следы только что убранного макияжа. Ногти старческих рук покрывал слой бледно-розового лака, голову венчала копна совершенно седых мелких кудряшек. Видимо, перманент себе женщина сделала совсем недавно. — Что вам угодно, молодой человек?

Мулько достал удостоверение.

— Федеральная служба безопасности, Лидия Петровна. Войти позволите?

Она взяла из рук майора удостоверение и принялась скрупулезно изучать документ. Возвращая Мулько корочку, проворчала:

— В наше время любое удостоверение личности можно отпечатать на ксероксе — мне об этом внучка рассказывала. И будь на вашем месте кто-то еще, я бы его на порог не пустила. Но у вас глаза честные, а меня на этот счет пока никому не удавалось провести. Входите...

Лидия Петровна провела майора в чистенькую уютную кухню, заставила согласиться на чашечку кофе. Разливая напиток, поинтересовалась целью визита.

— Ваш пропавший сосед, Лидия Петровна, — ответил Мулько. — Не сможете ли вы вспомнить кое-какие моменты из того времени. Что-то необычное в поведении Камалеева. Может, бывали у него странные посетители? Может, кто-то из них показался вам наиболее подозрительным? Я понимаю, это было давно, и ваш возраст...

— Минуточку, молодой человек! — бабуля гордо вскинула голову. — Мне семьдесят три года, но за эти годы я обращалась к врачам лишь однажды — с приступом аппендицита. У меня даже зубы до сих пор все свои, и склерозом я, слава Богу, не страдаю... Постыдились бы оскорблять старую женщину!

— Мои извинения, сударыня, — виновато улыбнувшись, Мулько искренне прижал руку к сердцу и повторил: — Мои извинения...

— Как странно устроен мир, Александр. — Лидия Петровна поставила перед Мулько его чашку, сама присела напротив. — Прошло целых два года, а вопросы сегодня те же, что звучали тогда... Кладите сахар... Но и сегодня я ничем не могу порадовать вас, точно так же как когда-то не смогла удовлетворить и любопытство того милого мальчика — Васи Енукеева.

— Однако ж после исчезновения Камалеева вы с ним не один раз встречались и охотно беседовали.

— Ах, вот оно что! Значит, вы знакомы... Верно, Александр, — она сделала крохотный глоток кофе, — встречались мы не один раз. Но я старый человек и очень быстро устаю от частых визитов, а посему общение с ним мне пришлось прекратить. Надеюсь, Вася не сильно обиделся на бабушку.

— Что-то вы хитрите, Лидия Петровна, — улыбнулся Мулько. — Сдается мне, вовсе не усталость ваша тому виной. Прошу, поведайте как на духу.

Старушка посмотрела на Мулько ясным взглядом.

— Ох, Александр, сбросить бы мне годков тридцать — сорок, я бы в вас влюбилась, право слово. Глаза у вас честные... С Васей я перестала встречаться, потому что испугалась. Он журналист — за что купил, за то и продает, если не сказать больше, а я хоть и старый человек, но на кладбище не собираюсь, мне еще пожить хочется...

Обворожительно улыбаясь, Мулько вновь прижал руку к груди.

— Лидия Петровна, голубушка, вы из меня просто душу вытягиваете.

— Терпение, молодой человек. Всему свое время. Так вот, недели за три до того, как пропал мой сосед, ко мне приехала внучка, чтобы отвезти меня к себе, отметить ее день рождения. По дороге мы решили забрать ее подруж-

ку, потому что втроем, сами понимаете, веселее, ну, а кроме того, до чертиков люблю с молодежью пообщаться. Конечно, я имею в виду приятных молодых людей. Ну и заезжаем, значит, во двор мы к девочке этой, и смотрю я, у следующего подъезда стоит машина соседа моего, а рядом сам Фарид и незнакомый мне молодой человек. Это тогда я не знала, кто он такой. Они стоят у автомобиля и на повышенных тонах о чем-то беседуют, вернее, говорит незнакомый молодец, усиленно при этом жестикулируя, а Фарид сам не свой, будто от испуга сильного, стоит бледный и лишь кивает на каждый взмах руки своего собеседника неучтливого. Запомнила я эту сцену и в памяти отложила надолго, потому что не люблю, знаете ли, невеж, подобных тому типу. А когда через несколько дней после пропажи Фариды был закован милиционер (об этом тогда все газеты писали) я, увидев фотографию по телевизору, сразу же признала в нем нелюбезного собеседника Фариды... И вы знаете, Александр, мое стародавнее чутье подсказало мне, что неспроста сосед мой исчез, и вовсе ни с какой не с любовницей, и все здесь гораздо серьезней, чем многие себе представляют. Оттого и побоялась я за жизнь свою грешную, оттого и устроила Васеньке вежливый от ворот поворот. Вот такая история, товарищ майор федеральной безопасности...

— А скажите, добрая бабушка, — почему-то грустно усмехнулся Мулько, — как понимать выражение «мое стародавнее чутье»? Просто до ужаса интересно, что же такого вы учуять могли во времена стародавние?

Лидия Петровна допила кофе, поставила на стол чашку и посмотрела на майора с улыбкой, которая необыкновенно шла этой старой женщине.

— Да уж немало чего, юноша. В основной массе своей на тех меня моя интуиция выводила, кто на Уголовный кодекс плевал, на жизнь, честь и достоинство советского человека, посягал на сохранность социалистической собственности. Двадцать пять лет без малого я органам отдала, в отставку ушла в чине подполковника.

Мулько в ответ лишь громко присвистнул.

— А вот свистеть, юноша, вовсе не обязательно, — назидательно изрекла подполковник в отставке. — Так может случиться, что деньги водиться перестанут...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

При жизни Сергей Гагаров проживал в районе озера Кабан, в девятиэтажной «свечке», фасадом своим выходящей на само озеро. Здание это было совсем не новое, с потемневшими от времени стенами и облупившейся краской на балконных перегородках. Деревянные двери единственного подъезда, так же как и балконы девятиэтажки, вид имели запущенный и донельзя ущербный.

Когда Мулько вошел, его окутал затхлый холодок, смешанный с вонью помойных ведер, человеческих испражнений и еще Бог знает чего. Лифт не работал. Мулько пешком поднялся на четвертый этаж, подошел к нужной двери, два раза нажал кнопку звонка.

Отозвались не сразу. Только через две-три минуты майор услышал быстрые шаркающие шаги. Щелкнул замок, и дверь приоткрылась ровно на длину металлической цепочки. В образовавшуюся щель на Мулько смотрели заплаканные и красные от бессонных ночей глаза.

— Вам кого? — услышал он усталый женский голос.

Вместо ответа Мулько молча развернул удостоверение.

— Что вам от меня нужно? Зачем вы пришли? Для чего я вам? — надрывно проговорила женщина. — Два года, как его нет, а вам все нейдет!

Мулько видел, что она на грани истерики, что еще немного — и дверь перед его носом захлопнется и не откроется уже никогда. Поэтому он мягко возразил:

— Я не из милиции, Светлана Николаевна, прочтите повнимательнее. Но поговорить с вами просто необходимо.

Она бросила рассеянный взгляд на удостоверение, с удивлением посмотрела на Мулько, и он услышал, как головка дверной цепочки, звякнув, вылетела из гнезда.

Наспех убрав с дивана ворох непросмотренной корреспонденции, женщина предложила майору присесть. Сама устроилась рядом.

— Слушаю вас, — она повернула к нему усталое, осунувшееся лицо. — И, если можно, недолго. Мне необходимо выпастись.

Пока она говорила, Мулько быстрым взглядом окинул помещение. Обстановка небогатая: потрескавшаяся полировка на мебели, застиранные занавески без тюля, ис-

тертый под ногами палас, разошедшиеся подоконники. В одном углу — совершенно пустой ученический письменный стол, в другом — исцарапанная тумбочка со старенькими видеоманитофоном и телевизором.

На телевизоре, в черной траурной рамке, стояла фотография молодого человека в форме старшего лейтенанта милиции. Это же самое фото Мулько рассматривал сегодня утром в читальном зале библиотеки. Лицо как лицо — ничего заслуживающего внимания. Никаких запоминающихся черт, никаких отличительных особенностей характера. Для себя Мулько давно определил название такому типу людей — студень. Он повернулся к Гагаровой.

— Вы были правы, Светлана Николаевна. Я здесь по причине, известной нам обоим, — убийство Сергея.

Лицо женщины приняло протестующее выражение, но Мулько осторожно коснулся ее руки.

— Выслушайте меня. Параллельно со службой собственной безопасности МВД республики мы вели это дело уже тогда, два года назад. Уже тогда были основания полагать, что в преступлении замешаны сотрудники правоохранительных органов. Но в то время у нас на руках не было ни единого факта, подтверждающего данное предположение. Теперь же открылись новые обстоятельства по делу, и вчера руководство приняло решение поднять старые материалы и продолжить работу по этому убийству и еще по нескольким.

— Значит, Сергей не единственный, — произнесла она утвердительно, но как-то отстраненно, словно издалека. Упоминание о том, что к убийству, возможно, причастны работники милиции, ее как будто вовсе не смущало.

— Вы правы, Светлана Николаевна, не единственный. Ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: как бы вы смогли охарактеризовать его сослуживцев по работе, а также их с Сергеем межличностные отношения? Были ли у него настоящие друзья среди коллег, имелись ли недоброжелатели, как часто с кем-то из сослуживцев он встречался во внерабочее время?

Она вздохнула.

— Не имел он недоброжелателей, да и не мог иметь. На работе его все очень любили, уважали. Дома у нас пе-

ребивал почти весь уголовный розыск. Когда по праздникам заскакивали, когда просто так, чаю попить, поболтать. Сережа душой коллектива был... Хотя, может быть, кто-то из них просто искусно маскировался под хорошего товарища, а на самом деле камень за пазухой держал. Но, если честно, нет у меня желания думать так. Все его любили. Знали бы вы, сколько народу на похоронах было...

После этих слов Мулько нахмурился и серьезно задумался о чем-то. Потом спросил:

— А как вам начальник его, подполковник Шаехов...

— Уже подполковник? — уточнила она уныло, без всякого энтузиазма. — Тогда он еще майором был... Шаехов Сережу ценил. Как человека и как работника. Самые сложные дела ему поручал, всегда всем в пример ставил.

— Скажите, Светлана Николаевна, за несколько дней до убийства вы ничего необычного в его поведении не заметили? Может...

Она его перебила, повысив голос:

— Не заметила я ничего необычного! Все было как всегда. Вечером он позвонил, сказал, что задержится, а ночевать не пришел. Утром его нашли уже мертвого... Товарищ майор, перестаньте вы душу-то из меня вынимать, два года назад я на эти же самые вопросы отвечать устала, а теперь опять двадцать пять. Будьте добры, уйдите, дайте одной побыть. Если бы вы знали, как мне тяжело сейчас...

Мулько медленно поднялся.

— Значит, вы говорите, Шаехов ценил вашего мужа?

— Да. А что?

— Ничего, Светлана Николаевна, ничего... Фамилия Камалеев вам тоже, конечно же, незнакома?

Гагарова вздрогнула и с трудом сглотнула. Но мгновение спустя взяла себя в руки и покачала головой.

— Нет, — ответила она вполголоса, — не знакома.

— Вот вам телефоны, по которым со мной можно связаться в случае, если вы что-нибудь вспомните, — он положил листок на стол. — И всего вам наилучшего.

Когда Гагарова его провожала, Мулько обратил внимание, каким взглядом она смотрит на полочку с телефоном. Создавалось впечатление, будто она уже сейчас

готова схватить трубку и набрать одной ей известный номер.

Мулько вышел за порог, сделал несколько шагов, а когда за спиной щелкнул замок, осторожно вернулся к двери и приложил ухо к косяку.

— Это я, — услышал он через несколько секунд. — Только что ко мне приходил какой-то эфэсбэшник... Да-да, Стеклов его фамилия. Он говорит, у них есть подозрения, что Сережу убил кто-то из своих... Именно. И еще он спрашивал, не знакома ли мне фамилия Камалеев... Разумеется, я ответила «нет». Я звоню, чтобы...

Дослушать Мулько не дал скрежет открывающегося замка соседней квартиры. Майор быстро отошел от двери и направился к лестничной площадке. В подъезд вышла преклонных лет женщина. Она недолго поколдовала с ключами, запирая свое жилище, а затем шаркающей походкой зашагала в направлении лестницы.

— Здравствуйте, бабушка хорошая, — обратился к ней Мулько, изобразив на лице радушную улыбку. — Что это со Светкой нашей творится непонятное. Неужто до сего дня Сережку своего оплакивает?

Старушка посмотрела на него в высшей степени подозрительно, пытливым взглядом окинула с ног до головы и спросила:

— А ты кто будешь-то, мил человек?

— Да одноклассник я, бабушка. Почти друг семьи.

— Что ж это ты — друг семьи, а не ведаешь, какое такое несчастье у ей стряслось?

— Так ведь не было меня долго в городе, на севера за длинным рублем мотался. Три года, как уехал, только вчера вернулся. Откуда же мне знать, что у нее стряслось такого. А сама ничего не объяснила. В слезах вся дверь открыла: «Потом, — говорит, — зайди, Сашка. Не до тебя сейчас...» Скажи мне, бабуля, что случилось у нее?

— А что ж это ты, мил человек, говоришь — с севера приехал, а сам черный, будто негр, будто в Африке всю жизнь и прожил?

Мулько едва не рассмеялся. Как ловко эта бабуля подцепила его на такой ерунде!

— Я, бабушка хорошая, с Ямала прямым в Сочи рванул. Деньжат маленько потратить, море посмотреть, ну и все остальное там же.

Она осуждающе покачала головой.

— Вот ты там деньги тратил, на море смотрел, а у Светки сынишка при смерти, почитай вторую неделю уже.

— Поподробнее, бабушка, — потребовал Мулько, нахмутив лоб.

— А чего там дробнее-то. Поехал мальчишка к деду в деревню, в речке, в холодной воде пересидел и двухстороннее воспаление подхватил. Возвратился — температура под сорок, дальше — хуже. Последнюю неделю в бреду провел, без сознания, и только сегодня первый раз в себя пришел. Светку-то в больнице сестра ейная подменила, чтобы девка выпалась, вот она домой и вернулась. Поэтому только ты застал ее сегодня. Сочи, море... А-а, — она махнула рукой. — Все вы, мужики, на один хрен...

Из прохладного смрада загаженного подъезда Мулько вновь погрузился в невыносимо липкое пекло. Он постоял немного на бетонном крыльце, достал мобильный и набрал номер Тарасова.

— Что у тебя нового? — спросил Мулько.

— Ничего, Александр Иванович. Тропинин покидал офис лишь однажды — мотался в Управление налоговой полиции. Там он пробыл около сорока минут, а после вернулся к себе. Больше никуда не выезжал.

— Хорошо, тезка. Я сейчас направляюсь в «Бастион развлечений», и если Юрий Михайлович надумает туда наведаться, дай знать. Ну, все, отбой...

...Он попал в заведение через служебный вход, тот самый, которым накануне пользовался Тропинин. Внутри никого не было. Откуда-то доносились ароматы приготавливаемой пищи, за тонкой перегородкой полным ходом шла разгрузка спиртного.

Стеклопанельная кабинка охранника пустовала. Сам охранник отлучился, но, очевидно, ненадолго: дверь в его келью оставалась приоткрытой. Мулько вошел и осмотрелся. Почти полстены занимал стенд с запасными ключами от помещений «Бастиона». На каждом ключе имелся брелок с порядковым номером. Все брелки были однотипные — пластиковые, зеленого цвета, и лишь один среди прочих бросался в глаза. Это была тяжелая латунная бляшка, выполненная в форме розы ветров. Мулько

повернул к свету лицевую сторону брелка, прочитал номер на нем. Судя по первой цифре и по расположению ключа на стенде, кабинет Золотова находился на втором этаже. Майор опустил ключ в карман и, спешно покинув пост охраны, отправился на поиски лестницы...

Поднявшись на этаж выше, Мулько без труда разыскал интересующую его дверь. Толкнул ее и оказался в просторной приемной.

Секретарши на месте не оказалось. Вместо нее Мулько увидел двух молодых мужчин крепкого телосложения в строгих костюмах. Парни сидели на широком диване и вполголоса о чем-то переговаривались. При виде майора оба они как по команде поднялись, сделали шаг вперед.

— Вы к кому? — почти вежливо осведомился один из телохранителей, коротко стриженный блондин с неприятным взглядом бегающих глаз и шрамом на левой щеке.

В ответ Мулько молча кивнул на дверь кабинета.

— К сожалению, Геннадий Евгеньевич принять вас не сможет. Сильно занят, — гнусавым голосом «обескуражил» майора второй страж — косматый шатен с массивной челюстью. — А как вы вообще сюда...

В ту же секунду дверь кабинета открылась и на пороге возник его обитатель. Он был приблизительно одного с Мулько возраста, изящно сложен, одет в дорогой костюм для деловых встреч. Высокий лоб его прикрывала слегка выющаяся прядь русых волос, взгляд умных серых глаз казался очень чем-то озабоченным. Золотов поочередно посмотрел на всех собравшихся, ненадолго задержался на майоре, после обратился к телохранителям:

— Где Наташа?

— Вышла она, Геннадий Евгеньевич, — ответил блондин со шрамом. — Буквально на две минуты.

— Понятно. Значит, Игорь, заводи, через пять минут выезжаем. — Золотов повернулся к патлатому: — Ты остаешься. Прибудет делегация из Кишинева, объяснишь ситуацию, скажешь, чтобы подождали. Ждать они будут, деваться им некуда.

— Геннадий Евгеньевич, — шатен кивнул на Мулько, — человек к вам просился, но мы, естественно, не пустили. Распоряжения будут?

Золотов еще раз посмотрел на Мулько.

— Вы по поводу гастролей группы...

— Нет, я не по поводу гастролей, — холодно ответил Мулько. — Я по другому поводу.

Золотов поморщился.

— Мне не нравится ваш тон, любезный. Кто вы? — Он посмотрел на блондина и поинтересовался: — Снизу звонок был?

Тот покачал головой и развел руками.

— Да мы и сами удивились, Геннадий Евгеньевич...

— В таком случае потрудитесь объяснить, уважаемый, каким образом вы сюда проникли, — раздраженно проговорил хозяин «Бастиона».

— Как и в любое другое место, — усмехнувшись, ответил Мулько. — Пешком по лестнице поднялся. Может быть, мы с вами все-таки зайдем в кабинет и...

Не дожидаясь окончания фразы, Золотов отвернулся от говорившего и небрежно бросил своим церберам:

— Вышвырните его отсюда. Теперь же.

Шатен сделал два шага по направлению к майору, положил ему на грудь широкую ладонь.

— Слышь, мужик, — развязно прогнусавил он, — давай-ка дергай отсюда. Сам дергай, по-хорошему.

И, в подтверждение того, что в случае неповиновения шутить он не намерен, патлатый взял Мулько за ворот рубашки и слегка потянул на себя.

— Ты понял меня, человечешко? — спросил он, будто пытался удостовериться, полностью ли дошел смысл его слов до собеседника.

— Как нельзя лучше, — ответил Мулько.

В следующее мгновение он, взявшись рукой за большой палец бандита, резко, с силой отвел его в направлении противоположном сгибу. Сустав громко хрустнул, патлатый взвыл от нестерпимой боли и опустил на одно колено.

— Ты мне палец сломал, падла! — простонал он, обхватив здоровой рукой поврежденную кисть.

В наступление на помощь товарищу двинулся блондин. Он уже собрался принять боевую стойку, но не успел. Мулько, будучи готовым к ответным действиям с его стороны, провел один из излюбленных своих приемов. С разворота пяткой левой ноги он ударил противника под самое сердце, отчего тот удивленно йкнул и, раскинув руки в стороны, приземлился спиной на жур-

нальный столик из красного дерева. Столик с треском рассыпался на части, бандит на какое-то время потерял сознание.

Но в этот момент вновь дал знать о себе патлатый. Продолжая стоять на коленях и преодолевая адскую боль в правой руке, левой он потянулся к наплечной кобуре за пистолетом. Достать оружие левой рукой оказалось для него затруднительно, и парень на несколько секунд замешкался. Когда же ему удалось наконец вытащить свой «Люгер», Мулько стоял рядом, держа его за волосы. В правой руке майора находилась обыкновенная авто-ручка, за мгновение до этого выхваченная им из подставки на столе у секретарши. И в ту секунду, когда патлатый снял пистолет с предохранителя, Мулько коротким, быстрым движением воткнул наконечник письменной принадлежности в правый глаз бандиту.

Истошный вопль потряс стены приемной. Шатен, выронив оружие, прижал ладонь к пустеющей глазнице. Он завалился на бок, продолжая громко стонать.

Золотов за время схватки не проронил ни звука, не предпринял ни малейшей попытки вмешаться. Он молча стоял, совершенно равнодушно наблюдая за происходящим, и, только когда его телохранитель лишился глаза, на лице Золотова промелькнуло выражение сильнейшей заинтересованности.

В чувство пришел блондин. Он медленно поднялся с пола, с удивлением посмотрел на раненого товарища, перевел ничего не понимающий, остолбеневший взор на Мулько, который как ни в чем не бывало скрестив перед собой руки, примостился на уголке письменного стола. Блондин растерянно уставился на Золотова.

— Убери отсюда этого, — брезгливо распорядился тот, кивнув на патлатого.

— А куда?.. Куда его, Геннадий Евгеньевич?

Босс пожал плечами.

— Ну, в больницу отвези, что ли... — Он повернулся к Мулько и указал ладонью на дверь кабинета. — Прошу-с, милейший. Полагаю, дело, по которому вы явились, заслуживает того, чтобы я вас выслушал.

— Правильно полагаете, милейший, — в тон ему ответил майор.

...Мулько все продумал со скрупулезностью опытного

пройдохи. С минимальной погрешностью он допускал, что Золотова, игрока, привыкшего просчитывать комбинации своих противников на несколько ходов вперед, обязательно заинтригует последняя садистская выходка майора. Смелая выходка. Смелая настолько, что на первый взгляд представлялась просто глупой.

Сознавая, однако, что со стороны он ничуть не походит на человека, страдающего отсутствием мозгов, Мулько сказал себе: «У Золотова тотчас должна возникнуть масса вопросов, и он не сможет отказать себе в удовольствии получить на них ответы». Ответы же эти, Мулько был больше чем уверен, сей авторитетный бандит намерится получить сам, не прибегая к помощи своих орлов-костоломов, не стараясь под пытками вырвать из уст Мулько требуемую информацию.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Просторный кабинет наполнял яркий солнечный свет, бивший в огромные, с поднятыми жалюзи окна. Абсолютный минимум мебели, светлые обои и несколько картин в стиле импрессионизма.

Золотов не стал усаживаться на свое место за рабочий стол. Он устроился за столом для заседаний, жестом пригласил Мулько располагаться напротив.

— Итак, слушаю, господин-товарищ, — вымолвил он. — Кстати, как мне прикажете вас величать?

Мулько назвал себя. Он сидел подперев подбородок костяшками обеих рук, пристально, с прищуром, глядя в глаза своего визави.

— Меня интересует все, что вам известно о двух последних годах жизни погибшей вчера Ларисы Мулько.

Золотов криво усмехнулся.

— А не боитесь, что я сейчас отдам приказ выписать вам хорошего пинка под зад?

— Нет, не боюсь, — небрежно ответил майор. — Во-первых, этот приказ уже звучал несколько минут назад. А во-вторых, вы просто не сможете успокоиться, пока не получите хотя бы смутное представление, по какой причине я интересуюсь погибшей, состоявшей в близких отношениях с вашим товарищем.

— Вот оно что! Значит, кое-какой информацией владеете... Вы, Александр Иванович, здесь как частное лицо?

— Пока да.

— Пока? Стало быть, позже я запросто могу получить повестку под роспись либо сразу наручники на запястья?

— Скажу откровенно, мне бы этого не хотелось. Нет, правда, Геннадий Евгеньевич, предполагаемый вами вариант в мои планы не входит.

— Гм, любопытно, весьма любопытно. Интересно, почему вы сразу не предъявили удостоверение? Человек бы глаза не лишился.

— Потому, что визит мой носит приватный характер. Как как, получится у нас беседа?

Золотов ненадолго задумался и медленно кивнул.

— Ну, давайте послушаем, что, в частности, вас интересует... Можете курить, табачный дым несколько мне не мешает, хотя сам я стараюсь воздерживаться.

Приняв предложение, Мулько выпустил в потолок струю дыма.

— Как давно служебные отношения между Тропининым и Мулько переросли в сугубо личные? — спросил он.

— Полтора года назад, — Золотов сделал рукой характерный жест, — с небольшой шишечкой.

— А работала она в «Блицкриге»...

— Два года.

— Качество ее работы заслуживало уважения?

— Безусловно. Каким же, по-вашему, образом она столь быстро поднялась по служебной лестнице?

— Возможно, таким же древним, как египетские пирамиды. Вы, конечно же, понимаете, что я имею в виду.

— Мне не хочется понимать похожие высказывания, Александр Иванович. Ушел в мир иной человек, которого я знал только с превосходнейшей стороны. Поэтому данные инсинуации также оскорбительны для меня, как были бы оскорбительны и для Ларисы Аркадьевны.

— Прошу принять мои искренние извинения, Геннадий Евгеньевич, — Мулько прижал руку к груди. — От чистого сердца... Просто сорвалось.

Золотов в знак согласия лишь склонил голову. Но склонил с видом щедрого на подати повелителя.

— Ее карьерный рост — заслуга, в первую голову, самой Ларисы Аркадьевны. Она была даже не талантливым экономистом, она была гениальным экономистом. То, что она за один квартал сделала с «Блицкриг-М» — той

фирмой, куда поначалу устраивалась, — невозможно описать словами. Поэтому Юрий Михайлович и изъявил желание встретиться с нею лично. Ну, а дальше все как по написанному сценарию...

— А как же супруга его? Ведь, по имеющейся у меня информации, он в ней просто души не чает... Нет, только ради Бога, Геннадий Евгеньевич, не пытайтесь разглядеть во мне такого оголтелого моралиста. Я далеко не святоша, просто действительно страшно любопытно.

Золотов изменился в лице и, как показалось майору, на какие-то мгновения ушел внутрь себя. Но быстро встряхнулся и ответил. В голосе его явственно слышалось огромное сострадание, почти скорбь:

— Виктория Сергеевна — инвалид первой группы. Я удивляюсь и буду удивляться, как она до сих пор находит в себе силы на то, чтобы жить. Женщин, сильных до такой степени, я пока не встречал и наверняка уже больше не встречу. Никогда.

Мулько приподнял ладони над столом.

— Больше я этой темы не касаюсь, — объявил он. — Простите... Геннадий Евгеньевич, совсем недавно я лицезрел несколько прелюбопытнейших фотографий. Изображены там... Кто бы вы думали? Лариса Мулько и Вячеслав Рожин. — Майор замолчал наблюдая за реакцией собеседника.

Золотов весь напрягся, на лбу у него собрались резкие складки.

— В каком смысле? — голос его мгновенно охрип.

— В самом прямом. Где-то они обнимаются, где-то за руки держатся, а внизу под каждой фотографией подпись: «Слава и Лариса. Навсегда». Все снимки сделаны перед самым ее трудоустройством в «Блицкриг-М».

— Невозможно. Служба безопасности выясняла все подробности ее личной жизни и ничего такого не обнаружила. Если бы связь с Рожиным имела место, я бы знал. Был у нее учитель, но с ним она порвала как раз перед самым трудоустройством. Это мне известно наверняка.

— Но ведь Рожин далеко не глупец. Он мог встречаться с нею тайно, а вам этого учителя просто подбросить, как червячка на крючочке.

Золотов ненадолго задумался и вдруг расхохотался.

— Нет, кто бы мог подумать, Александр Иванович! А я-то вас поначалу за человека принял совсем неглупого. Старый, издерганный милицейский трюк: сравить меня с Консервой, чтобы наши люди поубивали друг друга. А если этого не произойдет, рассадить всех по тюрьмам и получить за это благодарность от высокого начальства. Bravo, bravo работникам правоохранительных органов!..

Его смех начал постепенно затихать, и Мулько сказал:

— Я вовсе не собирался вас ни с кем стравливать. Сегодня утром я получил информацию о том, что Рожина заказали. Заказ должен быть исполнен не позже сегодняшнего дня. Поэтому вам не смеяться сейчас нужно, а подумать, какие принять дополнительные меры для собственной безопасности. Ведь люди Рожина — как вы его называете, Консервой? — могут запросто сделать поспешные выводы. Как видите, я предельно откровенен.

Золотов перестал смеяться. Он, подозрительно прищурившись, какое-то время смотрел на Мулько, а потом спросил:

— По какой же причине вы столь откровенны со мной? Потрудитесь объяснить.

— Пожалуйста: я хочу найти убийц Ларисы.

— Но вы пришли ко мне как частное лицо.

— Неужели частное лицо не может быть охвачено чувством мести?

— Вы знали ее?

— Очень хорошо. Ее муж был моим лучшим другом. Двенадцать лет назад он погиб.

— Странно, почему-то я не был извещен о ее замужестве.

— Значит, грош цена вашей службе безопасности, Геннадий Евгеньевич.

— Чем же я вам могу помочь?

— Откровенно говоря, кое-кто полагает, что к ее гибели имеет отношение Тропинин, — сказал Мулько, твердо глядя в глаза Золотову.

Тот отрицательно покачал головой.

— Будь к этому причастен Юрий Михайлович, от меня вы не услышали бы и слова правды. А посему ваш визит теряет всякий смысл. Понимаете, это в зрелом воз-

расте мы имеем права выбирать себе друзей. Сначала мы присматриваемся к человеку, оцениваем все его достоинства и недостатки и только потом принимаем решение называть его другом или поостеречься. А если уж назвался груздем, сами понимаете, приходится лезть в кузов, потому что в случае с дружбой — это закон. И неважно, в каком мы находимся возрасте: младенческом или предпенсионном. В детстве же другом можно назвать первого встречного, который подарил тебе жвачку, но тем не менее дружбу с этим человеком придется беречь. Вы думаете я в восторге от Тропинина? Да я его иногда собственными руками убить готов, но... он мне друг, и этим все сказано.

— Давно вы дружите?

— Тридцать с небольшим.

— И он разделяет ваши взгляды относительно дружбы?

— Я не спрашивал. То, что я вам сейчас сказал, — моя личная жизненная позиция. А до остальных людей мне, честно говоря, дела нет. Пусть живут как знают.

— Не боитесь, что такая жизненная позиция в конечном итоге обернется какой-нибудь неприятностью, если вообще не трагедией?

— Нет, не боюсь. Я по складу характера фаталист, а значит, что на роду написано, так пусть тому и быть.

— Позвольте задать вам слегка некорректный вопрос? Золотов кивнул.

— Как вы начинали?

— Вы имеете в виду мои криминальные похождения? С афер со сберегательными книжками. — И, глядя на легкое недоумение Мулько, Золотов пояснил: — Нет, пенсионеров мы не обирали. Схема была такая: на сберегательных книжках совершенно отсутствовали порядковые номера. Их почему-то вообще там не было. На титульном листе проставлялись только номер сберкассы и номер счета вкладчика. У нас существовал канал, по которому мы получали чистые книжки, а также имелись люди, снабжавшие нас поддельными штампами. В строку «фамилия владельца» мы вносили запись, что документ оформлен на предъявителя, проставляли сумму вклада порядка десяти-пятнадцати тысяч, шли на авторынок и покупали там автомобиль. А когда кинутый нами бедолага заявлялся в сберкассу, чтобы снять деньги

со счета, там разводили руками и отвечали, что такого счета либо не существует вовсе, либо оформлен он не на предъявителя, а на вполне конкретное лицо. Мужик, разумеется, сразу в милицию: «Помогите». А там тоже разводят руками, потому что невозможно определить источник происхождения сберкнижки: порядковый номер-то тью-тью. Дела, конечно, возбуждались, да где нас найдешь, если работа велась через подставных лиц. Что мы делали потом с машинами, догадаться нетрудно. Конечно же, продавали по более дешевой цене, чтобы ускорить процесс, а потом все повторялось снова. В те годы люди с легкостью соглашались на такой вид оплаты, потому что в Советском Союзе обывателю и в голову не могло прийти, что подобный способ мошенничества возможен в принципе. Ну, а мы этим с удовольствием пользовались, и то были мои первые шаги по извилистой дорожке неправедной жизни.

— Зато, я смотрю, жизнь-то удалась, — усмехнулся Мулько.

— А что в вашем понимании вообще означает выражение «жизнь удалась»? Ведь пьянчужка, валяющийся под забором, тоже в тот момент думает, что жизнь у него удалась. Он налил в глаза водки, и он счастлив лежать под этим забором, потому как он знает, что завтра у него будет этот же забор. Я, знаете ли, совершенно согласен с девизом, висевшим на воротах «Бухенвальда». Этот девиз гласил: «Каждому свое». Кому-то — могила, кому-то — голод, кому-то — жизнь просто сытая, кому-то — неизмеримо богатая. Мне, к примеру, нужны только деньги, потому что с их помощью я могу получить большую власть, а власть в свою очередь принесет мне еще больше денег. И этот круговорот может продолжаться до бесконечности.

— Вы что-то уж слишком разоткровенничались передо мной, — сказал Мулько.

— А почему бы и нет с хорошим-то человеком? — Золотов хитровато прищурился. — Тем более я знаю, что микрофонов на вас нет. Я знал это еще тогда, когда в первый раз увидел вас в приемной.

— А вы неплохо экипированы. Значит, в приемной у вас установлены сенсоры? Забавно. — Мулько поднял-

ся. — Будем прощаться, Геннадий Евгеньевич? — молвил он, протягивая руку бандиту.

— Именно прощаться, Александр Иванович, — Золотов улыбнулся, отвечая на рукопожатие. — Ведь, как сказал один талантливый человек: «...И каждый раз на век прощайтесь, когда уходите на миг». Не помните, кто?

— Если мне не изменяет память, это сказал Женя Лукашин из «Иронии судьбы...». Да-да, именно Женя Лукашин... Всего вам наилучшего.

Мулько повернулся и размеренным шагом вышел из кабинета. Он хотел полюбопытствовать, что же это нынче за бандиты пошли с претензией на дворянство — он такого бандита увидел. Майор с самого начала был уверен, что никаких сведений здесь не получит. И вовсе не его осведомленность о трогательной дружбе Золотова с Тропининым являлась виной тому...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Снова элитный дом в престижном районе, уютный холл, сверкающий чистотой, и тот же подтянутый охранник, с которым Мулько, как и накануне, перекинулся всего несколькими словами. Выяснив, что особа, интересующая майора, никуда сегодня не выходила, Мулько кивком головы поблагодарил охранника и направился к скоростному лифту.

Выйдя на площадку пятого этажа, он остановился у знакомой двери, один раз коротко позвонил. Не дождавсь ответа, повторил попытку, но опять безрезультатно. В конце концов Мулько полностью утопил кнопку звонка и не отпускал ее, по меньшей мере, секунд десять. Эта попытка также ни к чему не привела.

Майор взялся за ручку двери, слабо потянул ее на себя и нисколько не удивился, когда дверь поддалась. Он вошел и замер, вслушиваясь в тиканье часов в прихожей, но кроме равнодушного бега времени не услышал ничего. Мулько постоял так совсем недолго, а затем принялся осматривать жилище.

Шикарная квартира представляла собой совершенный бедлам. Мебель была перевернута, матрасы и подушки вспороты, вещи, присыпанные слоем пуха, разбросаны по полу во всех комнатах.

Лилю майор нашел в спальне. Она в неестественной

позе, с прикованными к батарее руками, лежала на полу у подоконника. Вся ее одежда состояла из полупрозрачных розовых трусиков. Одного взгляда Мулько хватило, чтобы определить, что мертва она уже несколько часов и что прежде, чем умереть, женщине пришлось вынести нечеловеческие страдания.

Лицо ее искажала застывшая гримаса ужаса, на животе ясно проступали грубые лиловые борозды, грудь испещряли ожоги от сигарет. Рот был залеплен пластырем. Сначала у Мулько создалось впечатление, будто Лилю до смерти захлестали плеткой, но, подойдя ближе, он разглядел на шее сине-фиолетовые пятна. Женщина оказалась задушенной.

Убийцы, по всей видимости, что-то искали здесь, ничего не нашли и занялись истязанием бедняжки. А когда она, не выдержав пыток, призналась, где прячет то, что им было нужно, задушили. Или она не успела ничего сказать? Что они искали? Майор немедленно занялся ощупыванием ящиков шкафов, столов и тумбочек в поисках какого-нибудь секрета наподобие двойного дна или чего-то похожего. Но все поиски оказались тщетными.

Мулько тяжело вздохнул, оперся о подоконник и закурил, обводя хмурым взглядом комнату. Зачем-то взял с подоконника икону Владимирской Божией Матери, заключенную в рамку, повертел ее в руках. К нижней поверхности подставки прилипло несколько пуховых перьев. Сначала это не удивило Мулько: вся спальня была сплошь усеяна пухом. Изодранная подушка сиротливо покоилась в углу комнаты. Но, вдруг почувствовав, что подставка неплотно крепится к рамке, майор сделал небольшое усилие, и рамка с подставкой оказались у него в разных руках. Из паза между самой иконой и задней стенкой на руку ему выпал компакт-диск. Мулько снова перевернул подставку, посмотрел на прилипшие перья и глубоко задумался, с каждой секундой мрачней все больше и больше...

Зазвонил телефон. Мулько не спеша подошел, поднес к уху трубку.

— Слушаю вас, — медленно проговорил он.

— Мне нужна Лилия, — прозвучал раздраженный мужской голос.

— Она в магазин спустилась, за продуктами, — солгал майор. — перезвоните минут через двадцать.

— А с кем я, прошу прощения, имею честь? — недоумевал голос на том конце провода.

— С ее старым знакомым. Вам, должно быть, известно, что у нее очень много знакомых, так вот я — один из них.

— Прекратите морочить мне голову! — раздалось в трубке. — Когда я несколько часов назад от нее уходил, ее холодильник был забит до отказа. А что касается вас, то ни за что не поверю, будто бы она очередного клиента оставила одного в своей квартире. Немедленно позвоните Лилию к телефону или я...

Мулько не стал дожидаться, что пообещает сделать его невидимый собеседник, и нажал на рычаг.

Итак, причиной, по которой убили Лилию и его жену с сыном, являлось, возможно, существование этого компакт-диска. Какую информацию нес на себе диск, Мулько пока не знал, но надеялся выяснить это еще до наступления полуночи.

Он достал трубку, набрал номер Каримова.

— Альберт, необходимо пробить телефон, — без предисловий начал он, когда полковник наконец отозвался. — У меня здесь труп женщины, а ей только что кто-то звонил, но не пожелал представиться... Да, и еще нужен один адресок. Проживать по нему должен некто Храмов Вадим Семенович.

— Так быстро? — вяло уточнил Каримов. — Я о том, что мы расстались немногим более суток назад, а у тебя уже на руках мертвое тело. Кто она, Саня?

— Хорошая подруга Ларисы... Точнее, была ею. Возможно, ты что-то слышал о ней, возможно, и лично был знаком: Лилия Хузина. Вспоминаешь?

— Нет, лично знаком не был, но в разговорах с Ларисой нечто такое проскальзывало. Продиктуй мне номер и жди. Минут через пятнадцать я тебе перезвоню.

Мулько назвал Каримову шесть цифр, светившихся на табло определителя телефонного аппарата, и вышел на лестничную площадку.

Спустившись с пятого этажа обратно в холл, он подошел к охраннику, предъявил удостоверение.

— Один вопрос, молодой человек, — потребовал

Мулько. — Что вы можете сказать о жильцах с шестого этажа, которые въехали сюда три дня назад?

Охранник, казалось, был несколько сбит с толку неожиданной демонстрацией удостоверения сотрудника ФСБ. Он в недоумении нахмурил лоб, а затем воскликнул почти весело:

— Ах, эти! О них ничего не могу сказать, товарищ майор. Единственное, что мне известно, — они молодые супруги. Всё. Остальное покрыто мраком. Тем более что эти молодожены съехали сегодня.

— А точнее?

— Примерно в обед.

— Съехали — это в каком смысле?

— Они снимали здесь квартиру. Говорили, что цена для них подходит, но прожили почему-то всего два дня. Оставили мне ключи, чтобы я передал их хозяевам квартиры.

Мулько помолчал немного и спросил:

— Уходили с багажом?

— А как же! С багажом въезжали, с ним и выехали: два чемодана, оба коричневого цвета.

— Опишите мне их. Мужа и жену, естественно.

— А чего описывать-то? Он лет тридцати пяти, среднего роста, довольно плотный, наверняка бывший спортсмен. Она — ниже его на полголовы, лет на пять моложе, ужасно симпатичная. Просто красotka! Ну, что еще?..

— Пока довольно, — оборвал его Мулько, выкладывая на стойку фотографию Нинель Сорокиной. — Не похожа?

Охранник внимательно всмотрелся в изображение и отрицательно покачал головой.

— Нет. Тоже, конечно, красotka, но не она. Эта — блондинка, а у постоялицы волосы были рыжими. Да и разрез глаз совсем не тот, подбородок чуточку острее... Нет, определенно не она.

— Ну, хорошо. — Мулько убрал карточку в карман и вытянул руку ладонью вверх. — Давайте ключи.

— А ордер есть у вас?

— Вы, молодой человек, американских фильмов не смотрелись? — с холодной улыбкой поинтересовался

Мулько. — Это радует... Ордера у меня нет, но его вполне может заменить взвод спецназа. Позвоним?

— К-куда? — растерялся охранник.

— В батальон, чтобы спецназ приехал.

— Думаю, не стоит. Возьмите. — И он протянул майору связку ключей.

...Нужная майору квартира находилась почти в идеальном порядке, разве что внушительный слой пыли на мебели слегка портил общую картину. Блестел чистотой лишь обеденный стол в гостиной.

Мулько прошелся по комнатам, открывая и закрывая ящики шкафов, проверил на кухне холодильник, который оказался совершенно пустым, заглянул в мусорное ведро в туалете. И, брезгливо поморщившись, принялся копаться в ворохе обрывков использованной туалетной бумаги. К счастью, слишком долго заниматься этим ему не пришлось. Уже через несколько секунд Мулько извлек на свет божий два обрывка тонкого синего провода с клеммами на концах и поврежденный разъем входного штекера.

Побросав свои находки обратно в ведро, Мулько вымыл руки и провел повторную беглую экскурсию по всем комнатам. Однако никакой электроаппаратуры, кроме телевизора, в квартире не было.

Когда он выходил на лестничную клетку, в кармане его рубашки запищал мобильный. Выслушав Каримова и попрощавшись с ним, майор спустился к охраннику, вернул ему ключи и снова достал телефон. Бросив взгляд на пластиковый бейдж, болтавшийся у парня на лацкане униформы, набрал «02».

— Алло, милиция? — Мулько продиктовал название улицы и номер дома. — Обнаружен труп женщины. Мертва предположительно несколько часов. Возможная причина смерти — удушение. Кто говорит? Секьюрити говорит... Представиться нужно? Пожалуйста. — И Мулько назвал дежурному имя и фамилию, только что считанные им с бейджа охранника.

Закончив разговор, Мулько посмотрел на ничего не понимающего парня.

— Что ж, сынок, готовься к встрече. Опера будет с минуты на минуту, ну, а мне, к сожалению, уже пора. Удачи тебе...

«А может, майор, ты сгущаешь краски? — рассуждал про себя Мулько, голосуя проезжающим автомобилям. — Попробуй рассмотреть кандидатуру Золотова. По словам Лили, он ее ни под кого не подкладывал, но почему девочка обязательно должна была знать об этом! Золотов вполне мог собирать компромат на клиентов Лили и без ее ведома. Хотя, майор, из твоей гипотезы выпадает одна наисущественнейшая деталь: молодожены сняли квартиру всего за три дня до убийства, а посему давай-ка продолжай придерживаться своей первоначальной версии. Так-то...»

Он остановил такси и назвал водителю адрес...

Нужный дом находился глубоко во дворах, и Мулько потратил около получаса, пока отыскал его.

«Ты мог предвидеть такой исход? — молча спрашивал он себя, приближаясь к подъезду. — Конечно мог, и нечего лукавить. Почему же тогда не оградил ее от рук убийц?.. Ты сам прекрасно знаешь, почему: хотелшний раз удостовериться в правильности своих предположений... Ну, удостоверился? Смерть Лили, майор, была напрасной, и тебе, как никому лучше, известно об этом. Зачем?!.. Передо мною цель: найти тех, кто расправился с моей семьей, и эта цель оправдывает любые средства... Но сегодня тебе никто не отдавал приказа, как тогда, в низовьях Миссисипи... Я сам отдал себе приказ! Отдал его еще вчера, на Даче...»

Тут Мулько грязно выругался в голос и добавил, тяжело вздохнув:

— А ведь я, похоже, и в самом деле старею...

От размышлений Мулько отвлекла разыгравшаяся у подъезда ссора двух супругов. Сначала на улицу, раздраженно что-то бормоча, быстрым шагом вышел мужчина. Он уже отомкнул припаркованный неподалеку автомобиль, когда следом выскочила женщина. Пребывала она в изрядном подпитии, поэтому несколько не старалась контролировать поток брани, лившийся из перекошенных в ярости губ. Руки женщина держала за спиной.

— Ну что, козел, опять к ней собрался?! — закричала она на весь двор. — Конечно, эта фифа водку не лопают так, как я! Давай, вперед, мурло собачье!..

— Может, прекратишь истерику! — огрызнулся муж. —

Весь дом на тебя смотрит, дура ненормальная. — Он посторонился, пропуская двоих мужчин, которые в этот момент подошли к своей машине, стоявшей рядом.

— Разумеется, я ненормальная, — продолжала женщина, истерично хохоча. — Зато паскуда твоя в полном порядке! Вали, ублюдок, и чтобы на пороге нашем тебя не было!.. А знаешь, я наконец-то доперла, почему слово «муж» начинается на «м» и «у». Потому что мудака ты, вот ты кто!!! Мерзавец, тварь, кобель!..

Достигнув самой высокой ноты, она вытащила руки из-за спины, и в одной из них оказалась средних размеров сковородка с остатками застывшего жира.

— О Господи! — устало воскликнул мужчина. — Сковородка-то зачем?

— Сковородка? — Ее губы скривила полная таинственности пьяная ухмылка. — А вот зачем!..

И жenuшка пустила свое орудие напрямик в голову ненавистному супругу.

Однако тот успел пригнуться, и сковорода угодила в лоб одному из парней, которым муж воинствующей ревнивицы несколько секунд назад уступал дорогу. Бедняга охнул, покачнулся и приложил ладонь к рассеченной брови, откуда потекла струйка алой крови. Взором, преисполненным сумасшедшей злобы, он одарил того, кому эта сковорода предназначалась, и процедил, переводя дух:

— Уничтожил бы твою суку!..

— Ну, поехали, поехали, — поторопил его приятель, и бежевая «шестерка», взвизгнув тормозами, скрылась за поворотом.

А виновница инцидента, недовольно фыркнув, объявила заплетающимся языком:

— Повезло тебе, придурок. А теперь катись и не трудись возвращаться.

Картинно развернувшись и едва при этом не упав, она скрылась в подъезде.

Мулька лишь сочувственно пожал плечами...

Дверь квартиры на восьмом этаже майору открыл мужчина лет сорока, в домашних шлепанцах, трико и майке. Был он несколько лысоват, вполне упитан, гладко выбрит. Маленькие глаза на холеном лице смотрели исподлбья, настороженно. Хозяин определенно нервни-

чал, но Мулько пока не мог дать этому объяснение. Завидев сиреневую книжку служебного удостоверения, мужчина засуетился еще сильнее, шире отворил дверь и, впустив Мулько внутрь, принял смиренную позу приговоренного.

— Вы — Хамматов Ильдар Бариевич, — в голосе Мулько не слышалось каких бы то ни было вопросительных интонаций.

— Да, — едва слышно обронил хозяин. — Хамматов — это я.

— Некоторые вопросы у нас к вам имеются. Пройти позволите?

— Проходите, конечно. Но какие вопросы?

Мулько проследовал в комнату, расположился на истертом диване.

— Лилия Хузина. Что за отношения вас связывают? Хамматов пожал плечами.

— Отношения? Да просто дружеские отношения.

Мулько прошелся глазами по предметам небогатой обстановки, снова посмотрел на Хамматова.

— Понятно, что в круг ее постоянных клиентов вы никоим образом не вписываетесь. Как давно длится ваше знакомство?

При упоминании о клиентах Лили лицо Хамматова залила густая краска сильнейшего смущения. Он прочистил горло и ответил:

— Несколько лет. А что?

— В ее квартире вам часто приходилось бывать?

— Да, довольно часто. Последний раз я навещал ее сегодня днем.

— И зачем-то открывали холодильник...

— Открывал... — Тут Хамматов осекся, в глазах его мелькнуло какое-то смутное воспоминание, и он воскликнул: — Так это я с вами говорил по телефону!

— Со мной, Ильдар Бариевич, со мной... А теперь опишите, пожалуйста, обстановку ее спальни. Как можно подробнее. Думаю, вы сможете это сделать, коль утверждаете, что навещали Хузину довольно часто.

— Но я никогда не был в ее спальне. Я же говорю вам, что нас связывали исключительно дружеские отношения.

— Наверное, поэтому вы зарделись, как красна девица, когда речь зашла о клиентах Лилии?

— Я... Да... — Голос Хамматова растерянно забулькал. — Почему?

— Открою один секрет: Лилия Хузина была убита сегодня днем, задушена. Вы можете оказаться последним, кто видел ее живой.

Хамматов мгновенно побледнел, руки его затряслись.

— Я арестован? — пролепетал он.

— Пока нет. Все будет зависеть от того, как вы себя поведете.

— За что ее так?

— Мы это выясним, Ильдар Бариевич, — пообещал Мулько. — А теперь слушаю вас.

— Большая кровать, — начал Хамматов, — с одной стороны кровати — тумбочка, с другой — высокий трельяж, в углу стоит шкаф. На тумбочке и трюмо по светильнику. На окне шторы цвета беж, подоконник — широкий. На полу ковер, светлый и очень пушистый...

— Еще что-нибудь?

Хамматов прикрыл глаза.

— Да, на трюмо, кроме набора косметики, стоит какая-то икона. Ума не приложу, зачем ей икона, Лиля ведь мусульманка... Вы меня прямо сейчас увезете?

— Что за икона? — проигнорировал Мулько последний вопрос.

— Небольшая такая икона. Женщина с младенцем в деревянной рамке.

Мулько извлек из кармана джинсов икону.

— Эта, Ильдар Бариевич?

— Она самая, гражданин майор... Скажите, мне уже нужно собираться?

Мулько покачал головой.

— Будем считать, я получил от вас то, за чем пришел... Ответьте, господин Хамматов, как вам жилось в роли содержанки? Достаточно вольготно?

Глаза Хамматова метнули в майора порцию праведного гнева.

— Как вы смеете! Я любил Лилю...

— Сомневаюсь, Ильдар Бариевич, — невесело усмехнулся Мулько. — Вы только что получили известие о гибели близкого человека, но волновались лишь об одном: брошу я вас для допроса в наш зиндан или же ограничусь беседой на месте.

Подойдя к двери, Мулько обернулся.

— Прощайте, господин Хамматов. Надеюсь, вы не последуете за Лилей слишком скоро...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

— Генерал выехал, — раздался в трубке голос адъютанта Велехова. Мулько вновь сидел в кабинке переговорного пункта и звонил в Москву. — Кто его спрашивает?

Мулько назвал себя.

— Для вас оставлено сообщение. Зачитываю: объект номер один в интересующий вас период обращался в «Центр косметологии» по поводу изменения формы носа, но три недели спустя заявил отказ на операцию. Далее: месяцем ранее объектами два и три были куплены билеты на рейс «Москва — Лос-Анджелес», но на борт самолета они не поднимались. Это все, товарищ майор.

...Итак, Храмов Вадим Семенович. Учитель математики, преподающий неизвестно по какой причине в начальных классах. Удивительный человек, в котором душевная доброта и физическая сила сосуществуют в абсолютной гармонии. Ну, что ж, учитель — значит, учитель... Выбросив сигарету, Мулько вошел в подъезд.

Открывшая дверь юная девчушка с рыжими кудряшками и огромными голубыми глазами, узнав, что дяденька по делу к Вадиму Семеновичу, затараторила:

— Его нет, он в школе родительское собрание проводит. Вернется только после семи. Вы скажите, что ему передать, я передам... Ой, а вы кто будете? — спохватилась девчонка, с интересом разглядывая Мулько.

— Родитель я, насчет своего отпрыска поговорить пришел. Хулиганит он у меня здорово.

— А я знаю, чей вы родитель, — рыженькая хитро прищурилась. — Беляева, наверное. Угадала?

Мулько коротко кивнул.

— Тогда идите в школу. — Она сочувствующе вздохнула и покачала головкой. — Ох и влетит вам сейчас от Вадима Семеновича. Алешка такое сегодня натворил, такое!..

— Может, подскажешь, как там побыстрее найти твоего дядю? Или он папа тебе?

Юная леди картинно наклонила голову, слегка скривила губки, а после бросила несколько небрежно:

— Да и не папа он мне вовсе, он мой старший брат. Всего хорошего, дяденька...

К тому времени, когда Мулько разыскал Храмова, собрание закончилось. Учитель сидел за столом, укладывая в спортивную сумку последнюю пачку тетрадей. Плотного сукна тяжелые гардины на окнах были опущены до самого пола, ученическую доску закрывал развернутый экран, на одной из задних парт остывал слайд-проектор.

Услышав скрип открываемой двери, Храмов повернул голову.

— Вы опоздали, — объявил он, застегивая молнию на сумке. — Ровно на десять минут.

Здесь он внимательнее всмотрелся в лицо Мулько и спросил:

— Чьи родители просили их заменить? Дело в том, что раньше я с вами не встречался.

— Ничьи, — ответил Мулько. — Я не по поводу собрания.

Стоя в дверях, он внимательно разглядывал Храмова. Да, это был тот самый человек, которого майор видел в обществе своей жены на снимках в кабинете Лосева. И человек этот действительно мало походил на школьного учителя. Манера одеваться, прическа, даже тон, которым был задан вопрос, — все это никак не вязалось с пачкой тетрадей в сумке и классным журналом на столе. И не знай Мулько, где работает Храмов, он уверенно отнес бы его в разряд владельцев коммерческих палаток.

— В таком случае, чего вы хотели?

— Поговорить. — Мулько повернулся и запер дверь на ключ.

Он подошел к столу, подвинул стул и уселся напротив Храмова. Несколько секунд помолчал. А потом задал вопрос, который заставил учителя измениться в лице:

— Когда вы последний раз видели Ларису Мулько?

— Почему вы о ней спрашиваете? Что-нибудь случилось?

— Случилось, Вадим Семенович. Или вы телевизор не смотрите? Лариса Мулько погибла вчера, взорвалась

в машине вместе со своим сыном. — Майор сделал паузу. — Так когда вы видели ее в последний раз?

Храмов не отвечал. Он сидел молча, упершись вытянутыми руками в столешницу и глядя прямо перед собой. В этот момент лицо его напоминало осколок скальной породы: такое же серое, холодное и неподвижное. Наконец он медленно поднял голову, мгновенно осипшим голосом извинился:

— Простите, но я оставлю вас ненадолго...

Храмов отсутствовал порядка десяти минут и вошел в класс, лишь когда смог полностью взять себя в руки. Он вернулся на свое место, достал из ящика стола пепельницу. Предложил Мулько сигарету. Прикурив от зажигалки майора, сказал:

— Наша последняя встреча состоялась в позапрошлом году. Она тогда приходила сюда, чтобы забрать Сережины документы для перевода в другую школу, и вся наша беседа ограничилась стандартными приветствиями. Больше я ее никогда не видел.

— Насколько мне известно, отношения между вами были более чем серьезными, дело двигалось к свадьбе. Что произошло, Вадим Семенович? Что могло послужить причиной разрыва?

Храмов неожиданно усмехнулся.

— Вы этим известием просто с ног меня сбили. Голова напрочь отказалась соображать, и я даже не поинтересовался, кто вы. Вы из милиции?.. А впрочем, что я спрашиваю! Кем же вы еще можете быть, если вам о нас известно абсолютно все. От кого, кстати? От Лили Хузиной?

— Я читал дневник Ларисы, — ответил Мулько и положил перед Храмовым развернутое удостоверение.

— Управление Федеральной службы безопасности, майор Мулько Александр Иванович, — вслух прочитал тот и поднял на Мулько совершенно ясный взгляд, лишенный всяких признаков удивления. — Ну конечно, — это вы! Как я сразу вас не узнал, ведь у меня неплохая память на лица. Значит, вы живы. — Он на мгновение умолк. — А хотя ничего удивительного, если учесть то, где вы служите... Плохо одно: знай Лариса о вас всю правду, вчера, возможно, не случилось бы того страшного, что случилось.

— Возможно, — сумрачно откликнулся Мулько. — А вам что, часто приходилось разглядывать наш альбом?

— Я не открывал его ни разу.

— Тогда где вы могли видеть мою фотографию? На могиле?

— Нет, она стояла за стеклом в книжном шкафу. В гостиной.

— Ответь мне Вадим, что произошло в тот день. — Майор обратился к Храмову просто, по имени. Того это нисколько не покорило. — Судя по записям в ее дневнике, ничто не предвещало такого финала.

— Да ничего не произошло. Просто она ни с того ни с сего объявила мне, что нам нужно расстаться. А когда я попытался выяснить причину, начала сыпать оскорблениями, назвала меня мелким проходимцем, все это время игравшим на ее чувствах, и в итоге, рассмеявшись мне в лицо, сказала, что ужасно рада. Рада тому, что ей вовремя удалось разглядеть во мне обыкновенного «охотника за приданым». — Храмов замолчал.

— Продолжай, Вадим, продолжай.

— Сначала я был просто в шоке. Стоял, не зная, куда деть себя от негодования и от чувств, которые испытывал к ней с самого первого дня нашей встречи. А потом... Потом она неожиданно притихла и заплакала. Подошла к двери, вот к этой самой двери, и не оборачиваясь, сквозь слезы сказала мне: «Прости, Вадим. Когда-нибудь ты обо всем узнаешь и все поймешь. И думаю, простишь меня, даже если будет уже поздно. Прощай». И вышла из класса.

— Как ты можешь объяснить этот ее поступок?

— Никак. В одном я уверен твердо: она была вынуждена порвать со мной все отношения. Но кто ее к этому вынудил, не имею ни малейшего понятия...

— Ты знаешь, где она работала последние два года?

— Да. У Тропинина у нашего. Только в то время они не знали друг друга. Лариса пришла в «Блицкриг» некоторое время спустя.

— Почему у «нашего» Тропинина?

— Почему? Да потому что он почти всю республику под себя подмял.

Мулько затушил сигарету и поднялся.

— Спасибо, Вадим, что уделил мне время, — сказал

он. — Но еще одна просьба: нужен компьютер, чтобы просмотреть одну «компашку». Наверняка в школе есть кабинет информатики.

— Поздно уже, — посмотрев на часы, ответил Храмов. — Закрыт он. Но компьютер есть у меня дома, поэтому давайте-ка пойдемте ко мне. Кстати, вы ужинали сегодня?

— Я сегодня даже не обедал, — усмехнулся Мулько...

На ужин Мулько и Храмов получили миску овощного салата, по тарелке пельменей, по куску хлеба и по стакану компота из сушеных яблок. Поставив все это на стол, ружья хозяйшка вопросительно взглянула на брата.

— Еще что-нибудь? — поинтересовалась она.

— Выкладывай, коли есть что. А хлеба-то чего пожалела?

— А вы его купили, Вадим Семенович? — Ехидная улыбка сделала огненные кудряшки их обладательницы еще ярче. — Я же тебе сегодня в школе напоминала. А ты?

Виновато вздохнув, Храмов полез в карман.

— А я забыл, принцесса ты моя. На вот, сходи сама, магазин еще открыт, — он протянул ей деньги.

— Этого мало, братик. Нет, на хлеб, конечно, хватит, а вот на мороженое...

Мужчины не смогли удержаться от смеха.

— Вы одни живете? — спросил Мулько, когда девочка ушла.

Вадим кивнул.

— Отец летчиком-испытателем служил. Погиб, когда Юльке только-только годик исполнился. Мать и раньше-то не пренебрегала стаканчиком-другим красненького, а тут взялась за это дело всерьез. Пила много и подолгу, могла месяцами из запоя не выходить. Через несколько лет деградировала полностью, из дома распродавала все, что можно было продать. Сначала я ее жалел, потом терпел, но в итоге мне ее выходки надоели, и я подал заявление о лишении нашей мамы родительских прав. — Вадим помолчал немного. — А в «наказание» за это она решила нас с Юлькой оставить. Ушла из дома как была — в халате и тапочках, и где она сейчас, мы с сестричкой понятия не имеем. — Тут Вадим спохватился: —

Да что это я! Вы ешьте, Александр Иванович, ешьте. Остынет все.

Едва заметно кивнув, Мулько взял в руки ложку...

На раскаленный город надвигались душные сумерки. В открытую форточку доносился гомон детворы и приглушенный рев автомашин с улицы.

Вернулась из магазина Юлька. Положив пакет с хлебом на холодильник, хозяйским взглядом окинула стол, за которым сидели мужчины. Спросила брата:

— Хлеб отрежешь сам или мне отрезать?

— Уж будьте любезны, барышня, поухаживайте, — отозвался Вадим.

Выполнив его просьбу, она ушла в комнату, негромко включила телевизор.

— А где их, Александр Иванович?.. — спросил Храмов. — Я про Сережку с Ларисой...

— Прямо в центре, на площади Тукая. Заряд был такой силы, что снесло навес над входом в гостиницу и повыбивало стекла на этажах. Их... — Мулько запнулся, — их тел я не видел: приехал туда слишком поздно. Да и смотреть там было бы не на что, больше чем уверен.

— Взрыв как-то связан с ее работой у денежного мешка?

— Есть некоторые предположения, но о них я тебе расскажу, когда тщательно проверю факты. Не ранее.

Храмов отправил в рот последнюю ложку, сделал несколько глотков из стакана.

— В моем сознании это до сих пор не укладывается, — он покачал головой. — Ну, хорошо, пусть эти сволочи решили убить женщину. Но мальчишку-то зачем?! Чем ребенок им помешал, гнидам этим?

— Думаю, что знаю чем, но об этом, Вадим, тоже потом.

Храмов залпом осушил стакан компота, поднялся, налил себе еще. Снова сев за стол, скорбно покачал головой.

— Какой парень рос! Умница, отличник, физкультурник заядлый. Он ведь каждое утро на пробежку выходил, Александр Иванович. Снег, град — ему все нипочем. А машину как водил! От роду восемь лет-то было всего.

— Она давала ему водить?

— Да. То есть не в городе, конечно. Мы регулярно на

природу выезжали, в лесопарк под Ясновожском, там Лариса и сажала Сережу за руль. А рулил он в одиночку, самостоятельно, пока мы с ней полянку накрывали под «бычьим сердцем».

— Под чем, под чем? — сдвинул брови Мулько.

— Место у нас там было. Наше место. «Бычьим сердцем» она называла дерево — искалеченную сосну. Ствол у этой сосны делился надвое, расходился в стороны, и выше эти две половинки срастались вновь. А там, где ствол раздваивался, — дупло. Если смотреть издалека, сосна эта — вылитое сердечко, правда перевернутое. Ну, а бычье... Наверное, потому, что могучее оно, огромное.

Мулько отлично знал это «бычье сердце». Мало того, он был знаком с этим деревом с детства и однажды сам придумал ему имя. А потом познакомил с сосной Ларису. Та поляна была их местом, Храмов опоздал на целую жизнь. Только... Только он ничего не будет говорить учителю, бедняге и так сегодня досталось...

— А примерно за месяц до того, как она ушла, — продолжал Вадим, — я почему-то сейчас вспомнил, — мы стали чаще бывать на нашей поляне. Сережка просто светился от счастья, ведь в каждый приезд туда он брал в руки руль. И каждый раз Лариса просила меня присматривать в машине за мальчишкой, чего никогда раньше не делала, а на мои попытки выяснить причину отвечала, что просто хочет посидеть одна... Мне кажется она уже тогда решила, что нам не быть вместе...

— В ее квартире собрана целая библиотека. Давно она увлеклась чтением детективов?

— Давно. Когда мы познакомились, на книжных полках уже не было свободного пространства.

Храмов замолчал, майор тоже сидел молча. Сумерки становились гуще, за окном настойчиво плакала сигнализация. В комнате приглушенно работал телевизор, в трубах под мойкой булькала вода.

Мулько достал из кармана рубашки мобильный, набрал номер.

— Как дела, Тарасов? Где ты сейчас?

— Отъезжаю от виллы Тропинина, Александр Иванович. Объект сегодня почти не покидал офиса и только что приехал домой... Товарищ майор, меня затребовал

полковник. Сказал; чтобы я срочно прибыл на Дачу, раз уж все равно без дела слоняюсь. Говорит, есть у него для меня срочное поручение часа на два... Где мы с вами увидимся?

— На квартире, тезка. Все, отбой...

Мулько убрал мобильный и достал компакт-диск.

— Как с компьютером, Вадим?

— Пойдемте, — поднялся Храмов.

Они прошли через зал, поблагодарили Юльку и удалились в кабинет учителя.

Глядя, как ловко его пальцы бегают по клавиатуре, Мулько поинтересовался:

— Где ты с этой техникой управляться научился?

— Я факультет ВМК оканчивал, — ответил Вадим. — Здесь, в нашем университете.

— А если вдруг придется пароль взломать, сможешь?

— Это смотря что за пароль. Кое-какие легко вскрываю, над иными потеть приходится, ну, и есть, конечно, такие, которые мне вовсе не по зубам. Но почему вы спрашиваете?

— Да так, к слову пришлось, — неопределенно ответил Мулько. — Ну, мне уже можно садиться?

— Да, пожалуйста, Александр Иванович...

На диске, очевидно, находилась информация о каких-то бухгалтерских операциях. Впрочем, для Мулько не составляло труда догадаться, о каких именно. На экране монитора высвечивались колонки цифр и букв. Приход, расход, остаток. Буквами, по всей видимости, обозначались имена поставщиков и покупателей. Никаких названий или фамилий не было.

— Мне пора, Вадим, — Мулько встал из-за стола. — Спасибо за все. Но есть еще одна небольшая просьба.

— Говорите, Александр Иванович.

— Мне, скорее всего, в ближайшие дни будет недосуг этим заниматься, поэтому сам пройдишь по магазинам или рынкам, — Мулько протянул деньги и листок бумаги со списком. — Купи все, что здесь указано, и обязательно не забудь присоски. Те, какими всякую лабуду на лобовые стекла автомашин крепят.

— Хорошо, Александр Иванович, — Храмов взял деньги. — Как я дам вам знать, что дело сделано?

— Я сам тебя найду.

Телефон в кармане запищал, когда Мулько вышел на улицу. Звонил Золотов. Мулько это несколько озадачило, он не был готов к такому повороту событий. В голосе, доносившемся с другого конца линии, проскальзывала определенная нервозность. Мулько ответил.

— Нам необходимо встретиться, — сказал Золотов. — Прямо сейчас. Вы знаете, где я живу?

— Мне это известно. Могу быть у вас через полчаса.

— Хорошо. Пройдете прямо в ворота, калитка будет открыта. Охрану я удалил, чтобы не было свидетелей вашего появления у меня. Жду.

Мулько подъехал к дому Золотова через тридцать пять минут. Калитка действительно оказалась открытой. Майор вошел во двор и огляделся. Будка охраны пустовала. Пройдя по вымощенной брусчаткой дорожке к входной двери в особняк, Мулько позвонил. Не получив ответа, повторил попытку, но с тем же результатом. Он толкнул дверь и вошел в богатого убранства холл. Во всем доме не раздавалось ни звука.

Мулько позвал хозяина, но никто ему не ответил. Майор достал пистолет и начал осматривать жилище бандита. Нигде не было ни души. Золотов, очевидно, вместе с охраной удалил заодно и всю прислугу.

Покончив с осмотром первого этажа, Мулько поднялся на второй. Он потянул на себя первую же дверь и оказался в комнате такой же пустой, как все остальные, им проверенные. Он уже собирался развернуться, чтобы выйти, но в этот момент получил удар по затылку.

Сначала Мулько показалось, что на него обрушился потолок. Затем он увидел, как в абсолютной темноте далеко-далеко образовался маленький огненный комочек. Этот комочек надвигался на Мулько с сумасшедшей скоростью, с каждым мгновением делаясь все больше и больше, и наконец достиг таких размеров, что совершенно заслонил собой поглотившую Мулько непроглядную темь. Мулько медленно просочился сквозь пылающую оболочку гигантского шара и, оказавшись захваченным ураганом пламени, полетел вниз, глубже и глубже, в самое сердце раскаленной дыры... А потом внезапно вновь наступила темнота, липкая и непривычно холодная.

Сколько он пролежал без чувств, Мулько сказать не

мог. Но, видимо, долго, так как, открыв глаза, на расстоянии двух метров от себя он обнаружил труп Золотова. Мертвое тело лежало на спине, раскинув руки в стороны, во лбу убитого зияло пулевое отверстие. Стена напротив была забрызгана кровью и белыми сгустками мозга: выстрелом Золотову снесло заднюю половину черепа.

Мулько попробовал пошевелить конечностями. Убедившись, что руки и ноги целы, встал с пола и проверил кобуру на поясе. Пусто. Но обе корочки — удостоверение Мулько и подделка Ходжи-Седдата — лежали на месте. Он огляделся по сторонам и только тут понял, что находится не там, где получил удар. По всей видимости, его перенесли сюда уже бесчувственного. В комнате стоял сильный запах табачного дыма, но ни пепельницы, ни окурков видно не было.

Мулько выглянул в окно. Двор и видимая часть улицы были безлюдны, однако майор не обольщался. Он знал: группа захвата будет здесь с минуты на минуту. Время сейчас работало против него, поэтому поисками орудия убийства Мулько заниматься не стал. Хотя и пребывал в полной убежденности, что пистолет с его отпечатками станет фигурировать в деле как улика номер один.

Бросив последний взгляд на труп бандита, Мулько покинул особняк.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вой сирен Мулько услышал, когда находился за квартал от дома Золотова. Он оглянулся и увидел подъезжающие к воротам милицейские «Жигули». В задний бампер «шестерки» «дышал» «ЗИЛ»-фургон с группой омоновцев, за фургоном пристроилась бежевая «восьмерка» с логотипом телекомпании «Глобус».

«Раз ОМОН, значит, по «02» сообщили, что убийца все еще в доме, — подумал Мулько. — Слишком рискованно, а поэтому неумно. Предположим, не успел «убийца» очухаться от удара. Что тогда?»

Повернув за угол, он махнул рукой такси.

«Итак, убит Геннадий Евгеньевич не из табельного ПМ, — рассуждал Мулько. — Убийство, скорее всего, совершено до моего появления в доме. Получи он пу-

лю в то время, пока я находился без сознания, он получил бы ее там, где меня оглушили. И убийце незачем было бы переносить мое бесчувственное тело в другую комнату, поближе к труп. Ну, а трогать труп он вообще не имел права, так как этим самым тотчас снял бы с майора Мулько все подозрения. Тогда зачем ему понадобилось забирать «Макаров»? Хотя ответ здесь очевиден...»

Стемнело. Канареечного цвета «Волга» двигалась по залитым ночной иллюминацией улицам Ясновожска. В открытые окна машины врвался сухой, теплый воздух сентябрьского вечера.

Таксист по просьбе Мулько уже больше часа кружил по городу. Майор то и дело оборачивался назад, пытаясь определить, кто его «ведет». В том, что на хвосте обязательно должен кто-то сидеть, Мулько не сомневался.

Наконец он высчитал своих преследователей. Вели его две машины — красная «девятка» и синий «Москвич». Обе, конечно же, снабжены переговорными устройствами. Когда «Москвич» сворачивал на прилегающую улицу, его место в потоке автомобилей занимала «девятка». Какое-то время спустя, чтобы себя не обнаружить, водитель «девятки» сообщал напарнику свои координаты, рекогносцировка проводилась снова, и так из раза в раз, этап за этапом. Работали они вполне профессионально, хотя, как сказал бы Мулько, «без души». Не было в их действиях некоего лихачества, задора, какими сам майор нередко себя баловал, когда ему приходилось вести объект.

Мулько попросил водителя остановить у ближайшего бара, расплатился и, выйдя из такси, спустился по ступенькам в погребок. Синий «Москвич» остался «караулить» его чуть поодаль.

Посетители почти отсутствовали. Всего несколько человек сидели за столиками да две парочки на пяточке слева от стойки исполняли танец под заунывную мелодию старого блюза. Бармен, которому нечем было заняться, разгадывал кроссворд у себя за стойкой, рядом неслышно работал телевизор.

Мулько подошел, устроился на высоком табурете, заказал рюмку коньяка. Он расположился таким образом, чтобы в поле видимости попадали входная дверь и боль-

шая половина зала. К тому времени как Мулько осушил рюмку, музыка стихла, танцующие заняли свои места за столиками. Майор поинтересовался у бармена, когда начнется выпуск региональных новостей, и тот молча переключил программу, предварительно увеличив громкость.

«...знают все, — прозвучал голос Маргариты Суворовой. — Происходящее сегодня начинает наводить на мысль, что на дворе опять девяностые. Снова гремят взрывы, раздаются выстрелы, снова гибнут люди. Как известно, война — последнее средство дипломатии. Когда соперничающие стороны не могут договориться полюбовно, начинает литься кровь, и последние события — наглядное тому подтверждение. Да, криминальные структуры развязали в городе войну за передел собственности. Да, борьба за сферы влияния достигла наивысшей отметки, и как долго она продержится на этом рубеже, никому не известно.

Вот несколько первых эпизодов кровавой бойни. Первых, потому что, как уверены в правоохранительных органах, убийства еще будут, и будет их немало.

Итак, вчера сразу после полудня, на стоянке у отеля «Республика» прогремел взрыв. На воздух взлетел автомобиль «Пежо», в котором находились женщина и ее одиннадцатилетний сын. В багажнике искореженной машины был найден оплавленный полиэтиленовый пакет с остатками героина. Экспертиза установила, что в пакете находилось около килограмма наркотика.

Далее, вечером того же дня взорвалась еще одна автомашина — серебристый «БМВ», принадлежавший некоему Вячеславу Родину, в определенных кругах более известному под кличкой Консерва. Хозяин машины погиб. И снова в багажнике обнаружен килограмм героина.

А за несколько минут до выхода программы в эфир пришло сообщение еще об одном убийстве. В своем доме застрелен известный криминальный авторитет Геннадий Золотов. Преступление было совершено всего два часа назад, но оперативники уже взяли след. На месте убийства обнаружен пистолет «Беретта» калибра девять миллиметров с глушителем, и теперь милиция разыскивает владельца...»

Мулько увидел на экране свой фоторобот. Изображе-

ние, конечно, имело лишь отдаленное сходство с оригиналом, но те, кому приходилось общаться с майором хоть раз, вполне могли бы его опознать.

«Отпечатки пальцев, снятые с орудия убийства, в базе данных МВД не значатся, — продолжала Суворова, — личность подозреваемого пока не установлена. Следствие, однако, располагает информацией, что он нередко представляется майором Стекловым и предъявляет для этого соответствующие документы, разумеется, поддельные. Поэтому к тем, кто когда-либо встречался с этим человеком или знает его настоящее местонахождение, убедительная просьба позвонить по указанным телефонам...»

«Значит, ты, майор, оказался прав, — сказал себе Мулько. — Твой пистолет не есть орудие убийства. Золотова уложили еще до твоего прихода, и звонил он тебе, надо думать, под дулом той самой «Беретты».

Голос Суворовой зазвучал снова:

«Но на этом перечень смертей на сегодняшний день не заканчивается, хотя, как полагают в милиции, два последних эпизода к бандитской войне отношения не имеют.

Из окна восьмого этажа выбросился мужчина. Перед смертью он оставил записку, в которой признался в убийстве любимой женщины. Зверском убийстве, совершенном на почве, цитирую, «наижутчайшей ревности». В своем последнем письме погибший подробно описал то, как истязал жертву, свою бывшую возлюбленную, и как потом задушил ее. Но прежде чем приступить к издевательствам, он перевернул вверх дном всю квартиру в поисках доказательств ее неверности, однако ничего не нашел и все-таки начал и закончил то, для чего туда явился...»

Мулько отвлек бармена от его кроссворда, попросил вновь наполнить рюмку.

«Что ж, с Хамматовым поступили вполне логично. Оставлять его в живых было чревато. А ну как этот проныра Мулько возжелает еще раз навестить Ильдара Бариевича! Гм, да уж...»

Тут Мулько услышал шорох позади себя и в следующий момент почувствовал на своем плече чью-то руку. Майор обернулся. Перед ним стояла молоденькая, лет

двадцати — двадцати двух, смазливая брюнетка, одетая в лимонного цвета майку без рукавов, черную мини-юбку и белые изящные туфельки. Через плечо у нее болталась дамская сумочка, пупок девицы, открытый для всеобщего обозрения, обрамляла татуировка — искусно выполненный морской конек. На лице незнакомки блуждала пьяная улыбка.

— Привет, — поздоровалась она заплетающимся языком. — Не узнаешь?

— Привет! — почти радостно воскликнул Мулько. — Не узнаю...

Она с трудом взобралась на высокий табурет, достала из сумочки сигареты.

— И неудивительно. Если честно, вот так, положи руку на сердце, я тебя тоже не узнаю.

Пока она прикуривала, Мулько молчал. Никакой опасности для себя в появлении подвыпившей красотки майор не видел. Он приметил ее за одним из столиков сразу, как только вошел в этот бар.

— Это ничего, что я вот так, бесцеремонно? — поинтересовалась девица, сделав первую затяжку.

— Конечно ничего, золотце, — усмехнулся Мулько. — Кури себе на здоровье.

— А может, тебе одиночества охота? Не спорь, я знаю, в жизни каждого человека бывают такие минуты... А мне вот сегодня компании захотелось. Чистого, непорочного общения, ну, как с тобой сейчас... Ты не против?

Молчанием своим Мулько дал ей понять, что он обеими руками «за».

— Я знала, что ты не откажешься. Тогда, быть может, для начала угостишь меня чем-нибудь? Виски, например, — она указала оттопыренным пальцем на выстроенные в шеренгу бутылки со спиртным. — Во-он тем... Ага?

Майор кивнул официанту, и на стойке появился стакан из тонкого стекла с востребованным содержимым.

— А ты не жадина, — похвалила Мулько его собеседница. — А то иной раз такие скупердяи попадают — хоть плачь навзрыд... Тебя, кстати, как зовут-то?

— Арсений.

— Ну да? — она едва не прыснула в свой стакан. — Вот странное имечко!

— Почему странное? Станными, золотце, люди бывают, а имя, самое большее, может быть редким.

— Да и ты тоже какой-то странный. Как это я раньше не заметила? Я уже почти половину осушила, а ты к своему даже не притронулся.

Мулько приподнял рюмку.

— За знакомство?

— За знакомство, Сеня, — ответствовала девица. — Я — Тамара!

Она сделала два солидных глотка, снова стиснула зубами сигарету.

Мулько молча допил свой коньяк, поставил рюмку перед собой.

— Что ж, Тома, — Мулько показал на свои часы, — к сожалению, мне пора. Прости.

Она окинула майора подозрительным взглядом, смешно наморщила носик.

— Женатик? Ну конечно, женатик! Мало, что ли, женатых мужиков колец не носят. — Тамара вдруг замолчала, критически оглядела майора и разочарованно покачала головкой: — Нет, ты не Стивен Сигал! — и из ее уст это прозвучало как «сударь, вы — не джентльмен».

Она слезла с табурета и, не прощаясь, оставила Мулько в полном одиночестве.

Майор повернулся к бармену.

— Где у вас служебный выход?..

У двери он оглянулся и увидел, что его недавняя знакомая висит на каком-то пареньке, и вместе они пытаются исполнить нечто похожее на танец.

Черным ходом покинув кафе, Мулько оказался в темном захламленном дворике, узким проулком соединявшемся с улицей, параллельной той, на которой синий «Москвич» оставался ждать появления объекта слежки. Выйдя на проезжую часть, Мулько огляделся. Красной «девятки» поблизости не наблюдалось. Он прикурил сигарету и двинулся вперед неспешным шагом, изредка останавливаясь у освещенных витрин магазинов, у витражей коммерческих киосков или же просто приседал на корточки, чтобы затянуть потуже якобы развязавшийся шнурок. Со стороны он походил на обывателя, совершающего ежедневный вечерний моцион.

Народа вокруг нисколько не стало меньше. Казалось,

весь город оставил свои квартиры и высыпал из прогретых за день стен на улицу, в духоту сентябрьского вечера, на медленно остывающий асфальт. Теплый воздух был наполнен ребячьим смехом и музыкой, доносившейся наружу из распахнутых настежь окон.

Выбросив сигарету, Мулько подошел к очередному ларьку, купил порцию мороженого и, усевшись на лавочку, принялся с беспечным видом озираться по сторонам. «Эх, ребятки, ребятки! — подумал он, мазнув взглядом по высоченному, широкому в плечах парню, одетому в ярко-зеленую болоньевую ветровку и вязаную шапочку ядовито-красного цвета, надвинутую почти на самые брови. Парня этого Мулько заметил сразу, как только, выйдя из кафе, оказался на широкой освещенной магистрали — За кого же вы меня здесь держите, милые?! За школьника?» Покончив с мороженым, Мулько поднялся и быстро пошел в сторону ближайшего перекрестка.

Поворачивая за угол, он краем глаза увидел, что детина в зеленой ветровке не отстает, однако заданную дистанцию держит. Ту же картину Мулько созерцал и на втором, и на третьем, и на четвертом перекрестках. Прошло не менее получаса, прежде чем он отвязался от горе-филёра. Покружив по бульварам и переулкам еще порядка пятнадцати минут и убедившись, что «красная шапочка» сброшена с хвоста, Мулько нырнул в первую же подворотню и, притаившись за мусорным контейнером, стал ждать. Занятием это оказалось недолгим.

Не прошло и минуты, как в темноте раздались быстрые легкие шаги. Преследователь остановился возле контейнера, за которым прятался Мулько, и стал суетливо оглядываться в поисках своего объекта, подевавшегося неизвестно куда. Дышал он тяжело и прерывисто, очевидно, курильщиком был заядлым. Мулько из своего укрытия рассмотрел его хорошо: ниже среднего роста, в темных брюках и темной рубашке с коротким рукавом.

Трюк, который пытались исполнить севшие майору на хвост, был стар как мир. Суть его в том и заключалась, что преследуемый, пытаясь оторваться от «пустышки» — первого филёра, сразу бросающегося в глаза своей одеждой либо каким-то физическим недостат-

ком, — совсем упускает из виду второго, этакую неприметную «серую мышку». И когда он начинает думать, что наконец-то отделался от «хвоста», то успокаивается и, сам того не ведая, выводит настоящего преследователя в искомую точку. Однако сегодняшние «прилипалы», видимо, просто не учли, что с Мулько такие фокусы не проходят.

Подождав, когда мужчина повернется к контейнеру спиной, майор неслышно, кошачьей поступью, сделал два шага вперед и кулаком нанес ему резкий, короткий удар в основание черепа. Преследователь сразу обмяк, рухнул на колени, а потом медленно повалился на бок. Мулько быстро обыскал лежащего без сознания человека и извлек из заднего кармана брюк красную книжечку служебного удостоверения. Пистолет из кобуры, висевшей на поясе, он доставать не стал.

— Министерство внутренних дел, — вполголоса прочитал майор. — Что и следовало ожидать... Только вот кто командует этими друзьями? Мой сегодняшний служит в...

Мулько прочитал фамилию владельца удостоверения, которая ему ровным счетом ничего не сказала, и название РОВД, где служил лежащий перед майором сотрудник.

— Старший участковый инспектор... Гм, интересно...

Положив корочку в нагрудный карман рубашки милиционера, он оставил бедолагу приходить в себя в одиночестве...

От слежки Мулько избавился, и теперь перед ним остро стоял вопрос ночлега. О том, чтобы ночевать в одной квартире с Тарасовым, не могло быть и речи: Каримов тотчас заберет назад обещанные вчера десять суток и завтрашним же рейсом отправит майора в Исламабад. О том, что Мулько находится в розыске, полковник, естественно, уже осведомлен. Обратиться за помощью к Добрику? Тот, конечно, не откажет, но форс-мажорные обстоятельства могут здорово навредить Студенту. Гостиницы и вокзалы отпадают категорически, а посему остается единственный мало-мальски приемлемый вариант: воспользоваться любым садовым домиком, который удастся взломать. Благо на дворе сентябрь, и добрая половина дач уже пустует.

Размышляя о том, где без особого риска он может провести ночь, Мулько не заметил, как поравнялся с сооружением, возведенным в стиле триумфальной арки. Разумеется, дальнюю родственницу с площади де Голля красные эти ворота напоминали лишь отдаленно и отличались от нее как размерами, так и внешним видом своим. Да и причиной, по которой они были воздвигнуты, являлась вовсе не победа в каком-то судьбоносном сражении, а всего-навсего столетняя годовщина со дня основания Казенного завода. Это название ему дали триста с лишним лет назад, о чем сообщала высеченная в верхней части сооружения надпись. Предприятие, на протяжении трехвековой своей истории выпускавшее военную продукцию, выпускает ее и сейчас, а арку, построенную в честь столетия завода и выкрашенную в кирпичный цвет, в Ясновожске так и называют: Красные ворота...

Мулько остановился, осмотрелся вокруг. Все здесь было в точности так же, как и в тот день, когда Лиля познакомила его с будущей женой. Не изменилось ничего. Те же пятиэтажки сталинской постройки, тот же Дворец культуры имени Десятилетия республики и тот же небольшой парк отдыха рядом. Даже попрошайка в грязном коротком плаще, сидевший неподалеку от входа в булочную, казалось, был тем же самым попрошайкой, что сидел здесь много лет назад.

Мулько подошел, положил в широкополую шляпу нищего пятидесятирублевую купюру, присел на корточки.

— Куришь? — спросил он беднягу, вынимая из кармана пачку сигарет.

Старик окинул Мулько внимательным взглядом.

— Да уж не побрезгую.

Он взял предложенную сигарету, переложил из шляпы в карман «свежую» пятидесятирублевку.

— Давно сидишь? — поинтересовался Мулько.

— С полудня.

— А вообще?

— Третьего дня двадцать годков исполнится, — ответил старик, глубоко затягиваясь. — Юбилей... Давно с югов-то?

Мулько усмехнулся.

— Как определил?

— Загар у тебя не наш, — нищий поскреб жиденькую бородку, — южный загар. А сезон нынче подходящий, бархатный сезон. Вот и сделал я вывод.

— Да ты глазастый, дед.

— Посиди-ка с мое... Я вот гляжу на тебя, мил человек, и думаю: на бандита из новых, из отморожков, ты не похож, дань, выходит, выколачивать не станешь. Но ведь не зря же ты подсел ко мне и полтинник свой не просто так истратил. Или стряслось что?

— Угадал, дед, стряслось. Ночевать сегодня негде мне. Может,пустишь до утра? Живешь-то, полагаю, не под ступеньками?

Старик обнажил в улыбке крепкие белые зубы.

— Правильно полагаешь, мил человек. За двадцать-то лет на квартирёшку умудрился скопить. — Он посмотрел на большие часы у троллейбусной остановки. — За мной подъехать должны, тогда и двинем с Богом. А пока прогуляйся до ларька, прикупи чекушечку на дорожку...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Теплое солнечное утро было для Аркадия Добрика мрачным и ненастным. Завтракал он в дурном расположении духа, аппетит почти отсутствовал. Жена его то и дело отвлекалась от просмотра утренних новостей и с тревогой поглядывала на мужа, который, уставившись в одну точку, рассеянно ковырял вилкой давно остывший омлет.

— Что с тобой, дорогой? — спросила она. — Что случилось?

— Случилось кое-что. Но вопросов лучше не задавай, все равно не отвечу. Пока...

— Почему «пока»? Это как-то связано с вчерашним сюжетом Суворовой?

Добрик невыразительно пожал плечами.

— Сюжет здесь ни при чем; с чего ты, собственно, так решила? Просто на работе, похоже, грядут большие неприятности.

— Но...

— Все, милая, молчок! — он негромко хлопнул по столу ладонью. — Повторяю, эта тема пока не обсуждается.

Она посмотрела на мужа с нескрываемой обидой, вынула из его руки вилку, положила ее рядом с собой.

— Вчера я нечаянно подслушала твой телефонный разговор с Маргаритой, — объявила она. — Ты что, в самом деле знаком с этим киллером?

Добрик устало вздохнул.

— Знаком. Только никакой он не киллер. Он просто хороший человек.

— Тогда ответь мне, дорогой, много ли ты знаешь хороших людей, которые таскают с собой пистолеты с глушителями?

— Ни одного. Ему, кстати, тоже глушителем пользоваться незачем, у него имеется табельное оружие.

— Он милиционер?

— Не совсем. Послушай, давай отложим этот разговор до лучших времен, до тех пор, пока...

— До тех пор, пока тебя в тюрьму не посадят? Хорошо, давай отложим. Тем более что времена эти уже не за горами. — Тут она резко изменила тон и почти прокричала: — Что же ты вытворяешь, Аркадий?! Ты должен немедленно заявить о нем куда следует, если не хочешь действительно в тюрьму угодить. Позвони и скажи, где искать его...

— Остынь, успокойся. Я не знаю, где его искать, но, даже если бы и знал, никуда звонить бы не стал. Идет какая-то страшная игра, кто ведет ее, мне неизвестно, и человек этот оказался в центре событий не по своей воле. Он, как мне видится, просто жертва обстоятельств.

— У обстоятельств очень скоро может появиться еще одна жертва, и этой жертвой будешь ты, — снова съязвила жена.

— Разговор окончен, милая. — Он поднялся из-за стола и спокойно, словно не было только что никаких пререканий, спросил: — Ты рубашку погладила?..

«Так убил Золотова Александр Иванович или кто-то другой? — думал Добрик, направляясь к автомобильной стоянке, на которой обычно оставлял свою машину. — Если это он, значит, Золотов, возможно, имеет прямое отношение к гибели его семьи. Если же нет, то здесь два варианта: первый — простая подстава, второй — Мулько оказался на месте преступления случайно... Стоп! А с чего я взял, что он вообще был на месте преступления? Кто мне об этом сообщал? Никто. Да уж, дела... Хорошо, хоть Рита не поспешила сделать милиции никаких заяв-

лений, хватило ума у девчонки. Сегодня нужно будет еще разок их с Васей проинструктировать, чтобы до поры до времени — молчок. Ни к чему сейчас лишнее пустозвонство... Ох, Аркадий, Аркадий, видно, ты и в самом деле в тюрьму захотел!..»

Его не первой свежести «Фольксваген» с тонированными стеклами, дожидался хозяина на своем привычном месте. Добрик окинул автомобиль придирчивым взглядом, поморщился.

— Помыть бы тебя, дружок, — подумал он вслух, открывая дверцу.

Устроившись за рулем, Добрик вставил ключ в замок зажигания и от неожиданности похолодел. Это с заднего сиденья его негромко окликнул Мулько:

— Не оборачивайся, Аркадий. Веди машину обычным маршрутом и не оборачивайся. Тебя пасут.

— Как вы здесь оказались? — спросил Добрик, вырывая на проезжую часть. — А хотя что я спрашиваю!

— Совершенно верно, лишним вопросам сейчас не место... Мне нужны твоя машина и мобильный. Выручишь ненадолго?

— О чем разговор! Забирайте, Александр Иванович.

— Это еще не все. Если можешь, подбрось денег на бензин и карманные расходы. Жив останусь, через несколько дней верну.

— Сколько нужно?

Мулько назвал сумму.

— Ваше положение и впрямь настолько серьезно? — спросил Добрик.

— Как тебе сказать... Но бывало и хуже.

— А эти два взрыва? Они подстроены?

— В каком смысле?

— Да слишком они смахивают на какой-то грубый трюк: в обеих машинах найдено по кило героина... Такое впечатление, что кто-то перед кем-то пытался разыграть представление, да перестарался с эффектами.

Мулько усмехнулся и, покачав головой, проговорил:

— Все-таки жаль, что дал я тебе вольную пятнадцать лет назад. Вышел бы из тебя толк, ох вышел бы!.. Значит, так, Аркадий, прибудем на место — трубу с деньгами положи на переднее сиденье. Окно со своей стороны оставь приоткрытым и, когда выйдешь и включишь сиг-

нализацию, ключи от машины закинь обратно. Только так, чтобы окружающим этого не было заметно. Все понял?

— К чему эти манипуляции с ключами? Оставлю их на своем месте, захлопну дверцу и пойду себе...

— Не спорь, Добрик. Я же сказал, тебя пасут. Кое-кому может показаться странным, что на неохраняемой стоянке ты бросил машину с ключами в замке зажигания. Поэтому делай, как я говорю, и не спорь. Ясно?

— Предельно.

— Вот и умница... Теперь дальше: сегодня к тебе подойдут люди, предъявят удостоверения и спросят, имел ли ты в последнее время контакты с неким майором Стекловым. Что им отвечать, полагаю, тебе известно...

— Конечно. Отвечу, что знать не знаю никакого майора Стеклова.

— И наживешь себе массу неприятностей. Во-первых, по фотороботу меня запросто опознает твоя секретарша, а во-вторых, Суворова и Енукеев были этому Стеклову представлены лично.

— С Суворовой я говорил вчера вечером и попросил ее не торопиться как с выводами, так и с правдивыми ответами. Енукеев в это время слушал нас по параллельному телефону.

— С этой минуты ваш вчерашний разговор теряет свою силу. Так и скажи ребятам. А тем, кто будет спрашивать, отвечайте, что заявился-де вчера какой-то Стеклов, показал документы и стал задавать вопросы об исчезновении предпринимателя Камалеева и убийстве капитана Гагарова. Такой ответ людей с книжечками устроит, можешь мне поверить. Но о том, что мы были знакомы когда-то, в известность их ставить пока не нужно, договорились?

— Договорились, Александр Иванович, — вздохнул Добрик.

На стоянке у здания телекомпании он сделал все так, как велел ему майор. Когда Добрик уже поднимался по ступенькам парадного входа, Мулько увидел, что от бежавых «Жигулей», завернувших на стоянку минуту спустя после «Фольксвагена», отделились двое в штатском и направились вслед за главным редактором.

— Ну что ж, Студент, ни пуха ни пера! — пробормо-

тал Мулько перебираясь за руль иномарки. Убедившись, что оперативники скрылись из виду, он отключил сигнализацию, запустил двигатель и тронул машину с места.

На столе у Каримова зазвонил телефон. Он поднес трубку к уху и услышал голос Мулько.

— Давай без имен, — сразу предупредил тот. — Очень нужно встретиться.

— Да уж догадываюсь, что очень нужно... Я ведь тебя предупреждал, просил не идти на крайние меры, а ты? На весь город ославился... Значит, так, на Дачу тебе соваться не имеет смысла, поэтому давай у меня дома через час. Скажи мне, где находишься, я Тарасова пришлю...

— Стоп, Альберт, стоп! Никаких Тарасовых, дач и частных квартир. Встречаемся в людном месте, без свидетелей, только ты и я. Пусть это будут Красные ворота и, скажем, через два часа. Все, конец связи.

...Назначенное время встречи истекало через несколько минут. Мулько уже около часа дожидался появления полковника, изучая окружающую обстановку. Было довольнолюдно, и перед Мулько стояла непростая задача вычленить из большого количества народа тех, кто находился здесь по приказу Каримова. Майор не сомневался, что Каримов явится на встречу не один, чтобы в случае чего прибегнуть к крайним мерам. А именно: просто скрутить Мулько и отправить его, от греха подальше, в Пакистан.

Он постарался взглянуть на происходящее вокруг со стороны, глазами самого полковника. Поставить себя на его место и пронаблюдать, кто из присутствующих здесь персонажей более остальных бросается в глаза своим неестественным поведением, выпадает из общей мизансцены.

Итак, среди множества спешащих по своим делам людей Мулько выделил лишь несколько человек, которые находились в поле его зрения постоянно. У входа в булочную сидел нищий попрошайка в широкополой шляпе, к которой давно привыкли торговки семечками, что удобно расположились подле своих мешков через дорогу напротив. Относительно участия в этом спектакле нищего Мулько нисколько не тревожился, но это и понятно.

Чуть поодаль, метрах в тридцати от майора, совершала прогулку молодая супружеская чета с детской коляской. На первый взгляд пара как пара — ничего необычного. Возможно, муж и жена даже любили друг друга. В коляске действительно находился ребенок: несколько раз Мулько слышал требовательный крик младенца.

По соседству с булочной располагалось питейное заведение, «конвейер» которого, судя по количеству входящих, работал на полную мощность. Каждый, поправивший свое здоровье, выходил на улицу и тут же исчезал из виду. И только основательно подлечившаяся троица подобающей наружности оставалась у входа в забегаловку и продолжала донимать вновь прибывающих просьбами о предоставлении ей безвозмездных кредитов. Дальше двух-трех рублей дело у мужичков, как правило, не заходило.

И наконец, на автобусной остановке, приютившись на узенькой лавочке, ожидали своего автобуса мужчина и женщина пенсионного возраста. Возле ног у женщины стояла брезентовая сумка-тележка, мужчина сжимал коленями небольшую связку деревянных реек. Собравшиеся на дачу старики, по всей видимости, ждали муниципальный транспорт, так как не удостоивали своим вниманием ни одно из подъезжавших маршрутных такси.

И вдруг Мулько едва не рассмеялся над собственной ненаблюдательностью. Ну конечно, вот они, родные! Как он мог потратить почти час на то, чтобы определить, кто именно страхует Каримова! Стареешь, майор... И, разумеется, эти люди не единственные, наверняка имеется еще несколько человек, рассредоточенных поблизости и готовых ко всему. Но они уже не представляли для Мулько никакой опасности, поскольку теперь он не собирался общаться с полковником лично, а рассчитывал ограничиться лишь телефонным разговором.

...Каримов вышел к месту встречи минута в минуту, поискал глазами Мулько. Сотрудники, которых он отправил сюда сразу после разговора с майором, подали ему условный знак, означавший, что объект не появлялся. Для Мулько, продолжавшего наблюдать за всеми со своей позиции, этот сигнал не остался незамеченным.

Каримов подождал еще пятнадцать минут, но Мулько по-прежнему нигде не было видно.

Телефон в его кармане запищал, когда полковник уже начал беспокоиться, не случилось ли что с майором. Он поднес трубку к уху.

— Ждешь, Альберт? — услышал он голос Мулько. — Не жди, меня не будет.

— Что случилось, Саня?

— Мы договаривались о встрече с глазу на глаз. Ты эту договоренность нарушил...

— Постой-постой, ничего я не нарушал! Послушай...

— Кого ты хотел провести, меня? Та молодая пара с младенцем, что прогуливается сейчас рядом с тобой... Я наблюдал за ними целый час, и за все это время ни мать, ни отец ни разу не заглянули в коляску, чтобы проверить, как там их чадо, не нужно ли ему чего, удобно ли ему. Хотя ребенок несколько раз поднимал крик, я собственными ушами это слышал. А может, у них в пеленки просто бумбокс завернут? — с легкой усмешкой поинтересовался Мулько, но потом спросил совершенно серьезно: — Что происходит, друг? Какая муха тебя укусила, раз нашу дружбу ты собрался превратить в разменную монету?

— Дурак ты, дурак, — горько обронил Каримов. — Насекомые здесь вообще ни при чем, а наша дружба и останется нашей дружбой. Никуда ей не деться... Тебе нужно срочно исчезнуть из страны, пока «серые» не дознались, кто в действительности есть майор Стеклов. А они рано или поздно докопаются, будь уверен. Потом им останется только сличить отпечатки пальцев с «Беретты» с твоими отпечатками, хранящимися в нашей базе данных. О том, что будет дальше, догадаться нетрудно...

— Что же ты предлагаешь? Бросить все и уехать?

— Выходи, Саня. Я знаю, что ты где-то поблизости, раз смог услышать крик ребенка. — Каримов невесело улыбнулся. — В коляске действительно бумбокс... Выходи. Я отправлю тебя в Исламабад, а сам за время, пока ты будешь там находиться, земной шар наизнанку выверну, но подозрения с тебя сниму. Что-то мне подсказывает, что не убивал ты этого Золотова... Где ты? Покажись...

— Я уже не близко, Альберт. И я не выйду. Я догады-

ваюсь, кто меня подставил, и сам попытаюсь очистить-ся. Может, это и займет какое-то время.

Каримов вздохнул.

— Но признайся хоть, где ты находился, пока со мной разговаривал.

— Посмотри по сторонам, думаю, догадаешься сразу.

Сказав так, Мулько, не складывая телефона, отшвырнул его в заросли декоративного кустарника.

Каримов огляделся вокруг и, чертыхнувшись, сплюнул на асфальт. Нищий в широкополой шляпе, сидевший у входа в булочную, когда полковник прибыл на место, теперь отсутствовал...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Доехав до ближайшей уличной колонки, Мулько переоделся, вымыл лицо и руки, умело испачканные грязью. Нищенские обноски он уложил в полиэтиленовый пакет и выбросил в сточную канаву. Затем достал из бардачка телефон Добрика и набрал его рабочий номер. Добрик ответил сразу.

— Это я, Аркадий, — сказал Мулько. — Машина, в принципе, освободилась, так что можешь забирать.

— Пользуйтесь пока. До вечера я отсюда ни ногой — дел по горло.

— Это радует... Как поговорил с операми?

— Как и условились — комар носа не подточит... Но когда они ушли, возникла проблема, похоже немалая. Васисуалий разговаривал с Людой, моей секретаршей, и она назвала ему вашу фамилию. Настоящую фамилию, Александр Иванович. Теперь он сам не свой бегаёт. Снова для него запахло тотальной коррупцией, и не только в милиции, но уже и в спецслужбах. Что мне с ним делать? Запретить ему молчать я не могу, а ваша угроза насчет подвалов сейчас не видится ему столь уж реальной.

— Где он сейчас?

— В приемной сидит, ко мне просится.

— Пригласи его к телефону, Аркадий... Вот что, Василий, — сказал Мулько, когда тот взял трубку. — Хочу предложить тебе небольшую сделку. Ты до поры до времени молчишь обо всем, что тебе недавно удалось узнать, а я взамен обещаю предоставить отличный материал на твою излюбленную тему — тему продажности от-

дельных сотрудников правоохранительных органов. Идет?

— Почему я должен вам верить? — Голос Енукеева был полон неприязни. — Вам, человеку, который каким-то образом связан с организованной преступностью.

Ответил Мулько ледяным тоном:

— Хотя бы потому, что я до сих пор тебя не убил. Как тебе такой аргумент?

— Не слишком-то и впечатляет, — отрезнулся Василий, однако уверенности в его голосе заметно поубавилось.

— Так что насчет нашей сделки?

— Это смотря сколько вы прикажете молчать, господин майор.

— Неделю устроит?

— Много.

— Не торгуйся, Вася, мы не на базаре, — вкрадчиво предостерег его Мулько.

— Тут вот главный хочет вам что-то сказать, а я уже отчаливаю. Ждать буду ровно неделю и... не пытайтесь меня запугать. — И он вернул трубку Добрику.

— Все, все, Василий, свободен, — услышал Мулько. — Александр Иванович я совсем забыл: утром мне по прямому позвонила женщина, представилась Светланой Гагаровой. Спрашивала вас. Просила, чтобы вы, как только получите это сообщение, приехали к ней домой. Дело срочное и очень важное, так она сказала. Она что, имеет какое-то отношение к капитану Гагарову?

— Непосредственное, Аркадий: она его вдова. Молодец, что вспомнил, я немедленно еду к ней...

...У знакомого уже подъезда Мулько увидел крышку гроба и железный крест. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы по размерам крышки определить, кому предназначался гроб. Выбросив сигарету, Мулько скрылся в подъезде.

В квартиру Гагаровой он не стал звонить и не раздумывая толкнул входную дверь. Дверь беспрепятственно отворилась.

Было тихо, лишь из кухни доносились приглушенные голоса: о чем-то негромко переговаривались две женщины. В тесной прихожей, прибранной на скорую руку, в

первую очередь бросалось в глаза невысокое трюмо, занавешенное белой простыней.

— Проходите сюда. — Из кухни к Мулько вышла женщина в темном платке и указала рукой в сторону комнаты: — Здесь он. Здесь наш Владик...

Мулько поздоровался, спросил Светлану Николаевну.

— Она у меня, то есть в соседней квартире. Сейчас подойдет, проходите...

Женщина провела Мулько в комнату, подвела к гробу, в котором лежал мальчик.

— Как живой, — всхлипнула она, промокая глаза. — Кто бы мог подумать, воспаление легких... И это в наше-то время! — Она тронула майора за рукав: — Вы побудьте тут с ним, а мне бы к плите вернуться.

Женщина ушла, оставив майора у гроба ребенка.

«Лет восемь, не больше, — думал Мулько, глядя в неподвижное лицо мальчишки. — А моему было одиннадцать... Или десять? Нет, одиннадцать, и я никогда не увижу его даже таким. Ублюдки... Я доберусь до вас, до всех. И всех по очереди отправлю туда, к ним».

Неожиданно Мулько почувствовал, как на него накатывает удушливая волна эмоций, и несколько раз глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

Ярость и ненависть — никчемные помощники. Они хороши только тогда, когда мститель последним выстрелом ставит кровавый восклицательный знак в деле свершения своего правосудия.

«Нет, майор, ты не стареешь, — встряхиваясь, подумал Мулько. — Ты, дружок, уже состарился, едрена плесень!»

Неожиданно он почувствовал легкое движение позади себя и обернулся. Перед ним стояла Гагарова. Одета она была во все черное, на мертвенно-бледном лице ее резко выделялись глубоко ввалившиеся темные глаза, скорбь и боль утраты в которых заслоняла собою непреклонная, холодная решимость.

— Я хочу вам кое-что показать. Пойдемте со мной, — сказала она и повела майора в квартиру соседки.

Там она усадила его на стул, взяла со стола пульт дистанционного управления, включила видеомagneтофон.

— Смотрите внимательно. Ничего не пропустите...

Разворачивающееся на экране действие любительско-

го видео, снятого, очевидно, скрытой камерой, происходило в чьей-то гостиной. Несколько человек расположились вокруг большого стола. Шло совещание. Всех присутствующих Мулько видел впервые. Всех, кроме одного, сидевшего прямо напротив замаскированного глазка и руководившего этим собранием.

«— Теперь вернемся к Камалееву, — проговорил мужчина. — Мы неплохо с ним поработали, но обстоятельства круто изменились. Другими словами, Фарид Ильдусовича нужно снимать с дистанции.

— Не слишком ли расточительно? — попробовал возразить один из собравшихся. — Камалеев — это курица, несущая золотые яйца...

— Не только расточительно, но и риск немалый, — поддержал товарища второй, сидевший к камере левым боком. (Мулько хорошо его рассмотрел.) — Директор «Сталкера» — фигура. Убийство наделает много шума.

Слово снова взял предводитель собрания:

— Что касается расточительности... Как вам сумма в сотню тысяч наличными? Фарид Ильдусович напоследок обязательно нас ею побалуует. А насчет риска могу сказать, что никакого дела заведено не будет. Камалеев просто исчезнет в неизвестном направлении со своей любовницей и этими самыми ста тысячами долларов. Все необходимые приготовления уже сделаны, и теперь нам с вами просто некуда отступать. Нужно только решить, куда спрятать тело так, чтобы никаких концов...

— А тут и решать нечего...»

Изображение вдруг вздрогнуло, резко сместилось по диагонали, и по экрану пошла мелкая белесая рябь. Гагарова выключила магнитофон, повернулась к Мулько.

— Вы узнали здесь кого-нибудь?

— Узнал. Того, кто сидел в самом центре. Но что все это значит, Светлана Николаевна?

Она опустила взгляд.

— Сергей был с ними со всеми заодно. Незадолго до убийства он проиграл очень большую сумму, влез в долги, чтобы отыграться, и снова все проиграл. Опять влез в долги. За такие деньги его бы убили, он был уверен в этом, потому и решился на шантаж... Хотя и понимал, что, если кассету придется отправить по назначению, тюрьмы не миновать...

— Почему вы лгали мне вчера?

— В тот день, когда нашли тело Сергея, Владика похитили. Какие выдвигались требования, догадаться нетрудно. Я плакала, умоляла похитителей вернуть мальчика, говорила, что понятия не имею, о какой кассете идет речь. Я действительно ничего не знала о ней, пленка попала ко мне позже. Но какое там! Разговор у них был короткий: возвращаешь компромат, получаешь ребенка. Я находилась на грани: убийство мужа, похищение сына. В милицию, по понятным причинам, заявлять не стала, обратилась к своему родному дяде, — она кивнула на выключенный телевизор, — объяснила ситуацию, спросила, что мне делать. Тогда я даже не догадывалась, кто он на самом деле, Сережа меня не посвящал в свои дела. А эта сволочь, нелюдь эта, улыбнулась мне в лицо и заявила: «Вот теперь я действительно верю, что кассеты у тебя нет. Но она может всплыть немного погодя, поэтому хочу сразу предупредить: не делай глупостей. Появится пленка — позвони, за ней подъедут. И еще, если кто-нибудь когда-нибудь станет задавать вопросы в связи с убийством твоего мужа, немедленно поставь нас в известность. Будешь умницей, все в порядке будет и с приемышем твоим».

— С приемышом?

— Да. Владик не родной нам, мы не могли иметь детей... Сережа не мог.

— Однако добрый же у вас дядюшка, Светлана Николаевна. — Мулько умолк на несколько секунд. — О моем вчерашнем визите вы сообщили им по той же причине?

Она подняла на майора изумленный взгляд, скривила губы в полупрезрительной, почти брезгливой улыбке.

— Вы подслушивали под дверью?

— Работа у меня такая, — Мулько безразлично пожал плечами. — Поглядывать, подслушивать да вынюхивать... Как попала к вам кассета?

— После похорон я стала собирать документы, чтобы получить свидетельство о смерти, и в нашем свидетельстве о бракосочетании нашла записку, в которой Сережа все мне объяснял. Там же было указано место, где хранится пленка.

— Почему вы не отдали ее им?

— А вот пусть выкусят! Они у меня мужа отняли, скоты... Я хотела верить, что рано или поздно все они усядутся на скамью подсудимых за какие-то другие преступления, и вот тогда-то, когда никто из них будет не в силах достать моего Владика, я и рассчитывала отослать пленку в УСБ. Только... только видите, как судьба распорядилась! Поэтому я и позвонила вам сегодня... Сотрите его в порошок, товарищ майор, — попросила она жестко, почти потребовала. — Всех их в порошок сотрите!

...Спускаясь вниз, Мулько увидел в окно подъехавшую красную «девятку». Из машины вышли двое и направились к двери. Одного из них майор узнал сразу: только что он мог созерцать его на видеопленке. Мулько заткнул кассету за пояс, прикрыл полой рубашки.

На площадке второго этажа они встретились. Тот, кого майор видел на кассете, показав удостоверение, спросил:

— Стеклов Александр Иванович?

— Он самый, ребята, — ответил Мулько. — Он самый...

Мулько нанес два удара одновременно. Согнутыми указательными пальцами он ткнул в глаз каждому. Противники застонали, корчась от боли, и отступили на шаг. Оба прикрыли лица ладонями.

Не мешкая, рассчитанным резким движением Мулько сломал шею первому, а второго хватил кулаком в висок. Оба рухнули на пол. Первый упал мертвым, второй — без сознания. Мулько бегло обыскал их, переложил пистолет того, что был еще жив, к себе в кобуру и, бросив последний взгляд на тела, заспешил к машине.

Через полтора часа, закончив все необходимые приготовления, Мулько достал телефон и набрал номер. Он терпеть не мог финальных сцен с эффектными аккордами, но сегодня без представления было не обойтись.

— Стеклов говорит, — сказал он, когда вызываемый абонент ответил на его звонок. — Мне нужна «Беретта»... Да-да, та самая, с моими отпечатками, и мой табельный.

— Вам лучше сдать, Александр Иванович, — легкая усмешка.

— Я еще не закончил. Я требую у вас одну улику, а взамен предлагаю другую. При мне находится любопыт-

ная видеозапись, на которой планируется убийство некоего предпринимателя. Хотя до сих пор все кругом уверены, что два года назад он отбыл в неизвестном направлении со своей любовницей и сотней тысяч присвоенных долларов. Как вам такой поворот, Михаил Андреевич?

Лосев молчал. Пауза начала затягиваться.

— Вы должны понимать, что это практически невозможно сделать, — вымолвил он наконец. — Я имею в виду изъятие «Беретты». Могу вернуть ваш табельный, но не более.

— Выходит, мы не договорились. Очень жаль...

— Подождите, не кладите трубку. Где вы сейчас?

— На месте преступления, — ответил Мулько. — Я имею в виду ваше последнее преступление — убийство Золотова.

— Как вы туда проникли? Дом опечатан.

— Помогла излишняя самоуверенность коллег ваших. Особняк попросту не сдали на сигнализацию... Приезжайте один, Михаил Андреевич. Если я почувствую что-то неладное, никакого обмена не состоится. В вашем распоряжении только тридцать минут. — И Мулько отключил телефон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Они стояли друг против друга в бильярдной на втором этаже дома. Оба казались невозмутимыми, но потемневший взгляд Лосева тем не менее выдавал умело скрываемую тревогу. Одет подполковник был в рубашку с коротким рукавом, заправленную в светлые вельветовые джинсы, в руке он держал увесистый бумажный сверток.

— Где она, Александр Иванович? — спросил он.

— Сначала вы.

Лосев выложил сверток на зеленое сукно стола, быстрым движением освободил содержимое от обертки. На стол с громким стуком упали два пистолета: «Макаров» Мулько и девятимиллиметровая «Беретта».

— Они, конечно же, не заряжены, — предположил майор.

— Конечно нет. Кассету, Александр Иванович!

Мулько нажал кнопку пульта, в углу комнаты вклю-

чился телевизор. Просмотрев фрагмент, который когда-то удалось записать Гагарову, Лосев рассмеялся.

— Нет, ну кто бы мог подумать! Хотя такой вариант я просто обязан был предвидеть...

— Предвидеть что?

— Этот Гагаров ни на что в жизни не годился. У него все всегда валилось из рук. Полюбуйтесь, он даже компромат по-человечески не смог состряпать. А я-то переживал!.. Знаете что, Александр Иванович, пожалуй, наша сделка не состоится. Эта пленка, — Лосев кивнул на телевизор, — не может являться доказательством. За намерения не судят, вам это известно. Прежде чем заводить дело, нужно найти труп, а его не найдут никогда. Бетонный фундамент — надежная могила...

— Фундамент, простите, чего?

— Недостроенной дачи Гагарова. — Лосев взял со стола «Макаров» майора, передернул затвор, навел пистолет на Мулько.

— И что это значит?

— А вы не догадываетесь? Вы будете застрелены при задержании. Убийцы ведь нередко возвращаются к местам своих злодеяний, согласитесь... Кстати, как вы догадались, что убийство Золотова — моих рук дело?

— Золотов не курит, а в комнате, где ему разнесли голову, кто-то очень долго курил дешевые сигареты. Вы курите «Приму» — вот я и предположил... Два обезглавленных сотрудника, внедренные к Тропинину, — тоже вы?

— Я, Александр Иванович. Не собственноручно, разумеется, но Тропинин очень хорошо платит за информацию. Очень хорошо.

— Что же вы, не в силах потратиться на хорошие сигареты?

— Привычка, знаете ли. Многолетняя привычка. До поры до времени я был честный мент. Относительно, конечно, честный, да за кем из нас нет мелких грешков! И однажды попался. Дело было плевое, тюрьмой все это не закончилось бы, однако из органов меня бы турнули. С треском. Но, к моему великому удивлению, мне предложили выбор, и я из двух зол выбрал худшее. Теперь вот работаю на Тропинина и всячески скрываю от окружающих свои реальные доходы. Отсюда и дешевый табак и

заношенные брюки, в которых вы меня видели в министерстве... Ну, где же они, в конце концов!

— Подельники ваши? — Мулько посмотрел на часы. — По всей вероятности, уже в наручниках. Дом окружен, за каждым кустиком — спецназовец. Вы остались один, товарищ подполковник, игра закончена.

— Бросьте пистолет, Михаил Андреевич, — спокойный голос Шаехова за спиной Лосева заставил того вздрогнуть. — Не делайте резких движений, бросайте оружие.

Хладнокровие в этот момент изменило Лосеву. Он обернулся на голос, вытянул руку с пистолетом в сторону Шаехова. Два выстрела прогремели одновременно. Пуля, выпущенная из табельного Мулько, который сжимал Лосев, отсекала Шаехову верхний кончик уха; выстрел Шаехова отбросил Лосева на зеленое сукно бильярда, рубашка на его груди мгновенно пропиталась кровью. Лосев был мертв.

Мулько посмотрел на Шаехова. Тот стоял бледный, не опуская пистолета и устремив на оружие удивленный взгляд. Казалось, будто бы это не Шаехов стоит посреди бильярдной — лишь тень его, а сам подполковник находится далеко-далеко отсюда — с пистолетом в руке, в идеально отутюженном кителе, в фуражке с высокой тульей.

«К твоему наряду только орденов не хватает», — мелькнуло в голове майора.

— Товарищ подполковник, — негромко окликнул Мулько. — Марсель Сабирзянович, где вы?..

Шаехов наконец очнулся, опустил оружие.

— Это мой первый, — проговорил он с отсутствующим видом.

— Что «первый»? Труп? Не отчаивайтесь. Убивать тяжело лишь поначалу, а потом все легче и легче...

Мулько кивнул на мертвое тело.

— Мой табельный, видимо, останется пока у вас?

— Разумеется. — Подполковник начал приходить в норму, убрал оружие в кобуру. — Нужны будут ваши показания.

— Не позже завтрашнего дня вы их получите, — пообещал Мулько и громко позвал: — Эй, журналистика! Где вы? Покажитесь!

Неплотно прикрытая дверца шкафа с легким скрипом отворилась, и оттуда показались насмерть перепуганные Енукеев и его оператор, который держал в руках компактную видеокамеру.

— Все сняли?

— Это что еще за явление? — спросил удивленный Шаехов. — Кто такие?

— Это, Марсель Сабирзянович, наша четвертая власть. Всегда в центре событий, рука всегда на пульсе. — Мулько снова повернулся к ребятам: — С тобой, Васисуалий, мы в расчете. Отныне по всем вопросам обращаться только к подполковнику Шаехову, прошу любить и жаловать. — Мулько вновь смотрел на Шаехова. — Кассета, записанная Гагаровым, в магнитофоне, товарищ подполковник... Честь имею, господи!

— Одну минуту, майор. Вчера вы не ответили на мой вопрос. Какая связь между убийством Гагарова и взрывом «Пежо»?

— И в том и в другом случае погибшие работали на Тропинина, Марсель Сабирзянович...

Мулько остановил «Фольксваген» у главного офиса корпорации «Блицкриг», прошагал по вымощенной брусчаткой дорожке к двум массивным колоннам, украшавшим парадный вход. Выглядело здание почти в точности так же, как и два дня назад, вот только отделанный мрамором фасад сегодня не блестел на солнце: выцветшую сентябрьскую лазурь скрыла от глаз плотная копна кучевых облаков, первых за долгие месяцы испепеляющего зноя.

В вестибюле дорогу Мулько преградил дюжий охранник в строгом костюме, поинтересовался целью визита.

— К генеральному, — ответил майор.

— Без предварительной договоренности невозможно. Позвоните, узнайте на месте ли Юрий Михайлович и согласен ли он принять вас.

— Тем не менее я пройду без звонка. — Мулько развернул перед носом охранника «поделку» Ходжи-Седдاتا. — И вас попрошу также никуда не звонить.

Парень пришел в замешательство. По всему было заметно, что нарушать служебные инструкции он не собирается, но и вступать в пререкания с сотрудником

спецслужб охранник желанием не горит. В конце концов здравый смысл взял верх над боязнью получить пощечу от начальства, и парень посторонился, уступая Мулько дорогу.

Приемную можно было бы назвать совершенно пустой, если бы не главная составляющая ее интерьера — хорошенькая секретарша, пудрившая в этот момент свой очаровательный носик. Девушка так увлеклась процессом, что вошедшего поначалу и не заметила. Лишь после того, как он сдержанно откашлялся в кулак, она отложила пудреницу и удостоила Мулько взглядом, который майора едва не рассмешил.

— Вот уж воистину неисповедимы пути Господни, — широко улыбаясь, проговорил он.

— Вы это о чем, мужчина? — с выражением недоумения на лице спросила девица, но, видимо, вспомнив, для чего здесь была когда-то посажена, доложила посетителю: — Юрий Михайлович уже уехал.

— А если мне попробовать постучаться?

Она равнодушно пожала плечами.

— Попробуйте, от двери не убудет...

Договорить ей не позволили раздавшиеся в коридоре звуки торопливых шагов и резкие выкрики. Шум приближался. Когда дверь распахнулась, Мулько увидел стоявшего на пороге Храмова. Учитель был белый как снег, его трясло крупной дрожью, налитые кровью глаза метали молнии ярости.

— Где этот ублюдок?! — Вадим подскочил к двери кабинета, что было силы дернул ее на себя. Дверь не поддавалась. — Где он?!

Секретарша, судя по ее реакции, не была готова к подобного рода сюрпризам. Она вся съежилась, втянула голову в плечи, а будучи и без того роста невысокого, теперь казалась и вовсе миниатюрным созданием. Этакой детской игрушкой, симпатичной куколкой наподобие тех, что служат исключительно для украшения обстановки.

— Полегче, Вадим, — подал голос Мулько и, кивнув на девушку, добавил: — Служащих напугаешь.

— Ах, и господин Мулько тоже здесь! Все собрались! — Он схватил майора за грудки и прорычал: — Где компашка, сволочь?!

Мулько резким тычком в солнечное сплетение заставил Храмова согнуться, после чего обрушил сцепленные в замок пальцы на затылок учителя, точно в основание черепа. Тот повалился на мягкий ковер и затих.

— Помогите мне, — приказал майор двум вбежавшим охранникам, один из которых энергично растирал левую скулу.

Втроем они подняли лежащего без движения математика, понесли его вниз, к машине. Мулько усадил Вадима на переднее сиденье, поблагодарил ребят, сам уселся рядом. Он уже собирался отъехать, когда из подъезда выбежала секретарша и, потрясая чем-то в руке, закричала:

— Мужчина, подождите, ключи! Ключи обронили!

Мулько посмотрел на ключи в замке зажигания, но подбежавшая девушка, бросив ему на колени связку, вполголоса назвала время и адрес.

— Ждите меня там, нужно поговорить. Только этого, — она указала на Храмова, — сначала отвезите к нему домой. Хорошо?

Мулько кивнул, и секретарша изящной походкой скрылась за дубовой дверью подъезда.

...Храмов очнулся, когда они подъезжали к дому учителя.

— Куда мы? — спросил он.

— К тебе домой, Вадим. К тебе домой... Может, объяснишь мне, что означала сия выходка?

— Они похитили Юльку. Позвонили в школу и сказали, что, если к утру следующего дня у них не будет диска, я начну получать сестру по почте.

— Откуда ты знаешь, о каком диске идет речь?

— А я и не знаю. — Храмов потер шею, боль в которой все еще давала о себе знать. — На вашем какие-то цифры, буквы. Может быть, это шифр, может быть, вы с ними в какие-то свои игры играете, а мне моя сестра живая нужна.

— Почему ты решил, что на похищении завязан Тропинин? По телефону этого тебе сказать не могли.

— И не сказали. Это я просто предположил.

Мулько усмехнулся.

— Мне интересен ход твоих мыслей. Поделишься?

— Все очень просто: Лариса работает у Тропинина, погибает при взрыве, а через два дня появляетесь вы с

какой-то компашкой. Сразу после вашего появления у меня похищают сестру, и какое-то время спустя я встречаю вас в офисе Тропинина...

— Ну, дальше, дальше, Вадим. Я просил объяснить, почему ты решил, что похищение Юльки — дело рук тропининской гвардии.

— Не знаю я, — проворчал Храмов. — Но чувствую, Лариса из-за него погибла. И Юльку — тоже он.

— Понятно. Что ж, будем считать эти выводы плодом твоей сногшибательной интуиции. Кстати, моя говорит мне нечто похожее. И теперь по своим местам пусть все расставит время... Покупки, о которых я просил, ты, конечно, еще не успел сделать, — сменил тему Мулько, сворачивая во двор.

— Почему не успел? Все купил, как договаривались. У меня утром два «окна» было. Но для чего это вам, Александр Иванович? Провода, тумблеры, омметры...

— Сопротивление измерять, Вадим. Простое электрическое сопротивление...

На площадке возле квартиры Храмова их уже ждали. Один из парней пытался подобрать отмычку к замку, другой стоял на пол-этажа выше. Тот, что находился у двери, развернулся неожиданно, но Мулько был готов к удару. Левой рукой он перехватил устремившийся ему в челюсть кулак, а правой ударил противника снизу по запястью. Кулак бандита разжался, он выругался и обхватил другой рукой поврежденную кисть. Но уже в следующее мгновение, преодолевая боль, снова бросился в атаку. Сбежавшим по ступенькам вторым бандитом занялся Храмов.

Все четверо дрались, как настоящие профессионалы, без единого звука. Никто из них даже краем одежды не задел дверей соседей. Мулько успел заметить, как работает учитель, и поставил ему твердую четверку; Храмов и в самом деле держался очень неплохо. Однако высшая математика и кибернетика, пусть даже со знанием приемов рукопашного боя, — дело, конечно, серьезное, но умелое владение приемами айкидо оказалось куда серьезней. Соперник Храмова улучил момент и провел удар в солнечное сплетение, а когда учитель, хватая ртом воздух и вытаращив глаза, начал опускаться на колени, па-

рень вывел его из равновесия и легким движением спустил вниз ровно на один лестничный пролет.

Мулько остался с двумя, но ненадолго: через несколько секунд один из противников корчился на полу от невыносимой боли в области сердца. Второй, увидев такой поворот, выхватил пистолет и направил его на майора.

— Ты с ума сошел! — закричал на него приятель. — Убери сейчас же, уходим.

Пока Мулько раздумывал, отбирать ему у парня оружие или нет, второй бандит пришел в себя и наградил майора подленьким ударом сзади, между ног в пах. Потеряв на какое-то время способность дышать, Мулько осел на пол, а нападавшие быстро ретировались, не забыв по пути нанести пару ударов корчившемуся внизу Храмову.

— Довольно-таки сносно, Вадим, — похвалил его Мулько, когда тот, отдуваясь, шарил у двери по карманам в поисках ключей. — Где учился?

— В армии. Службу в ДШБ проходил, там и натаскали. Кое-что, правда, пришлось уже основательно подзабыть.

Тут Мулько увидел, что Храмов вот-вот наступит на сложенный вчетверо лист бумаги. Майор поднял и развернул листок. Прочитав, передал его Храмову.

— Любишься, Вадим, и считай, что день у тебя сегодня сложился удачно.

— «Клоп, рыженькую доставь в Займище, — вслух прочитал Храмов. — Дачный комплекс «Волга», крайний дом у леса, справа от ж/д полотна. Тебя там встретят...» Нам нужно туда, Александр Иванович! — учитель почти кричал. — Немедленно!

— Подожди, подожди, Вадим. Спешка хороша лишь при ловле блох. У тебя до какого времени срок?

— До завтрашнего утра.

— Так вот, до завтрашнего утра Юльку мы оттуда вытащим. Это я тебе обещаю. А сейчас найдется у тебя чего-нибудь выпить?

Пока учитель гремел пустой стеклопосудой в чулане в поисках спиртного, Мулько занялся осмотром купленного Храмовым по его просьбе. Покончив с изучением содержимого сумки, Мулько удовлетворенно хмыкнул: здесь находилось все, что ему было нужно.

В комнату вошел Вадим, держа в руках бутылку, на четверть наполненную водкой.

— Чем богаты, Александр Иванович, — как бы извиняясь, проговорил он. — Насилу эту отыскал. Обычно мы дома спиртного не держим... с некоторых пор.

— И правильно делаете. Водка — враг наш, поэтому мы сейчас ее и уничтожим. Где рюмки?

Храмов сходил за рюмками, мужчины выпили, и Мулько, включив паяльник, принялся за работу.

— Ответь мне, Вадим, — попросил он, опуская наконец паяльника в емкость с кислотой, — что тебе особенно запомнилось в твоем сегодняшнем спарринг-партнере?

— Работает он здорово.

— Согласен. А еще?

— Еще? — Храмов раздумывал. — Ну конечно! Примета у него была: кусок пластыря аж вполовину лба. Асфальт он, что ли, на прочность пробовал?

Мулько усмехнулся.

— Да нет, не асфальт — сковородку.

— Сковородку?

— Ну да. Обычную такую сковородку, на которой мясо жарят. Одна ревнивая женушка вчера в своего «благоверного» метила, а попала в друга нашего. Вот он с пластырем и ходит теперь, как герой с раной.

— Вы с ними знакомы? — удивился Храмов.

— Быть представленным лично чести не имел, но сценку ревности наблюдал воочию... Я, Вадим, это к тому, чтобы ты лишний раз не дергался. Юльку твою мы достанем целую и невредимую. Обещаю еще раз...

Когда Мулько закончил работу, время, назначенное ему секретаршей Тропинина, почти истекло. Майор упаковал в сумку готовый прибор, и они с учителем отправились на встречу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Девушка сидела во дворе, за столиком для игры в домино, рядом с детской площадкой. Увидев подъехавший «Фольксваген» и Мулько за рулем, она махнула рукой, поднялась. По ее лицу было заметно, что она немного нервничает.

— Я просила, чтобы вы ждали меня в квартире и не

просила опаздывать, — заявила она без предисловия. — Вы представляете, что будет, если кто-то доложит шефу о нашем контакте?

Мулько пожал плечами.

— Не имею понятия. И что странного в том, что вас навестили два незнакомца? Или служащие «Блицкрига» лишены права на личную жизнь?

— Ничего странного нет, навещайте кого хотите. Только... только если ваша фамилия не Мулько.

— Может быть, мы все-таки поднимемся? — осведомился майор. — Вот ваши ключи.

Разговаривали они довольно долго. Элла — так звали новую знакомую Мулько — держала в руках большую керамическую чашку, откуда большими глотками отхлебывала кофе. Мулько и Храмов в течение всего времени, пока шла беседа, к своим чашкам не притронулись. Кофе в них давно остыл.

Свой рассказ Элла вела бессвязно, часто перепрыгивая с одного места на другое, поэтому Мулько не единожды приходилось перебивать рассказчицу, чтобы внести необходимые уточнения в ее повествование. Когда она закончила, майор спросил:

— Вы позволите мне закурить?

Элла сходила на кухню, принесла оттуда пепельницу, поставила ее на журнальный столик.

— Давайте-ка подведем черту под вашим рассказом, — проговорил он, сделав первую затяжку. — Итак, за день до своей гибели Лариса Аркадьевна заходила в кабинет Тропинина, заходила в его отсутствие. И пробыла там... Сколько?

— Недолго. Но этого времени хватило бы, чтобы перекачать несколько файлов с компьютера на диск.

— Она заходила туда вечером, уже после отъезда шефа, — продолжал Мулько. — Почему вы позволили ей войти?

Элла неопределенно пожала плечами.

— Я держусь за свое место, поэтому побоялась осложнений. Мне известно, в каких отношениях они находились.

— Однако утром вы доложили шефу о ее визите.

— Конечно. Я не стала спорить с ней, но рассказать ему была обязана. Мало ли что.

— Понятно... Утром Тропинин, узнав, что она рылась в его файлах, пришел в ярость и принялся ее повсюду разыскивать. Он связался с ней...

— ...сразу же. Дверь в его кабинет была приоткрыта, поэтому я слышала, о чем он говорил. Видимо, Лариса Аркадьевна ответила отказом на его требование немедленно приехать, и Тропинин взбеленился еще больше. Он сказал буквально следующее: «Немедленно, сучка, брось все и приезжай, иначе я тебя в котлету разделаю». А закончил так: «Ну, смотри, стерва, сама напросилась. С сынишкой своим попрощаться можешь...» А после обеда приехали из милиции и сообщили, что ее убили.

— Почему вы не сказали операм об этой угрозе?

Элла виновато опустила глаза.

— Вы должны понимать, я простая секретарша, и меня, в случае чего, некому будет защитить. Я просто испугалась.

Мулько сделал две глубокие затяжки, стряхнул с сигареты пепел.

— Тогда почему вы решили открыться мне?

— Не знаю. Просто мне показалось, что вам можно довериться. Вы не предадите огласке наш разговор.

— Причина?

— Вы приходите к Ларисе Аркадьевне родственником и ведете свое собственное расследование. Скорее всего, вами руководит чувство мести. Я угадала?

— Угадали.

— Кто она вам?

— Она была моей женой.

Элла сделала удивленное лицо.

— Я слышала, что Лариса Аркадьевна — вдова, и уже очень давно.

— Это многие слышали, не только вы... У меня к вам просьба, Элла. Приютите нас у себя до тех пор, пока не начнет темнеть. Мы вас не потревожим, будем молча сидеть и смотреть телевизор.

— Ради Бога, Александр Иванович, — она поднялась. — А сейчас извините, мне переодеться надо.

Элла удалилась в комнату, откуда через несколько минут вышла в домашних джинсах и футболке. Собрала посуду со стола, унесла ее на кухню. Когда она вернулась, Храмов спросил у Мулько:

— Разве обязательно ждать темноты? Можно выехать раньше, и как раз, пока приедем в Займище, стемнеет.

— Займище? — переспросила Элла. — Сегодня Тропинин туда собирался. Он говорил об этом по телефону.

— Вы можете передать содержание разговора? — взволнованно спросил Храмов.

— Нет. Я приносила ему документы на подпись, оставила бумаги на столе и вышла. Услышала только, что он должен быть там в десять часов.

— Поэтому ждем, пока стемнеет, — подытожил Мулько. — Раньше десяти делать в Займище нечего... Успокойся, Вадим. Я знаю, что тебе нужна твоя сестренка, а не Юрий Михайлович, только мне нужны они оба. — Майор повернулся к девушке: — Я догадываюсь, Элла, вам он нужен тоже. Ведь вы также мечтаете ему отомстить за что-то, в противном случае не стали бы рисковать, приглашая нас к себе. Я прав?

Она коротко кивнула и спросила:

— Вы возьмете меня с собой?

— Назовите причину, — попросил Мулько.

Элла отрицательно покачала головой, отвела взгляд, густая краска залила ее лицо.

— Не могу, — пробормотала она. — Не могу, простите...

До Займища они добрались, когда стрелки часов перевалили за десятичасовую отметку. Ночь стояла безлунная и безветренная, воздух был наполнен прохладной влагой — предвестницей долгожданного дождя.

Мулько съехал на обочину, остановил машину в ста метрах от дома, где похитители удерживали сестренку Храмова. Повернулся к Элле:

— Вы останьтесь здесь, там будет небезопасно. И поsignalьте нам, если что...

Двухэтажный коттедж окружал деревянный забор в человеческий рост, перемахнуть через который не составило большого труда. Оказавшись на чужой территории, они поспешили укрыться в тени гаража.

Ждать пришлось недолго. Через несколько минут в проеме отворившейся двери показался рослый парень.

— Закрой, я постучу, — крикнул он, обращаясь к ко-

му-то в доме, и направился в дальний угол двора, к деревянному туалету.

Вскоре парень вернулся к двери и постучал. Стук был явно условным. Мулько запомнил длину интервалов между ударами.

Когда спустя какое-то время в сортир отправился другой бандит, Мулько уже поджидал его там. Он сломал парню шею одним коротким, резким движением, быстро обыскал труп, извлек у него из-за пояса «ТТ» с глушителем и, оттащив мертвое тело за туалет, оставил его в кустах неухоженной смородины.

Подошедшему Храмову Мулько протянул пистолет, в полголоса поинтересовался:

— Обращаться умеешь?

Вместо ответа Храмов забрал у майора оружие и со знанием дела осмотрел его.

У входа Храмов встал за дверью, и через секунду тот, кто находился в доме, услышал условный сигнал. Лицо открывшего дверь мгновенно вытянулось: в нос ему упиралось дуло «Макарова». Воспользовавшись секундным замешательством противника, Мулько дернул его на себя и рукояткой пистолета нанес несколько встречных ударов подряд в левую височную кость бандита. Тот обмяк и замертво повалился к ногам майора. Подав Храмову знак следовать за ним, Мулько шагнул внутрь.

В холле, тесноватом и убого обставленном, было тихо. Лишь из комнаты справа доносились мужские голоса. Из отдельных реплик Мулько понял, что там идет игра в карты, прервавшаяся на время отсутствия одного из игроков.

— А кто у нас с девчонкой остался? — услышали Мулько и Храмов.

— Бес ее караулит. И папик сейчас тоже там, выяснить пытается, как к ее брату эта компра попала.

— Слушай, ведь если учитель не вернет диск, рыжую и в самом деле придется того...

— Придется, — безразличный вздох. — Даже если вернет, все равно придется.

— Вот ты и пойдешь, у тебя это лучше получится. Ты умеешь...

— Эй, Шнек, — раздался третий голос, — открой

братве секрет, как в этот раз орудовать собираешься? Опять бензопилой?

— Навряд ли. Возиться неохота. В ванне, вон, утоплю да в Волгу брошу. Когда она всплыть надумает, уже где-нибудь под Самарой будет. А там ищи концы-веревки!..

После этих слов Мулько уже не смог что-либо предпринять, чтобы помешать Храмову покинуть свое укрытие. Вадим, дрожа от ярости, с пистолетом в побелевшей руке сделал шаг и вышел на середину комнаты.

— Всем тихо, — прошипел он страшным голосом. — Сидеть, ублюдки! Руки — на стол, и чтоб я видел.

Трое парней, сидевших за игровым столом, побросали карты и приподняли над столешницей руки, показывая Храмову, что они совершенно пусты.

— Так кто из вас Шнек? — продолжал учитель, переводя пистолет с одного бандита на другого. — Кто, я спрашиваю?!

— Я, — хрипло выдавил из себя тот, что сидел прямо напротив.

Это «я» было последним, что убийца произнес в своей жизни. Палец Храмова на спусковом крючке три раза дернулся, пистолет издал несколько громких хлопков, и бандит умер прежде, чем опрокинулся на спину вместе со стулом, на котором сидел. Светлую шелковую рубашку на его груди залила алая кровь, но Храмову, очевидно, этого показалось недостаточно, и он продолжал посылать пулю за пулей в неподвижное уже тело. Стрелял Вадим до тех пор, пока в обойме не кончились патроны и пистолет, сухо щелкнув в последний раз, не затих.

В комнате прогремел еще один выстрел. Это Мулько со своего места уложил бандита, который, увидев, как Храмов увлекся расправой, потянулся за своим оружием. Парень просто уронил голову на стол. До пистолета, висевшего под мышкой, дотронуться он так и не успел.

Третий бандит, увидев такой поворот, медленно поднял руки, сполз со стула на колени и забормотал, отползая к стене:

— Только не убивайте! Все скажу... Любые показания... Рыжая в подвале. Там Бес и папик... Мы не хотели ничего плохого. Шнек просто шутил, пацаны, гадам буду!.. Он любил так пошутить...

— Заткнись, — тихо приказал Мулько. — Сколько человек в доме?

— Я уже сказал — двое внизу, и нас пятеро... было.

— Как попасть в подвал?

— Там, в прихожей, есть дверь. Вниз по лестнице...

Храмов отбросил в сторону ставший уже бесполезным «ТТ» и вытащил такой же из наплечной кобуры парня, что сидел, уткнувшись лицом в стол. Трясущимися руками учитель снял пистолет с предохранителя, отвел назад затвор, проверяя, занят ли патронник, и, вернув затвор в исходное положение, выстрелил бандиту в грудь.

— Я тоже люблю пошутить, — процедил Вадим бледный, как саван покойника.

«Ну, педагогика! Ну, дает шороху! — усмехнулся про себя Мулько. — Ты, главное, Тропинина мне до поры в живых оставь».

И в этот момент из холла раздались выстрелы. Первый выбил оружие из руки Храмова и заставил его покачнуться. Мулько вовремя успел отскочить к стене, потому что вторая пуля, предназначавшаяся майору, ударила в стол, в то место, возле которого он только что стоял. Но за этим выстрелом последовали еще несколько, сопровождаемые громким визгом. Кричала женщина.

Когда в холле все стихло, Мулько выглянул из-за двери и увидел распростертого на полу Тропинина. Элла сидела на коленях возле входной двери, держа на вытянутых руках «Стечкин», казавшийся неизмеримо огромным в ее миниатюрных ладонях. Лицо с зажмуренными глазами она отвернула в сторону. Рядом лежал парень, отрывавший недавно дверь Мулько и Храмову. Кобура, висевшая на поясе бандита, была пустой.

— Эй, — тихонько позвал Мулько. — Элла, вы в порядке? Очнитесь, он готов...

Она открыла глаза, посмотрела на своего босса.

— Он... Он в вас стрелял, поэтому я и...

— Спасибо, конечно, — вздохнул Мулько. — Только вы поторопились. Совсем немного.

И тут Тропинин зашевелился, издал слабый стон. Мулько одним прыжком подскочил к нему, заглянул в глаза умирающему.

— Рассказывай, — приказал майор.

— Что?.. Что рассказывать? — Тропинин едва мог говорить.

— Лариса Мулько. Зачем? — Сказав так, Мулько выхватил «Стечкин» из руки подошедшей Эллы и заткнул его себе за пояс.

— Это не я, — прохрипел Тропинин. — Я не знаю, кто... Я бы сначала на куски ее искромсал, чтобы выяснить, кому она продалась, и только потом... Сука, я доверял ей, как самому себе. — Неожиданно он умолк, с удивлением глядя на майора. — Я тебя знаю?

— Знаешь. Прошлый год, Эмираты, партия просроченных медикаментов... Продолжать?

— Не надо, я вспомнил... ты состоял в службе охраны...

Хлынувшая изо рта кровь помешала Тропинину закончить фразу. Он уронил голову набок и затих. Навсегда.

Мулько посмотрел на рубашку наркодельца, залитую кровью, повернулся к его секретарше. Уважительно прищелкнув языком, произнес:

— Три пули в грудь с закрытыми глазами... Впечатляет!

— Александр Иванович, — окликнул из комнаты Храмов. — Подвал!

— Уже иду, Вадим. Элла, помогите ему, перевяжите, если надо... В общем, не мне вас учить...

Сырой полумрак подвала наполнял тусклый свет одной-единственной засиженной мухами лампочки. Мулько быстро огляделся вокруг, но никого не увидел. И вдруг в самом дальнем, совсем темном углу, раздался слабеющий крик. Повернувшись на звук, майор разглядел невысокого мужчину, прижимавшего к своей груди голову Юльки. Левой ладонью бандит зажимал ей рот, ствол пистолета в правой руке упирался девочке в щеку. Нервы похитителя были на пределе, Мулько ясно различил панические интонации, сквозившие в его голосе.

— Опусти оружие, мусор! — пролаял бандит. — Опусть, иначе я убью ее... Слово даю, мент!

— Успокойся, Бёс, или как там тебя, — проговорил Мулько. — Дом окружен, кругом спецназ. Бросай пистолет и сдавайся...

— Ага, спецназ! Так я тебе и поверил. Явился сюда спецназ, в подвале давно пустого места не осталось бы,

все бы заполонили, суки. И ни одна баба наверху не взвизгнула бы... Опустим оружие, говорю, ты, сволочь! Ну!!!!

Мулько раздумывал какие-то доли секунды. Конечно, он мог выстрелить из того положения, в котором сейчас находился — от бедра, не целясь. И девяносто девять и девять десятых процента отпускалось им на то, что он попадет. Если бы пистолет бандита был направлен на него, на Мулько! Но ствол прижат к Юлькиной щеке, а это значит, она умрет через мгновение после того, как пуля Мулько влетит в голову Беса. Все мышцы человека в момент его смерти непроизвольно сокращаются, поэтому указательный палец уже мертвого бандита автоматически нажмет на спусковой крючок, доделает то, чего не успеет сделать сам бандит.

И тут Мулько опять услышал внутренний голос, который ему давно опротивел: «Майор, перед тобой цель: разделаться с убийцами своей семьи. Эта девчонка — помеха, плюнь на нее!»

— А не шел бы ты! — вслух сказал Мулько и разжал пальцы.

Пистолет упал на пол, подняв над собою столбик серой пыли. словно в замедленной съемке, Мулько наблюдал, как ствол Беса поднимается в его направлении. Еще секунда, и противник нажмет на курок, противник выйдет победителем в этой схватке...

Но вдруг случилось нечто, чего не ожидал никто. Бес стал стрелять, даже как следует не прицелившись. Пули шлепали о стены за спиной майора, вгрызались в потолок, в пол, но ни одна из них не достигла своей мишени. Сам бандит раз за разом принимал какие-то удивительно неестественные, позы, и у Мулько сложилось впечатление, будто бы Беса ломает, колотит в страшных конвульсиях. И тут сквозь грохот выстрелов майор слышал Юлкин крик:

— Дядя Саша, стреляйте! Я больше не могу...

Девочке не пришлось повторять это дважды, потому что в следующую секунду пуля, выпущенная из «Стечкина», который Мулько выхватил из-за пояса, отбросила Беса в угол. Медленно сползая на пол по забрызганной кровью стене, бандит выстрелил в последний раз — себе под ноги. Он был мертв...

Мулько, давно привыкший никогда и ничему не удивляться, осторожно приблизился к девочке. Из глаз Юли катились слезы, ее било крупной дрожью. Бледная, она стояла на... резиновом банном коврикe. А рядом, из стены, в том месте, где, по замыслу электриков, делавших здесь проводку, должна была находиться электрическая розетка, торчали два оголенных провода.

— Ты?! — воскликнул майор.

— Я сделала себя проводником, — проговорила Юлька сквозь частые всхлипывания. — А весь удар пришелся на него. Мне Вадик когда-то рассказывал, вот я и запомнила...

Здесь она прижала ладошки к веснушчатому личику и разревелась в голос.

Мулько смог найти в себе силы лишь на то, чтобы громко расхохотаться...

На улицу они вышли вчетвером. Юля крепко сжимала здоровую руку брата, вторая его рука висела на перевязи, сделанной Эллой из рубашки учителя. Элла шла рядом с Мулько, взяв его под руку.

Было темно, дул сильный северный ветер. Бледная луна временами выскакивала из плотной гущи осеннего неба только для того, чтобы скрыться вновь за белесым налетом облаков, основательно помятых мощными воздушными потоками. Все четверо шагали по направлению к тому месту, где Мулько и Храмов оставили автомобиль.

Мулько скорее почувствовал, чем увидел, движение справа от себя.

— Вадим, ложись! — крикнул он и, пока Храмов, подминая под себя сестренку, устраивался на асфальте, схватил за плечо Эллу и... прикрываясь ею как щитом, развернул в сторону, откуда, по его мнению, должны были прозвучать выстрелы.

Однако выстрелов он не услышал. Он увидел сверкнувшие в кустах вспышки и почувствовал, как дернулось тело женщины. Пистолет Мулько был уже наготове, поэтому он, почти не целясь, несколько раз подряд нажал на спуск. Грохот «Макарова» мог разбудить половину дачного поселка, но майору было наплевать. Он напряженно вслушивался в то, что происходило в зарослях кустарника, и расслабился лишь тогда, когда услы-

шал, как на землю упали два тела. Только после этого он выпустил из рук еще живую Эллу, склонил над ней свое лицо.

— Так иногда случается. Ты должна была предвидеть такой исход, Элла, — спокойно произнес Мулько и спросил: — Или мне следует называть тебя Нинель?

— Ты знал все с самого начала? — прошептала она.

Мулько кивнул.

— Сукин сын. Ненавижу...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Тарасов, ты где? — Мулько, держа трубку у самого уха, неторопливо шагал к тому месту, откуда по нему только что велась стрельба. — Понятно. Значит, бери машину и дуй в Адмиралтейскую слободу. Будешь ждать меня у кинотеатра «Звезда»... Ах, уже бывший кинотеатр... Мне, брат, плевать, что там сейчас находится. Задание ясно? Выполняй, я буду минут через тридцать... Никаких вопросов, Саня. Все объясню потом...

Сложив мобильный, Мулько пробрался в кустарник и остановился подле двух трупов. Один лежал лицом вверх, второй — ничком.

— Вадим, пойдика сюда, — позвал майор. — Узнаешь?

— Кого, Александр Иванович?

— Да хотя бы этого. — Мулько поддел носком ботинка тело, лежащее лицом вниз, и взгляду учителя открылся кусок пластыря почти вполовину лба. — Больше ему никогда не словить ни одной сковородки. Так-то...

Они сели в машину, и Мулько, запустив двигатель, тронулся в путь

...Тарасов дожидался их в условленном месте и, сидя за рулем бледно-голубой «Волги», как всегда, курил. Мулько открыл перед Юлей заднюю дверцу, сам устроился на переднем сиденье.

— Вот что, Саня, — сказал он. — Отвези эту барышню к нам на квартиру и дожидайся моего приезда. Девочку как следует покорми, если захочет спать — уложи. — Мулько обернулся назад. — Юля, твоего телохранителя зовут Саша. Прошу любить и жаловать... Мы, тетка, управиться постараемся быстро.

— Кто это «мы»?

— Лишний вопрос, лейтенант. Действуй!

Усевшись за руль «Фольксвагена», Мулько достал из бардачка ручку и листок бумаги. Передал их Храмову.

— Пиши, Вадим, — приказал он.

— Что писать, Александр Иванович?

— Я тебе сейчас продиктую. Значит, так, шапка: «Начальнику УФСБ по республике... генералу...» Написал? Теперь дальше: «Расписка. Я, Храмов Вадим Семенович, такого-то числа, месяца, года рождения, проживающий в настоящий момент по такому-то адресу, сегодня, — укажи время, Вадим, — поставлен в известность о том, что полученные мною сведения являются частью государственной тайны и не подлежат разглашению в течение времени, определенного действующими инструкциями. В случае, если имеющаяся в моем распоряжении информация станет достоянием гласности по моей личной инициативе, действия мои могут быть и будут квалифицированы как измена Родине, за что я понесу ответственность в установленном законом порядке. Время, дата, подпись, расшифровка подписи». Закончил?

Поставив последнюю точку, Храмов передал листок Мулько.

— Какая сейчас ответственность установлена за измену Родине? — спросил он.

— Какая и была. Это — смертная казнь, Вадим.

— Но она отменена давным-давно!

— Не волнуйся, в твоем случае ее легко применят снова. — Мулько посмотрел на Храмова взглядом, от которого у учителя по спине пробежал холодок. — И будет это выглядеть как несчастный случай или что-то похожее, не вызывающее скользких вопросов. Поэтому не болтай.

— Какую же такую сверхсекретную информацию я успел получить сегодня?

— Пока никакой. Но ты ее получишь совсем скоро. Ну, с Богом!

...Через несколько минут Мулько сворачивал во двор здания на Булаке, в котором располагался офис «Ассоциации помощи воинам-интернационалистам». Выйдя из машины, Мулько достал из багажника сумку с собранным сегодня в квартире Храмова прибором. Кивком головы приказав учителю двигаться следом, Мулько по-

дошел к железной двери, два раза требовательно позвонил.

— Кто? — прокаркал встроенный в дверь динамик.

— Шамиль Юнусов. Президент ассоциации инвалидов-афганцев. Офис двести четыре.

— Который час, знаете?

— Знаю... Откройте, ребята. Забыл сегодня документы, а через два часа самолет. Без этих бумаг командировка теряет всякий смысл. Пожалуйста...

— О-хо-хо! — вздохнул динамик и отключился.

Через минуту стальной язычок замка щелкнул, дверь открылась.

— Что это сегодня всем бумага понадобилась? Вам бы только людей по ночам...

Охранник не успел ни договорить фразу, ни хоть что-то осмыслить из происходящего, потому что Мулько одним коротким, легким тычком заставил тяжеловесного секьюрити свалиться без сознания к своим ногам.

— Проверь второго, Вадим, — приказал Мулько, вытаскивая из штанов мирно сопящего детины узкий ремень. — Только тихо.

Пока Храмов отсутствовал, майор хитроумным узлом связал руки охранника за спиной и поискал глазами место, куда на время можно было бы пристроить бесчувственную тушу. Вернулся Храмов.

— Второй на горшке сидит, — доложил он. — Этого пытается докричаться, бумагу просит.

— Вот и пусть посидит пока. Когда он додумается выломать дверь, мы уже будем наверху, а его друг, — Мулько кивнул на неподвижное тело, — составит нам компанию... Только вот как дотащить его туда, а, Вадим?

Мулько нагнулся и, крикнув, взялся за лацканы куртки охранника. У офиса под номером двести четыре он аккуратно положил тело на пол, забрал у Храмова сумку, надел резиновые перчатки и достал из сумки изготовленное днем приспособление. Зажав в зубах миниатюрный фонарик, майор прикрепил пластмассовую коробку к стене обыкновенной присоской и принялся за работу.

Осторожно оголил две жилки телефонного кабеля и, подсоединив к ним четыре провода от своего прибора, перерезал кабель точно по середине двух соединений. Покончив с первым этапом операции, Мулько щелкнул

одним из четырех тумблеров, расположенных на верхней панели. Стрелка на шкале омметра дернулась и застыла, показывая сопротивление в цепи. Мулько щелкнул вторым тумблером и, покрутив рукоятку регулятора, зафиксировал в нужном положении стрелку на шкале другого омметра. Настроив таким образом свое приспособление, майор одновременно поднял два крайних тумблера, один из которых блокировал соединение с кабинетами «Ассоциации», а второй вводил в цепь заданное сопротивление. С этой секунды устройство, подающее сигналы на пульт отдела вневедомственной охраны, находилось не в офисе, а там, где установил его Мулько. Сигнализация была успешно отключена, и майор смело взялся за обработку замков. С этой задачей Мулько справился быстро: уже через три минуты он втаскивал в кабинет Карелиной бесчувственного охранника.

— Теперь все делаем быстро, Вадим. Запри двери — и за компьютер. Свет не включай... Перчатки надеть не забыл? Молодец, начинай.

Храмов почти закончил, когда детина пришел в себя и приподнял голову.

— Что это, а? Где я? А вы кто такой? — сверлил он майора ничего не понимающим взглядом.

— Извини, дружок, но возиться с тобой нет времени. — И мощным, со всего размаха ударом в челюсть Мулько снова заставил парня мирно засопеть.

— Готово, Александр Иванович, — известил его Храмов. — Я вошел, можете приступать.

Усевшись за рабочий стол Карелиной, Мулько первым делом подвинул к себе настольный календарь, открыл его на странице с числом «двенадцать». Предыдущая страница обозначалась цифрой «девять». Листок с десятым и одиннадцатым числами сентября Карелина сожгла в присутствии Мулько более двух суток назад.

Подсвечивая себе фонариком, майор достал из стаканчика карандаш и принялся легкими движениями заштриховывать гладкую поверхность бумаги. Когда он закончил, на сером фоне отчетливо проступали светлые прогалины, которые шариковая авторучка Карелиной оставила во время записи кода доступа к файлам подразделения «Z-сервис». Повернув листок к светящемуся эк-

рану монитора под нужным углом, Мулько прочитал заветные шесть цифр.

— Ну, майор, ни пуха! — пробормотал он, набирая нужную комбинацию.

Сообщение «Password incorrectly!!!», появившееся на экране монитора, заставило его выругаться. Он скомкал бесполезный уже листок и сунул его в карман рубашки.

— Приступай, Вадим, — сказал Мулько. — Они меняют пароль каждый день. Хотя было бы глупо менять его реже...

На взлом второго пароля времени у Храмова ушло намного больше, но Вадим тем не менее управился и с ним.

— Что дальше, Александр Иванович?

— Врубай «Поиск» и вводи мою фамилию.

— Готово.

— Отлично. А теперь ознакомимся с моим досье. — И Мулько углубился в чтение.

Храмов также скользил глазами по тексту. Прочитав до конца, он поднял на майора взгляд, в котором перемешалось все: изумление, восхищение, даже ужас от прочитанного.

— Если то, что здесь написано, правда, значит, вы... вы просто Штирлиц, Александр Иванович.

— Я не Штирлиц, Вадим, я намного мельче. Штирлиц сражался за идею, у меня же никаких идеалов нет... — Мулько на мгновение задумался. — Поищи-ка теперь «Личный состав».

— Не найдено, — сообщил Храмов.

— Тогда попробуй «Персонал».

— Есть... Что именно мы ищем?

— Личные фото сотрудников подразделения. Всех сотрудников.

Через несколько секунд экран заполнила целая галерея персонажей. Просматривая снимки, Храмов несколько раз издавал удивленные возгласы и поворачивал к Мулько лицо, на котором читался один-единственный вопрос: «Как же так?!»

— А вот так, друг ты мой любезный, — ответил майор. — Теперь понятно, почему я взял у тебя расписку?

— Теперь понятно, Александр Иванович.

Мулько выключил компьютер, поднялся из-за стола.

— Уходим, Вадим, — скомандовал он. — Оставь здесь все как есть. Наплевать... Моя сногшибательная интуиция подсказывает, что хозяйка этого кабинета больше сюда не вернется. Никогда...

— Принимай гостей, тезка! — Мулько, заметно повеселевший, стоял в дверях с бутылкой в руках. Храмов скромно маячил за спиной майора.

— По какому случаю, Александр Иванович?

— Служба к концу подходит. Скоро дембель, лейтенант!

Мулько с Храмовым прошли в квартиру.

— Давайте все в комнату, я сейчас что-нибудь соображу, — сказал Мулько, направляясь на кухню. — Юлька спит?

— Нет. Сказала, что не уснет, пока не увидит своего брата живым и здоровым. В зале она, телевизор смотрит.

— Отлично. Ну, оформляйте пока столик, а я тем временем придумаю, что на него поставить.

На кухне он сразу занялся приготовлением напитков. Покончив с водкой для мужчин и апельсиновым соком для Юли, Мулько на скорую руку приготовил нехитрую закуску из того, что смог найти в холодильнике.

Поставив все на поднос, майор прошествовал в гостиную, где журнальный столик, выдвинутый на середину комнаты, уже ожидал его появления. Все расселись вокруг стола, и Мулько поднял свою рюмку.

— Я не мастак говорить, — сказал он, обводя взглядом компанию, — но сегодня сказать хоть что-то просто необходимо. Хочу поблагодарить вас всех за ту помощь, которую каждый из вас оказывал мне в эти дни по мере своих возможностей. Тебя, Саня, тебя, Вадим, и тебя, Юля. Если бы не вы, мне вряд ли удалось бы закончить то, что я намеревался закончить. Но сейчас для нас все самое страшное позади, а впереди, надеюсь, только хорошее. У школьницы Юли Храмовой — учеба, у преподавателя Вадима Семеновича — первоклашки, у старшего лейтенанта Тарасова — служба, у майора Мулько — его долгожданная пенсия. Так давайте выпьем, друзья, за наше будущее, ибо прошлое, сколько за него ни пей, изменить невозможно. — И Мулько приподнял свою рюмку.

Первым выпил Храмов, за ним — Тарасов: Юлька залпом осушила половину бокала сока. Мулько поднес рюмку ко рту, но вдруг замер и медленно поставил ее на стол.

— Газ на кухне забыл выключить, — пояснил он. — Сейчас вернусь...

Когда он снова вошел в комнату, вся компания мирно спала. Тарасов развалился на диване, Юля с Вадимом — каждый в своем кресле.

Мулько поменял бутылку и пакет с соком на новые, сполоснул рюмки и бокал свежими напитками, снова поставил их на стол. Затем достал из кармана Тарасова мобильный, отключил его. Вернув трубку на место, майор критическим взглядом окинул помещение и вышел.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Погода портилась.

Когда Мулько вышел из машины, в лицо ему ударил мощный порыв холодного ветра, закружились в скучном хороводе надвигающегося ненастья сухие опавшие листья. Лето бросило свои равелины и в панике бежало, чтобы успеть спрятаться от кровавых закатов и студеной рассветов беспощадной осени.

Мулько зябко передернул плечами, огляделся вокруг. Улица была пустынна, особняк Тропинина за ветвями деревьев чернел глазницами погасших окон. Майор подошел к калитке, позвонил. Охранник показался почти сразу.

— К кому?

Мулько развернул свое настоящее удостоверение.

— К супруге хозяина, — ответил он.

— Ничем не могу помочь. Утром — пожалуйста, будем рады вас видеть, а сейчас извините.

— Два часа назад убит Тропинин, — пояснил Мулько.

— Убит?! То есть я хотел спросить, почему до сих пор молчит его личная охрана?

— Они тоже погибли смертью героев... Так вы откроете или мне за ордером отправляться?

— Подождите, я должен предупредить о вашем приходе...

Спустя несколько минут лязгнул электрический замок, калитка открылась.

— Я попрошу вас недолго, — сказал охранник, — Виктория Сергеевна весь день плохо себя чувствовала, сейчас мучается бессонницей. Да, и свое оружие вы должны оставить здесь, таков порядок. Иначе...

Мулько не стал выслушивать, что будет в случае его отказа. Он молча протянул мужчине пистолет и по гравиевой дорожке направился к дому.

Викторию Тропинину майор нашел в одной из задних комнат второго этажа. Женщина сидела в инвалидной коляске у камина спиной к двери. Света в просторном помещении почти не было, если не считать работающего телевизора в углу и слабых отблесков от догорающих поленьев. На звук открывающейся двери она развернула кресло и посмотрела на вошедшего пустым, безжизненным взглядом.

— Я слушаю вас, — тихо проговорила она. — Что случилось с моим мужем?

Мулько открыл было рот, чтобы ответить, но, внимательнее всмотревшись в лицо Тропининой, почувствовал, как по спине у него пробежал легкий озноб. Слова застряли в горле, Мулько не мог поверить своим глазам. Перед ним сидела она! Это было ее лицо, лицо Ларисы Мулько, его погибшей жены. Тот же овал, тот же изгиб бровей, тот же упрямый подбородок, но... Вот только нос был слегка курносый, весело вздернутым, и, как ни странно, это не создавало никакого контраста с тем состоянием, в котором находилась сейчас сидевшая в инвалидном кресле женщина.

У Мулько уже мелькала мысль о том, что он может здесь увидеть, но мысль эта показалась ему настолько шальной и фантастической, что майор отмел ее тут же. И вот теперь его догадка подтвердилась со всей очевидностью.

— Вы привидение увидели? — спросила женщина, удивленная произошедшей в посетителе переменой. — Я повторяю свой вопрос: что случилось с моим мужем?

Мулько наконец обрел способность говорить и ответил:

— Он убит в бандитской перестрелке. Сегодня, около двух часов назад.

— Где? — спокойно спросила она.

— В Займище. Дачный комплекс...

Таким же спокойным голосом она перебила:

— Я знаю, дачный комплекс «Волга». Там дом одного из его телохранителей.

— Вы, Виктория Сергеевна, словно и не опечалены его внезапной смертью, как будто...

— Я давно готовила себя к ней. Очень давно. Рано или поздно это должно было случиться... Как вас зовут?

Мулько представился.

— Скажите честно, Александр Иванович, это не вы его убили?

— Нет, — честно ответил Мулько, — не я. Но я говорил с ним перед смертью.

— О чем?

— Если я скажу, вам может быть очень больно.

Она горько усмехнулась:

— Я привыкла к боли. Давным-давно. Так о чем вы говорили с ним?

— Я получал у него оперативную информацию. Необходимую для того, чтобы расследовать дело, которым сейчас занимаюсь. — Мулько увидел, как у нее на глазах выступили слезы. — Я предупреждал вас...

— Это скоро пройдет... Мне нужно будет отправляться на опознание?

— Разумеется, но не сегодня. В ближайшее время за вами заедут. Скажите, Виктория Сергеевна, а что произошло с вами? Последствия болезни или банальная авария?

Она кивнула.

— Три года назад я попала в автокатастрофу. Врачи думали, что не выживу, но, как видите, до сих пор не на кладбище.

— Что случилось тогда?

— На встречную полосу вылетел «ЗИЛ», я угодила прямо ему под капот. В результате тяжелое сотрясение мозга, перелом позвоночника, повреждение спинного мозга, сложные переломы всех четырех конечностей, разрыв селезенки. В общем, целый букет... Муж потратил уйму денег, чтобы привести в порядок мое лицо, мне сделали несколько пластических операций.

— Это, конечно, не мое дело, Виктория Сергеевна... Скажите, у вашего мужа, кроме вас, были женщины?

Она слабо улыбнулась.

— А у вас бы, окажись вы на его месте, не было? Конечно, были. Только ведь я и за женщин-то их не считала. Так, ночные бабочки, сегодня она здесь, завтра там... А он после мимолетного общения с ними, ко мне мчался на всех парусах, буквально на руках меня носил, слова ласковые шептал. Я знаю прекрасно, откуда он явился, а все равно на душе птицы поют. Сами посудите, что с меня такой взять!..

— Вы сильная женщина, — уважительно покачал головой Мулько.

Тропинина сделала возражающий жест.

— Сильных женщин не бывает. Многие из них лишь пытаются притворяться таковыми, но в конце концов устают от этого, и вы видите перед собой несчастную, крепко побитую жизнь. Другое дело — веселые, те, из которых оптимизм тоннами сыплется. Им и сильными-то быть не нужно, им всегда легко и весело. Я, к сожалению, не из таких...

— Нет, вы сильный человек, — упрямо повторил Мулько.

И вдруг его внимание привлек сюжет, транслировавшийся по телевизору. Он попросил разрешения прибавить громкость.

«— Сегодня вечером, — зазвучал голос Маргариты Суворовой, — в лесопарковой зоне Яснoвожска обнаружен обезображенный труп женщины. Установить ее личность не представляется возможным, так как голова и пальцы на руках отсутствуют. Никаких документов и вещей при ней найдено не было. Известно только, что мертва она предположительно с позавчерашнего дня, более точную дату смерти поможет установить вскрытие...»

На экране возникло изображение небольшой полянки, где, освещенное автомобильными фарами, лежало мертвое тело. Изображение лишь мелькнуло, но Мулько успел разглядеть одежду убитой. Это были светлые брюки и такая же блузка с перламутровыми пуговицами, стилизованными под раковины морских моллюсков...

— А теперь к международным новостям», — проговорила Суворова.

Прослушав следующий сюжет, Мулько едва не рассмеялся, удержало его присутствие Тропининой.

«Мог бы сразу догадаться», — подумал он, убавляя звук.

— Спасибо, Виктория Сергеевна, что уделили мне время.

У самых дверей он обернулся и спросил:

— Вам ни о чем не говорит фамилия Каримов?

При этих словах ее бледное лицо сделалось еще бледнее, она несколько раз часто-часто закрыла и открыла глаза и переспросила:

— Альберт Каримов?

— Он самый, Альберт Назипович Каримов, ныне полковник ФСБ. Что вы можете рассказать о нем?

— Тогда он был майором... Между нами существовали серьезные отношения, много лет назад, еще до моего замужества. А почему вы спрашиваете?

Мулько пожал плечами.

— Просто он прекрасно знал эту обезглавленную женщину, только и всего.

— Как же вы узнали, кто она такая, если даже милиция...

— До свидания, Виктория Сергеевна, и... примите мои соболезнования.

Мулько вышел, забрал у охранника пистолет, договорился по телефону о встрече и поехал в Салмачи.

— Здравия желаю, товарищ майор, — сказал открывший дверь Галеев. — Полковник ждет вас.

Каримов сидел в кресле в комнате, где немногим менее трех суток назад он принимал Мулько. На столе, так же как и тогда, стояла бутылка недорогого коньяка и нехитрая закуска. Он слышал шум подъехавшей машины, но не встал с кресла. Полковник знал, что прибыл Мулько.

В коридоре раздался голос Галеева:

— Что? Что с вами, товарищ майор? Что такое?!

Каримов приподнялся со своего кресла, чтобы самому выйти и узнать, что там происходит, но тут показался майор. Был он слегка бледен, держался рукой за сердце.

— Ничего, ничего капитан. Уже отпустило, — бросил он в приоткрытую дверь. — Ничего, спасибо.

Закрыв дверь, Мулько вошел в комнату, пожал протянутую руку.

— Представляешь, прихватило, — пояснил он полковнику, показывая на левую сторону груди. — Кто бы мог подумать!

— Может, таблеток?..

— Не шути так со мной, Альберт. Когда это я их употреблял по своей воле. Разве что доктора силой заставляли.

Они расселись в кресла, полковник открыл бутылку, разлил по стаканам коньяк и, выпив, спросил:

— Кто взорвал их Саша?

— Кто взорвал? Да ты их знаешь прекрасно: Алексей Шорохов, Владимир Беляев и Элла Зайцева. Или Нинель Сорокина — это как тебе удобно. Они устроили взрывы «Пежо» Ларисы и «БМВ» Рожина. С ними я разделался, остался только ты. Конечно, если хочешь, можем сначала поговорить, только финал все равно будет один. Какой — тебе известно.

— Что ты несешь, майор?! — с вызовом воскликнул Каримов. — Ты что?

— Я себе так представляю, что произошло: однажды ты поймал на какой-то мелочи Лосева, который уже тогда наверняка работал на Тропинина. И ты предложил ему выбор: или — или. Лосев согласился и стал твоим личным осведомителем в лагере Тропинина. Планы твои шли далеко, ты определенно намеревался подмять под себя весь его бизнес, но пока не знал, как именно это сделать. И вдруг ты неожиданно узнаешь, что в браке с Тропининым состоит твоя бывшая любовница Виктория. Прости, не знаю ее девичьей фамилии. И тебе отлично известно о ее поразительном внешнем сходстве с Ларисой Мулько. И вот тут-то все решение проблемы пришло само собой. Нужно всего-то навсего устроить автокатастрофу жене Тропинина, а потом с помощью Лосева внедрить в одну из дочерних фирм корпорации Ларису. Ты прекрасно знал о ее увлечениях детективными произведениями и наверняка предложил ей работу секретного якобы агента. Чем ты мотивировал это предложение? Моей гибелью?

— Я сказал ей, что появилась информация о непосредственной причастности Тропинина к твоей смерти, — с улыбкой ответил Каримов. — Тропинин с Золотовым уже тогда начинали набирать неплохие обороты, а ты оказался для них непреодолимой преградой. Я объяснил ей, что за границей ты нарыл на друзей убойный компромат и собираешься представить его их партнерам по бизнесу в Цюрихе. Разумеется, она была уверена, что вся работа проходила с санкции нашего руководства. Согласилась Лариса моментально.

— Я приблизительно так и думал. Иначе она показала бы тебе на дверь, и никакое увлечение детективами не позволило бы ей оставить любимого человека. Я Вадима Храмова имею в виду. А ее донесения ты, разумеется, складывал в сейф, чтобы потом никогда оттуда не достать. Однако все это было лишь моими предположениями, которые ты, кстати, сам и подтвердил. А теперь послушай, как я пришел к этим выводам, от чего отталкивался.

Твоей первой ошибкой было раскрыть мне суть задания, чего наше руководство тебе никак не могло приказать сделать, ни при каких обстоятельствах. Далее перестарались с организацией взрыва твои шестерки. Сойти за дилетантов у них не получилось: они устроили взрыв направленного действия. Вся сила от него пошла вверх и вперед, чтобы потом в багажнике можно было обнаружить остатки героина. Если бы они заложили обыкновенную бомбу, воронка на месте взрыва от такого количества тротила была бы приличной. Но на асфальте не было даже трещин. В-третьих, на приеме у Карелиной я намеренно пошел на искажение результатов тестов. К дереву я пририсовал мощные корни, уходящие глубоко в землю, а над избушкой изобразил печную трубу и струю дыма. Такие факты говорят лишь об одном — о сильной привязанности человека к дому, к родным местам. Ни о какой работе моего профиля в таких случаях не может быть и речи... Странно, что ты купился на это. В-четвертых, о непричастности Тропинина к убийству я догадывался с самого начала. Узнав о взрыве, он тут же помчался к Золотову, не взяв с собой телохранителей. Скорее всего, ездил он туда решать, что делать дальше. В-пятых, во

время утреннего телефонного разговора со мной ты нисколько не удивился моей осведомленности о связи «Тропинин — Золотов». Значит, тебе уже передали запись нашей с Лилей ночной беседы те двое «молодоженов», которые въехали туда за два дня до моего приезда. Я, кстати, нашел обрывки проводов и пару клемм, когда осматривал эту квартиру. В-шестых, когда Лосев показал мне фото Ларисы и Рожина, я сразу сообразил, что это очень искусный фотомонтаж: на полях карточек присутствовали свежие следы канцелярского клея. Блестящие такие мазки, которые непременно пропали бы или пожелтели, если бы в течение двух лет фотографии находились в альбоме. Поэтому я нисколько не удивился, узнав о его скорой кончине. Его необходимо было убрать как можно быстрее, чтобы я до него не успел добраться. В-седьмых, твои шестерки сами дали мне понять, что иконка с диском подброшена. К нижней поверхности подставки прилипло несколько пушинок. Если бы они действительно искали диск, то я бы его уже не нашел. Невозможно держать эту подставку в руках и не чувствовать, что за иконой что-то спрятано: диск прижимался не очень плотно. Лилю, Альберт, не пытали. Ее просто задушили, а уж потом жгли сигаретами и хлестали плеткой. Диск, кстати, раздобыла Элла с тем, чтобы кто-то шепнул Тропинину, что он у Храмова и чтобы я после похищения Юльки долго не раздумывал относительно причастности Тропинина к убийству Ларисы и Сережки. Ну, а когда я вошел в файлы «Z-сервис», для меня все встало на свои места. Именно там я обнаружил эту «святую троицу»: Шорохова, Беляева и Зайцеву. К Тропининой я явился только потому, что привык доводить каждое дело до конца. Вспомни, как двадцать пять лет назад ты сам меня этому учил. Единственное, что с некоторых пор не давало покоя, это покушение на меня в Займище. Ведь я тебе был нужен в Пакистане. Ответ я получил у Тропининой. Вчера днем в Исламабаде потерпел крушение самолет, в котором находился тот самый замминистра, курировавший таможеню. И по телевизору, кстати, сказали, что он был честнейшим человеком, а не той акулой, какой его представил мне ты. Там же я увидел сюжет с места обнаружения трупa Людмилы Карели-

ной. Ее ты тоже, по понятным причинам, не мог оставить в живых, а обезглавить приказал, чтобы я до поры не узнал о ее гибели. Меня же ты рассчитывал отправить к праотцам там же, в Исламабаде. Вот и весь мой рассказ. Неплохо, товарищ полковник?

— Неплохо, — ответил все еще улыбающийся Каримов. — Только ведь это не для прокурора рассказ. Тому доказательства нужны, а у тебя, Саша, насколько я могу судить, никаких доказательств нет. Ни единого факта.

— Возможно, они и существуют, эти доказательства: дневник Ларисы, который ты наверняка запретил ей вести. Понимаешь, если человек даже раз напишет что-то хоть мало-мальски приличное, он уже не сможет остановиться, будет продолжать и продолжать. Это как наркотик, мне один знакомый журналист когда-то объяснял. В записях же Ларисы чувствовалась писательская жилка. Поэтому я допускаю, что она продолжала писать, а хранила свои тетради в одном укромном месте. Храмов мне рассказывал, как они часто выезжали на природу к одному и тому же дереву. В дереве есть глубокое дупло, и расположено это дупло совсем низко от земли. Она отправляла Сережу с Вадимом кататься на машине по просеке, а сама уединялась у этого дерева, надолго уединялась. Конечно, может статься, что я ошибаюсь, да это в общем-то и неважно. Мне не нужны никакие доказательства, я просто застрелю тебя, вот и все.

В руке Мулько материализовался «Стечкин», направленный в голову Каримову.

— Галеев, — крикнул тот и повторил: — Галеев!!!

— Нет больше твоего Галеева. За дверью он, в коридоре лежит. Шею я ему свернул. Не напрасно же я ломал представление с сердечным приступом.

— Ты этого не сделаешь, — пролепетал Каримов изменившимся голосом. — Подумай, что тебя ждет в этом случае!

— Ничего плохого меня не ждет. Твой Тарасов сейчас дрыхнет без задних ног, а когда проснется, с пеной у рта станет всем доказывать, что я всю ночь проспал на соседнем диване. Да кроме него там еще два свидетеля имеются. — И Мулько плавно нажал на спуск.

В последнее мгновение он успел заметить, как округ-

лились глаза Каримова, как лицо его исказила гримаса ужаса и как промеж широко открытых глаз полковника образовалось небольшое отверстие. После чего раздался страшный грохот и голова убитого резким движением откинулась на спинку кресла, заливая ее темной дымящейся кровью.

«Интересно, слышал ли он выстрел? — подумал Мулько. — Или же этот выстрел показался ему простым щелчком? Щелчок, яркая вспышка — и все... Конец».

Мулько перешагнул через труп Галеева, спустился на улицу. Пронизывающий ночной холод мгновенно пробрался под рубашку, непривычно пощипывая тело, превращая кожу Мулько в шершавую терку. Откуда-то с противоположной стороны Салмачей донеслась переключка дворовых собак, где-то на окраине Яснволжска прогрехотал дежурный трамвай.

«А контракт с Конторой придется, похоже, продлить, — думал он на пути к машине, зябко поеживаясь. — Альберт был прав, я ведь ничего больше делать не умею. Я зачехну в этих пыльных кабинетах».

Он уселся за руль, закурил и уверенно погнал «Фольксваген» в ту сторону, где многоцветными разливами мерцали огни ночного города...

Василий ВОРОНЦОВ
**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ИСКУССТВЕННОГО
С ЖИВЫМ**

фантастический рассказ

Зеркало человеческой истории удивительно искажено всевозможными мифами, легендами и сказаниями, подчас не столько повествующими о событии, действительно имевшем место, сколько меняющими до неузнаваемости самую его суть. Порой вымысел куда интереснее и поучительнее исторического события, а порой, наоборот, сказание искажает весь смысл происшедшего, становясь несерьезной глумливой байкой, бродящей по свету в виде басни для детей или анекдота, уместного разве что в компании собутыльников. И за раскатами пьяного хохота или детского улюлюканья очень часто теряется извечный вопрос о том, что же было раньше — яйцо или курица.

Засекин снял очки, потер усталые глаза и, водрузив свою оптику на прежнее место, принялся не спеша приводить верстак в порядок. Закончив с уборкой, он подошел к столу и с удовольствием принялся рассматривать деяние рук своих.

На столе лежал пластиковый шар, размером с апельсин, с двумя гибкими гофрированными щупальцами, раскинутыми по бокам. Засекин развернул настольную лампу так, чтобы яркий свет падал на шар, и довольно ухмыльнулся: тонкие щупальца медленно поджались ближе к конструкции и снова замерли.

— Давай, давай, не ленись, — сказал шару Засекин и вышел из лаборатории.

Выпив на кухне квасу, он вышел на веранду, уселся в удобное плетеное кресло и принялся медленно набивать трубку.

Поселок спал. Вокруг лампы, освещавшей веранду желтым светом, с сухим треском кружились ночные бабочки. Задумчиво надкусив черный край близкого леса, что-то пристально и равнодушно разглядывала луна.

Засекин раскурил трубку и, немного помедлив,

бросил потухшую спичку прямо на дощатый пол веранды. И тут же из-под диванчика, стоящего в углу веранды, проворно выбралось членистоногое продолговатое существо, хищно подобралось к несчастной спичке и, выставив откуда-то гибкий хоботок, всосало ее внутрь себя. Засекин легонько пнул существо ногой, и оно, бойко простучав по полу стальными крабьими ногами, немедленно скрылось под своим диванчиком.

Отсюда, из плетеного кресла, его работа в КБ казалась почти нереальностью. Лишь созданные им конструкции являли собой те звенья, по которым он добрался до сегодняшнего дня.

Он начинал с автоматов-ассенизаторов и закончил искусственным сердцем, оказавшимся лучшим из всех когда-либо созданных человеком. Между двумя этими вехами были межпланетные роботы-разведчики, увлечение биологией и лучшие в мире протезы ног и рук (в том числе и для животных), почти не уступающие своим природным прототипам. Он написал несколько книг, самой знаменитой и цитируемой из которых была «Кибернетический организм как взаимодействие искусственного с живым». Таков был его путь, который он превратил из тропинки в асфальтовое шоссе. И там же, на этом шоссе, теперь вызывающе торчал указатель «Заслуженный отдых», который Засекин водрузил своими руками — к плохо скрываемой радости коллег и хватких последователей. Но зато теперь здесь, вдали от всего этого мерзкого бедлама, в мастерской-лаборатории, любовно оборудованной им самим, Засекин мог наконец заняться тем, что давно уже было задумано, но тщательно скрывалось им от своры «радетелей науки».

Засекин закинул ногу на ногу и окутал луну сизым облаком табачного дыма. Уже два года он пытался создать искусственный организм, способный не только самостоятельно мыслить, но и в буквальном смысле, в зависимости от собственных потребностей, конструиро-

вать самого себя. Маленький шар с парой щупальцев на столе в лаборатории был наделен Засекиным именно этими качествами. Он снабдил его память сведениями о множестве живых существ Земли — пусть робот сам выбирает, какой тип скелета ему окажется «по душе», чтобы повторить конструкцию, давным-давно придуманную и воплощенную Природой (а зачем изобретать велосипед?).

Убаюканный сладкими мыслями, Засекин, склонив голову на грудь, незаметно для самого себя уснул в своем любимом кресле.

...Трубка стукнулась о дощатый пол, и Засекин открыл глаза. Светало. Струи тумана неумоимо белили стволы сосен, вплотную подступающих к дому. Засекин вскочил на ноги.

— Господи! Я забыл закрыть дверь!..

И он кинулся в дом, едва не сбив робота-уборщика, который уже успел втянуть в себя высыпающийся из трубки пепел и теперь никак не мог понять, является ли мусором сама трубка.

...Дверь в лабораторию была приоткрыта. Засекин вошел и сразу увидел своего Зигмунда.

Кот Зигмунд был вхож в любые двери на даче Засекина — лаборатория не была исключением. Его давно перестали пугать изделия хозяина из железа и пластика. А чего их бояться? Нежить она и есть нежить, ни поиграть с ней, ни съесть...

Засекин опустил на колени перед тем, что еще совсем недавно было его любимым котом.

Тело Зигмунда было распластано на светлом линолеуме лаборатории. Все четыре лапы оказались прибитыми к полу парой ножниц, скальпелем и одним гвоздем. Потроха лежали рядом.

— Господи, зачем? Что ему понадобилось искать внутри?..

Засекин подавил слезы, поднялся на дрожащие ноги — искать робота в лаборатории не имело смысла: он был давно в бегах. Ругая себя и одновременно мыслен-

но одобрив свою предусмотрительность, профессор достал из ящика стола изготовленный специально для такого случая приборчик, способный указать направление, в котором скрылся спятивший электронный питомец.

Засекин более внимательно осмотрел лабораторию и увидел на лабораторном столе горстку деталей, без сомнения, некогда принадлежавших роботу. Профессор принялся их изучать и вскоре понял, что беглец — так или иначе — себя переделал. То, чего так долго добивался Засекин, свершилось...

Профессор с жалостью взглянул на распятого на полу Зигмунда, и какое-то смутное подозрение шевельнулось змеей в его сердце. Он снял очки, чтобы вытереть влажные глаза и подумать, но тут вновь посмотрел на кучку лишних деталей и тихо охнул. Он торопливо включил поисковый прибор и тут же выдохнул с облегчением: робот, модернизируя себя, не добрался до маленького жучка-маячка в своих недрах.

Быстро осмотрев лабораторию, Засекин пришел к заключению, что робот, вместо того чтобы увеличить свои размеры, наоборот — уменьшил.

Времени было мало, и профессор стал собираться в погоню.

Закидывая за спину небольшой рюкзачок, Засекин еще раз скользнул взглядом по несчастному Зиги. Вероятно, программа самосохранения оказалась чересчур раздутой. Но для чего все-таки ему понадобилось так расправляться с животным? М-да...

Солнце еще не поднялось, но в лесу уже было довольно светло. Засекин торопливо шагал по небольшой тропинке, ее направление пока совпадало с указанием радара. Скоро идти пришлось прямо сквозь лес, и хорошо еще, что он был достаточно редким. Слушая позывные маяка через маленький наушник и поглядывая на экран радара, Засекин напряженно думал.

«Пожалуй, это успех, да... Несчастный Зиги... Разделить кота, чтобы понять нюансы конструкции? Маловероятно, хотя... Я снабдил его память обширнейшим каталогом... Ну, хорошо. Сухожилия он не тронул. Странно. Что на него нашло?.. Он прячется. Да, он пытается спрятаться! Молодец какой все-таки... мясник, подонки!..»

Засекин что-то заметил неподалеку и остановился. В кустах лежал какой-то зверь и, похоже, совсем не собирался удирать. Профессор стал приближаться, шуря за линзами очков глаза. Вот так номер...

Под елью на ковре из опавших иголок лежала лиса. Ей повезло чуть больше, чем Зигмунду. Вся морда у нее была исцарапана, из шрамов все еще сочилась кровь. Пасть была широко открыта, а нижняя челюсть, похоже, свернута. Два клыка оказались сломанными. Засекин осторожно перевернул лису. Ее брюхо было вспорото, кровавый след тянулся от него по сухим иголкам, устилающим землю, и терялся дальше в лесу. Профессор поднялся — других ран на теле зверя не было.

— Что же ты творишь, маленький негодяй? — пробормотал он, поправил наушник, соединенный с коробкой радара, и пошел, слегка пошатываясь, дальше.

Солнце палило вовсю, и тень от деревьев едва спасала Засекина. Поиски продолжались уже семь часов. За это время беглец, судя по показаниям радара, трижды менял свое направление, но теперь, видимо, находился не так далеко. Лес был совсем незнакомый, но, по счастью, все еще проходимый. Тяжело дыша и обливаясь потом, профессор решил передохнуть и присел на ствол поваленного дерева.

— Чтоб тебя...

Робот был совсем недалеко, но как его ловить, Засекин сообразить не мог. Решив пока не думать об этом, он оглядел хмурый темный лес и вдруг вздрогнул от догадки. Профессор побледнел и облизал шершавые сухие губы.

— Господи... — прерывающимся шепотом бормотал он, безумным взглядом вновь окидывая лес. — Как же я сразу, старый дурак...

Будто нарочно, солнце зашло за некстати подвернувшуюся тучку, и лес, и без того выглядевший хмуро, тотчас надвинулся, хищно качнув косматыми верхушками, и Засекин с ужасом понял, что из охотника он сам, похоже, превратился в добычу. Судорожно ощупывая взглядом прелую прошлогоднюю листву и сухие сучья на земле, он продолжал бормотать:

— Все сходится... Он уменьшил диаметр корпуса, чтобы... Подонок... Ну конечно, он прячется. Как же я допустил! Все верно. Зачем что-то конструировать, когда можно взять готовое...

Писк в наушнике стал нестерпимым, и профессор взглянул наконец на экранчик радара. Десять метров! Он подскочил как ужаленный и стал пятиться, с ужасом всматриваясь в темень леса.

Словно торопясь не пропустить самое интересное, из тучки выкатилось солнце. И тут же из-за дерева, исподлобья глядя на профессора, вышел волк.

— Вот ты где... — хрипло прошептал Засекин и выронил ненужный уже радар. — Не по размеру лиса-то оказалась...

Волк медленно наступал, и на его расцарапанной морде темнела запекающаяся кровь.

...С большим трудом он поднялся с земли, ощущая так называемую «боль» всем телом — изношенность этого организма давала о себе знать. Вдобавок ко всему невыносимо першило горло, болела челюсть и расцарапанное лицо шипало и кровоточило. Он перешагнул через издохшего волка и пошел назад — нужно было приспособливаться к новым условиям существования.

История, повествующая об этом происшествии, искажена до неузнаваемости. Поэтому вопрос, каким образом легенда сумела опередить во времени событие,

породившее ее, становится будто бы несущественным. Да и люди, среди которых это сказание бродит еще по свету, слишком далеки от того, чтобы обращать на это внимание.

— Славная песенка! — сказала лиса. — Да стара я стала — плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой еще разочек.

Колобок прыгнул лисе на нос и запел:

— Я колобок, колобок!..

А лиса его — ам! — и съела.

СЕРИЯ: МОЙ ПЕРВЫЙ УЧЕБНИК

СЕРИЯ: ВЕСЬ ИЗУМРУДНЫЙ ГОРОД

СЕРИЯ: СКОРО В ШКОЛУ

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЯ

журнал «Колокольчик»

журнал «Мир «Искателя»

серия «Детективы «Искателя»

